

ДЕНИС МАЛЫГИН

ТЕКСТ: БЛЯ:МЕНЕЖЕРА:

ШЕЛУХА: ЖИВЛИЗАЦИИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Денис Малыгин

**Тест для менеджера.
Шелуха цивилизации**

«Автор»

2021

Малыгин Д. В.

Тест для менеджера. Шелуха цивилизации / Д. В. Малыгин —
«Автор», 2021

Герои книги вырваны из привычного мира в дворцовый переворот в качестве подставных лиц. Те, кто остался жив после этого, в качестве заключенных отправляются на край земли, в суровые пустоши севера, погружаясь в дикий и жестокий мир и общество ему под стать. Километры дорог, холод и голод, десятки испытаний, звери и люди, проклятие северных воинов, все это будет тонкой стружкой снимать с героев слой за слоем. Каждый из героев пройдет свой путь, с каждого отделит шелуха цивилизации, обнажив истинную суть души и натуры. Герои, в попытке выжить, получают ответы на вопросы, которые задавали себе в прошлой жизни. В этом жестоком и прекрасном мире все эмоции и чувства зазвучат в душах людей по новому. Любовь, страх, жестокость и милосердие, - все будет переосмыслено героями книги. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Содержит нецензурную брань.

© Малыгин Д. В., 2021

© Автор, 2021

Денис Малыгин

Тест для менеджера. Шелуха цивилизации

Человек, в своей сущности, дикое и страшное животное. Мы знаем его только в состоянии укрощённости, названным цивилизацией. Поэтому нас пугают случайные выпады его природы.

А. Шопенгауэр

Пролог.

Зал был огромен. Он поражал своей роскошью и буквально давил своим величием. Но молодому человеку, капризно, как ребенок, топающему ногами и визжавшему, не было совершенно никакого дела до величественного трона и целой галереи портретов изображавших, в основном, суровых мужчин с разнообразными орудиями убийства себе подобных.

В отличие, от изображенных на картинах у молодого человека было рыхлое тело и одутловатое лицо. Белые пухлые ручки, сейчас гневно заломленные, явно никогда не знали физической работы. Но основным отличием были глаза. Нет не их цвет, он то как раз удивительно совпадал почти со всеми персонажами галереи. В глазах толстячка навсегда застыло то презрительно скучное выражение, которое так присуще всем, кто с раннего детства привык иметь все и сразу, совершенно не напрягаясь.

– Ты просто придурок, солдафон, у тебя что, без моего приказа мозги не включаются! Зачем было разгонять эту прекрасную выставку!!! И дружка своего притащил еще.

– Ваше Солцеподобие я лишь не позволил себя унизить, и, кроме того, нам срочно нужно принять решение.

– Унизить!!! Да ты сломал герцогу кисть и челюсть!!!

– А этот хр... , молодой человек успел стать герцогом? Да я просто перехватил его руку и дал пощечину, кто же знал, что он такой хрупкий.

– Тупица ты безнадежен, чего тебе надо?

Собеседника гневного толстяка тупицей и придурком назвать можно было только обкурившись веселящей травой с юга. По крайней мере, пятна на щеках солцеподобия, явно на это указывали.

Высокий, с бугрящимися мышцами на руках, прямой спиной и волевым лицом. Лишь морщины на обветренном лице и седые волосы выдавали, что человек уже не молод.

Его «дружок» был точной копией седого, лишь черные как смоль волосы и более тонкая талия выдавали его возраст. Застывшие желваки на скулах и побледневший шрам на лбу внимательному собеседнику могли сказать о том, что молодой человек еле сдерживает себя.

– Северяне опять высадились на нашем побережье, от Легиона нет вестей уже два сезона, но, это еще не все, во взгляде седого проступила растерянность.

– Заговор Ваше Солнцелюбие! Заговор, который угрожает всей Вашей семье.

– Заговор!!! Немедленно всех казнить!!! Скормить медведям!! Четвертовать!!!

– Мы знаем лишь дату, на праздник открытия Игр, но участников заговора может быть много, и кто они лишь предположения.

– И что же нам всем делать? Сидеть и видеть ваши унылые рожи до начала Игр. Может быть, казним всех, кого подозреваем.

– Боюсь, тогда в столице останется только Ваша семья.

– Останусь еще и я – прошелестело из-за колонны.

Седой дернулся, и лишь отменная выдержка остановила метнувшуюся к поясу руку.

– Что Сид ищешь свой меч? Так во дворец с мечами не пускают, с тех пор как я заменил твоих гвардейцев нашей стражей. Сказавший это был лысый, сухощавый старик с цепким взглядом.

– Наконец то мастер Дарси – заголосил толстяк – избавьте меня от этих железных голов, можно я пойду уже на выставку?

– Ваше Солцеподобие на этот раз даже железные головы гвардии понимают, что необходимо быть крайне предусмотрительными.

– Что нужно делать? Голос толстяка был плаксиво безнадежным.

– Подберем хороших двойников за неделю до Игр, и когда изменники проявят себя, казним всех.

– У тебя уже подобран мой двойник? Интересно было бы с ним познакомиться?

– Пока нет, но Безумец обещает, что двойник будет у нас завтра

– А мне что сидеть все это время в этом сарае?

Мастер Дарси обвел взглядом величественный зал и опустив глаза, чтобы не выдать своих чувств, зашептал толстяку на ухо – у меня есть новая партия «Зеленой радости» и новые мальчики с юга, думаю, это скрасит Ваше время.

Взгляд толстяка затуманился, все три подбородка мелко затряслись, и он с придыханием зашептал – давай же Дарси веди скорее, а сам разберись здесь.

– А что с северянами и Легионом Ваше Солнцеподобие, гибнут люди? Сид намеренно игнорировал мастера Дарси, обращаясь только к молодому толстяку.

– Да плевать на них, партию нового отребья отправим в Легион после открытия Игр, а Северяне пограбят и уйдут. Все прочь с моих глаз идите и ждите приказов Мастера Дарси.

Военные молча повернулись и покинули зал. Лицо Мастера Дарси исказила жестокая гримаса.

-

Масляный светильник давал больше копоты чем света. Грубые каменные стены были так же мрачны, как и неподвижное лицо Сида. Он лежал на своеобразных нарах и был так же неподвижен, как и каменные блоки стен, упершись взглядом в одну точку на потолке.

– Генерал как Вы можете терпеть это?! Голос его недавнего спутника срывался на яростный хрип. Я не могу видеть, как эти ублюдки буквально сосут кровь из народа!!! А мы сидим тут уже почти неделю!!!

– Остынь Лесс. Какой народ, такие и правители. Не думай обо всех людях – надорвешься. Я присягал Императору и перед его смертью обещал заботиться о его детях. Я просто исполняю свой долг.

– Я ухожу генерал. Можете считать меня дезертиром.

– Я предполагаю Лесс, что завтра, в день открытия Игр ты будешь среди тех, кто готов принести себя в жертву ради иллюзий. Я прошу тебя, не будь их убийцей, ради того маленького умирающего мальчика, которого я подобрал в порту. Мне это важно. Ты знаешь, я никогда не просил ни о чем, сейчас прошу.

– Хорошо генерал, сказал Лесс и не поворачиваясь вышел. На его глазах застыли слезы.

Краггх – кусок доски от нар больно уколол ладонь. Генерал медленно разжал ладонь и щепки, перемешанные с кровью, осыпались на пол.

-

Когда на следующий вечер десять стражников из личной сотни Мастера Дарси неслышно вошли в казарму они увидели, как прославленный генерал гвардии Империи Авако – Седой Сид спокойно зашнуровывает стандартный походный баул legionera.

– Генерал Сид

– Делай свое дело боец, устало сказал Сид и протянул руки под кандалы.

– Проверьте баул, сказал раздраженно десятник, ему очень не понравилось, что Сид совершенно не впечатлен их появлением, ведь от одного их вида у некоторых вельмож отказывали ноги.

– Собирайся на каторгу старик, твое время кончилось.

Сид не видел, но почувствовал замах. Он мог бы показать этим щенкам, что такое настоящий, боевой генерал, но внутренний надлом сковал его, лишил сил и заставлял делать лишь самые необходимые вещи. В глазах вспыхнул огненный шар. Сид упал навзничь.

– Тащите его в общую клетку – самодовольно сказал десятник.

Нереальная встреча

Ах ты бл... как же больно. Ладонь кольнула болью, одновременно со звуком будильника в мобильнике. Болью совершенно не понятной. Борис посмотрел на правую руку. Все в порядке, ладонь как ладонь.

Пятница. Накопленная усталость за неделю просто придавливала к подушке. Шептала – расслабься часик другой ничего не случится.

Но жестокость мелодичной трели мобильника по праву может оценить только современный человек, работающий по определенному расписанию.

Надо вставать. Надо идти на работу. Надо выполнять знакомые действия. Надо, надо, надо – тебе это надо чтобы соответствовать роли, статусу и.т.д, и.т.п.,

Встаем, умываемся, готовим завтрак, «сдаем» детей теще, едем на работу, включаем компьютер, отвечаем на письма – набор действий для настоящего зомби.

Включился по-настоящему, когда обнаружил письмо с незнакомого адреса о предстоящей встрече одноклассников.

Ха-ха какая встреча одноклассников, когда тебе под сороковник и ты участвуешь в гонке под названием жизнь. Кто вообще это придумал, наверняка какая-нибудь одинокая женщина, которой хронически не хватает внимания. Борис ухмыльнулся и забыл про это письмо.

Во второй половине дня радостный голос с незнакомого номера закричал сразу после того, как Борис нажал кнопку приема звонка.

– Борян, братуха, ты давай чтоб в субботу был, а то я тя знаю!!! Хоть засветишь рожу свою, какой стал!!!

Трудно было узнать в этих словах и нагло-развязном тоне примерного семьянина, директора крупной строительной фирмы, мелькающего на телевидении мецената культурных событий и бывшего одноклассника Бориса – Виктора Сергеевича Коца.

Так случилось, что в 11 классе встретила хулигану Витьку хорошая еврейская девушка Мария Аароновна Коц. Может быть, для Витьки, этот роман и остался бы одним из многих, но папа Аарон, видя непритворные чувства дочери, пригласил Витьку на обед и оценив генетический материал для «улучшения породы» сделал юному пролетарию предложение, от которого отказаться трудно. В сухом остатке вышло, что Витя играет пылкого влюбленного, жениться на Марии и во всем слушается мудрого папу Аарона. А тот взамен вводит молодого человека «в семью» – сытую, обеспеченную, с перспективами. Витек сначала ответил по пацански – послал папу. А через месяц, поглядев на спившегося отца и измотанную тремя работами мать, согласился. Для своих одноклассников и друзей по двору превратившись из Витьки в Зятя. Раз в несколько месяцев буйная пролетарская наследственность давала о себе знать, и Зять на одни сутки снова превращался в Витьку. Сутки эти как правило, проходили в угаре, в какой-либо загородной сауне с девицами легкого поведения и реками спиртного. А еще с огромным количеством понтов. Борис как-то раз был на таком веселье и в разгар праздника, когда от платной любви и восхвалений прихлебателей Витька начало заносить, вернул его на землю,

просто и незатейливо зарядив в печень Витьку и покинув праздник. Как ни странно, с тех пор Витек стал уважать его сильнее, чем прежде и даже пару раз помогал Борису, хотя тот и не просил об этом.

– Витя, ну ты же знаешь, я не тусовщик, чего мне там делать. Смотреть в каких бегемотов превратились вчерашние девочки или слушать твои понты. Я уж лучше на тренировку схожу.

– Боря я при тебе не понтуюсь, это раз. Основных бегемотов не будет, они, так же, как и ты сказали, что не хотят видеть обрюзгших мужиков вместо вчерашних красавцев, это два. И если не отдыхать периодически, а пахать на работе и в спортзале снесет крышу, уж это я точно знаю. Я тут организовал в «Кавказе» кабинет на 20 человек, все будет культурно и красиво.

– А чего это ты вдруг старостой на старости заделался?

– Хочешь верь, хочешь нет просто устал, тошно чего-то и хочется просто посидеть и поговорить с людьми, которым от тебя ничего не надо. Вот уламываю тебя и даже кайф получаю.

Борис ухмыльнулся, да что-то действительно похоже на уламывание.

Витек почувствовав паузу, решительно перешел в наступление.

– Да кстати придет Коля Шукин, представляешь, приехал я на свою базу, а он там мешки грузит. Даже не окликнул меня, хотя сказал потом, что сразу узнал. Такой же, как и ты гордый. Я ему пообещал, что и ты будешь. Короче, я в шесть за тобой заеду. Когда Витьку что-то было нужно он мог быть очень обаятельным и убедительным.

Несмотря на то, что обстановка в «Кавказе», одном из лучших ресторанов города, была самая располагающая, в начале вечера все 13 пришедших чувствовали себя неловко. Надо отдать должное Витьку, если бы не его красноречие, юмор и таланты тамады, то вечер если и начался бы, то не больше чем на время, когда люди понимают, что связывало их очень не многое. И вспомнить это можно за час максимум. Через пару часов еще двое бывших одноклассников распрощавшись главным образом с Витьком, совершенно лицемерно заверяли, что будут звонить и писать и что им очень приятно всех видеть, ушли.

Оставшаяся компания как-то сама собой разделилась на три группки.

В одной группе, состоявшей из пяти человек слышалось соло Вероники Шмыгало вой. С детства, одинокая мама внушала маленькой Веронике, что та вырастет и станет принцессой. И даже школьное прозвище «сопля», присвоенное жестокими сверстниками за худобу и вечные простуды, не смогли переломить стремление хоть как-то приблизиться к роли принцессы. В результате три замужества в прошлом и активные поиски очередного в настоящем. Мысль о том, что необходимо вкладывать в себя Вероника понимала особенно. Каждый из мужей оставил след в Веронике, в буквальном смысле, от первого брака ей досталась грудь 4 размера, от второго откорректированный нос, от третьего губы и подтяжка лица. Вероника громко вещала о том, что ей постоянно кто то мешает жить счастливо, то продавцы в бутике, то механики в автосервисе, то городская администрация, не выдающая субсидии за красоту, таким принцессам как она. Ей дружно вторили Лена Шмелева и Галя Кракова. Муж Гали сидел и тихо напивался на халяву, он был самым мирным человеком в этой компании. Еще одним членом этой компании был атлетически сложенный красавец ростом под два метра, с выпирающими из коротеньких рукавов розовой футболки бицепсами. Загорелый, не так как можно загореть на грядках с луком в средней полосе нашей страны, голубоглазый и длинноволосый Ефим Снетко мог бы считаться идеалом красоты и мужественности. Как и многие молодые ребята Фима увлекся «качанием железа» в старших классах. Умом он совсем не блистал, родственников влиятельных не имел, поэтому, для него, как для многих крепких молодых людей, желающих жить красиво, в буйные 90-е, была открыта дорога в многочисленные «бригады». Однако, получив пару раз по ребрам, в одной из незначительных разборок, Фима понял, это не дискотека и тут могут всерьез попортить ту красоту, которую он оттачивал в спортзале. В результате Фима стал инструктором по культуризму и по-модному, в то время, шейпингу. Его совершенно не

смущало, что он единственный, в то время, в городе ведет шейпинг. Потом это перестало смущать всех, и здоровые мужики валом пошли в массажисты, диет-консультанты, фитнес-администраторы и прочие занятия, прикрывающие отсутствие желания трудиться и создавать что-то. А затем его прямо с работы увезла одна дама, которая годилась ему в матери. Достоинствами дамы был последней модели джип с столичными номерами и охранники, из тех, кто посещает спорт залы исключительно с практическими целями. Фима пренебрежительно перебивал Веронику и рассказы его начинались со слов «а вот в Майами...». После этих слов Вероника чувствовала себя по-прежнему «соплей» и с удвоенной яростью обрушивала критику на окружающий мир. Впрочем, Фима перебивал «соплю» только когда она начинала критиковать тренеров в спорт залах и администраторов в спа-салонах. Свой мир Фима умел отстаивать, тонко и по женскому обидно. За годы работы с женщинами Фима многому от них научился. Единственное, что на уровне рефлексов «вбила» в него его «любимая ромашка», та, что увезла его на джипе – не оспаривать первенство и не проявлять инициативу. Сорока восьмилетняя «наследница» масложировых комбинатов так и заявила ему «Фима или ты просто наслаждаешься жизнью в Майами или уе...вай в свою дыру на электричке». Майами победили, и Фима никогда не спорил с женщинами, которые за него платили.

Другая группа, состоящая из трех мужчин, чем-то неуловимо похожих друг на друга, степенно и размерено ели, пили и не спеша, хвалились друг перед другом. Артем Николаевич, Денис Валерьянович, Леонид Юрьевич – три толстых, крутых бизнесмена, после имени отчества называли свой бизнес. Розничная торговля, Автомобильный бизнес, Инновационные технологии. В реальности контейнер на рынке, автосервис и лаборатория, по «независимой» оценке, составов бытовой химии.

И самая малочисленная группа, состоявшая из изгоев этого преуспевающего общества, была представлена Борисом и Николаем. Если с Колей все было понятно – как же какой-то уголовник, то Борис просто не захотел подстраиваться к этим группам. Мог, но не хотел. Как-то не интересно ему казалось смотреть на мир через призму одной выгоды, как это делали «крупные бизнесмены» ну и уж совсем смешно поддакивать истерикам дур.

Витек, как хозяин праздника, был обязан слушать всех, он делал это, красиво и не напрягаясь.

– Так, кто хотел просто пожрать, уже свалили, остались те, кому тошно в жизни и кто еще и мозги трахать будет.

Радостно сообщил Витек Борису и Николаю, опрокидывая рюмку коньяку.

– Ну а вы чего принялись друг к другу? И видя, что оба готовы возражать быстро пояснил

– Просто ассоциация такая сидят два волка, которые со щенков не виделись и принимают друг к другу, вроде знакомый, но надо быть осторожным.

Николай рассмеялся.

– Да уж Боря видно тебя так же жизнь побила, хоть ты и не имел, как я, неприятностей сроком в пять лет.

– Это я просто с людьми постоянно работаю и не питаю иллюзий на счет них.

– Друзья, а давайте посмотрим наши школьные фото, какими симпатиями мы были – громко сказал Витек, включая проектор.

И вдруг Борис увидел, как меняется взгляд Николая, становясь из добродушного ледяным.

В следующее мгновение произошло сразу несколько событий

Борис всем своим существом понял, что-то изменилось в окружающем их пространстве. Коля, как спущенная пружина вскакивает с кресла и застывает, оглядывая зал.

Голова Галиного мужа со стуком падает на стол. Из ноздрей течет кровь.

Борис захотел подняться вслед за Колей, но осознал, что не может пошевелиться. В середине кабинета появилась светящаяся ровным матовым светом точка. Постепенно вырастая, сначала в небольшой шар, затем все больше и больше свет заполнил пространство в виде овала, вырастающего из пола в высоту около двух метров. Если бы Бориса спросили на что этот овал похож, он, не раздумывая сказал бы что это дверь.

В следующий момент, как бы в подтверждение мыслей Бориса из ровного света овала шагнул человек.

Шагнувший был двухметровый атлет... в доспехах. Панцирь на груди из материала чем-то напоминающего спрессованную кожу, круглый шлем, пластинчатые наплечники, массивные браслеты на предплечьях, юбка из широких кожаных полос и подобие сандалий. Вооружен гигант был маленьким щитом и кинжалом. То, как двигался «легионер» – именно так мозг Бориса обозвал этого война, он и в самом деле напоминал по амуниции легионеров древнего Рима, выдавали в нем опытного бойца. Именно так двигались в спортивном зале, куда ходил Борис, некоторые ребята из силовых подразделений, когда вставали друг с другом в спарринг.

Все это мозг Бориса отмечал, что называется «на автомате».

Оглядев быстро все помещение, легионер бросил одно слово за спину, не выпуская из виду никого из кабинета.

Тут же из двери появился второй человек, являющийся противоположностью легионеру.

Он был не высокого роста и совсем не богатой стати. Невысокий, упитанный старичок, в куртке и брюках, оглядев всех, быстро направился к потерявшему сознание Галькиному мужу. Положив ему руку на запястье и оттянув веко мастер, как его называл атлет, облегченно выдохнул и что-то скомандовал на незнакомом языке, сопровождавшему его легионеру. Кто кого сопровождает, было понятно по вниманию и даже некоторому испугу в глазах война, когда он обращался к безобидному на вид толстячку.

Борис увидел, как легионер снял со спины какой-то баул и сноровисто достал из него несколько черных мешков. После этого из баула появилась небольшая склянка из мутного стекла, из которой легионер аккуратно смочил тряпочку.

Последнее что увидел Борис приближающаяся к его лицу мозолистая ладонь легионера с тряпочкой.

Попали.

Сон был наполнен отрывками воспоминаний, незнакомыми людьми, эмоционально ему говорящими непонятные слова и вовсе какого-то бреда с превращающимися в чудовищ людьми. Одно из чудовищ, похожее на огромного волка, вынырнув из туманной мути, с отвратительным хрустом вгрызлось в горло...

Храааа – Борис с вздохом – хрипом вдохнул воздух. Не ощущая ничего кроме животного желания вдохнуть больше воздуха, не понимая, где он, не чувствуя своего тела. Только дышать, больше, глубже.

Отдышавшись, Борис смог наконец, почувствовать себя и осмотреться.

Он лежал на подобии, кушетки в большой комнате без окон и с одной большой и крепкой, даже на вид, дверью. Справа и слева от себя Борис увидел полотняные перегородки. Борис почувствовал, что за ними кто то есть, сам не зная, как просто почувствовал и все.

Борис был привязан к кушетке кожаными ремнями бережно, под ремни положили какие-то мягкие тряпицы, но жестко. Свободно двигаться могла только голова, хотя какая у головы свобода передвижения, не змея же. Ощущения в теле были необычными. Какая-то часть тела чувствовалась хорошо, а вот левая рука практически не подчинялась командам мозга.

Послышались легкие шаги, и над лежащим Борисом склонился толстячок, появившийся из «двери» в ресторане.

Толстячок с видом доктора склонился над Борисом, внимательно всматриваясь в глаза.

– Кто ты такой? Где я? Вопросы, которые уже двадцать лет, со времен окончания студенчества, Борис не задавал.

«Доктор» не ответил и не проронив не слова поднес руку с зажатой тонкой иглой к глазам своего пациента.

– Э-ээ ты чего задумал сука!!!

Рука доктора-сидиста медленно опускалась вниз иглой к левому плечу. Борис инстинктивно напрягся и попытался разорвать ремни и освободить руку.

Резкий укол. Борис ощутил боль, попытался ухватить хотя бы зубами руку доктора. Укол был не глубокий, как будто палец прокололи. Старичок, удовлетворенно кивнув, выпрямился и бросил пару слов – команд в воздух. Похоже, он больше не собирался издеваться над Борисом.

Появились два дюжих молодца, похожие на сопровождавшего «легионера». Доспехов на этот раз не было. Солдаты, а по выправке и по реакции на команду можно предположить, что они именно солдаты, взяли кушетку с Борисом и легко понесли куда-то. Уже на выходе из оказавшейся действительно довольно большой комнаты Борис услышал истошный женский визг.

Пока его несли, Борис все пытался рассмотреть, на сколько это было возможно, окружающее пространство. Увы, большой информации от своих наблюдений он не получил. Стены из материала похожего на камень, такие же, как и в комнате, в которой он пришел в себя. Поставив кушетку с Борисом в такое же, как и в предыдущей комнате, полотняный «бокс», солдаты молча исчезли. Странные, какие-то солдаты, ни эмоций, на лицах, ни оброненного слова между собой. Можно было назвать их роботами, да только роботы не двигаются с такой тигриной пластикой, в которой так и чувствуется скрытая мощь.

– Надо выбираться отсюда – тихо пробормотал Борис и начал растягивать ремни. Провозившись около часа, как ему показалось, Борис решил передохнуть. Мозг оживал и начинал работать. Кому надо захватывать их, усыплять и привязывать, сохраняя, тем не менее, от травм и видимых повреждений? Замешан Витек и его бизнес? Зачем тогда все остальные?

Заодно как свидетелей захватили, да нет пристрелили бы и все.

Выкуп – бред, какой выкуп с Коли Щукина, который, освободившись, жил в однокомнатной квартире родителей, в пригороде.

Борис вдруг чуть не засмеялся. Сколько он видел разных бандитов, ни один из них не появлялся через портал в костюме легионера древнего Рима.

Тогда что, очередная инсценировка охреневшего от скуки Витька? Он, в принципе мог, но вот только не с ним и не с Колей. После того раза в бане, когда Витька занесло, и он получил в печенку, никаких приколов не было от него.

Борис пропустил появление двух солдат. Один из них, не обращая внимания на привязанного прошел за изголовье кушетки и начал там шуршать тканью, а вот второй остановился и сузив глаза посмотрел на ремни, остановив взгляд на тех ремнях, которые Борис усиленно растягивал. Остановившись только на мгновение, солдат прошел дальше, где шуршал полотном его напарник, не сказав ни слова.

Кушетка начала двигаться к не приметной двери. Борис, в меру возможностей пытался оглядеться, он чувствовал присутствие людей вокруг, и вдруг звуки, как будто прорезались.

– Отпустите меня подонки – орала «сопля», срываясь на визг.

– Вы что себе позволяете! Да Вы знаете, кто я такой! Мне что прокурору позвонить!!!! – надрывалась тройка «бизнесменов»

Прозвучавшая голосом старичка доктора команда тут же сменилась придушенными воплями скандалистов. Борис внутренне напрягся, но по нечленораздельным мычаниям понял, что крикунам просто заткнули рты кляпами.

Наконец, движение кушетки остановилось, и Борис рассмотрел своих невольных соседей.

Справа от него застыла в оцепенении Лена Шмелева, в ее глазах застыла целая гамма чувств: растерянность, непонимание, удивление, но главным чувством был страх. Она смотрела как бы сквозь предметы, не фиксируясь ни на чем. Борис понял, что говорить с ней сейчас просто бесполезно. Женщина впала в то состояние, которое обычно лечится пощечиной, а этим он не мог ей помочь.

Слева от него находился Коля, как и Борис, он пытался разглядеть окружающее его пространство. Встретившись глазами с Николаем, Борис вдруг понял, что вся та масса вопросов, которую он хотел задать, как-то нелепа в их положении. Навряд ли Коля знает, что-то большее чем он сам. И тут Коля улыбнулся, подмигнул и сказал одними губами одно слово – ждем. От этого слова и от спокойствия Николая, вдруг Борису стало легче, как бывает легче человеку, попавшему в ситуацию неподдающуюся пониманию и вдруг понимающего, что он не один. Молчаливые солдаты все также без эмоций сноровисто протянули ремни на кушетках таким образом, что свободно могла двигаться только голова. Вдруг накатило такое желание спать, что сопротивляться ему не было никакой возможности.

Сон, как и тот, когда легионер приложил тряпицу с непонятным снадобьем, был скорее забытием – вязким, полным непонятных персонажей и хаосом сюжетов. Один из них, с засыпанными снегом холмами, тянущимися до горизонта, сопровождавшийся тоскливым волчьим воем, приносил с собою особенную жуть, от которой хотелось не просто убежать, раствориться. Несмотря на это, пробуждение было спокойнее, по сравнению с предыдущим разом.

Проснувшись на кушетке, Борис не почувствовал стягивающих его ремней. Приподнявшись на локтях, он быстро огляделся. К сожалению, никакой новой информации это ему не принесло. Достаточно большое помещение, каменные стены без окон, одна дверь. Сев на кушетке и свесив ноги, он увидел всех своих «одноклассников по несчастью», которых забрали из ресторана.

– Очнулся? Спросил Николай. Сам он сидел по-турецки на своей кушетке и массировал себе плечо.

– Вот как долго нахожусь без движения затекает собака так что рука не поднимается – совершенно будничным тоном сообщил Николай.

– Ааа... начал задавать вопросы Борис.

– Знаю и понимаю столько же, так что навряд ли отвечу. Подождем.

– Как вот ты такой спокойный?

– Да знаешь, жизнь приучила как то, а уж ждать особенно – сказал Коля ухмыльнувшись. Со всех сторон послышались звуки возни кряхтения и сразу полились вопросы.

– Где мы? Что это за выходки? Кому это понадобилось? Ну и прочие, в такой ситуации. Как всегда, отличилась «сопля».

– Ты что сука зять еврейский тут устроил? Решил, что мы тут лохи для твоих приколов!

Ее совершенно не смущало, что Витек сидит на такой же как у нее кушетке и растирает виски, мучительно при этом кривясь.

Подскочив к Витьку, Вероника вцепилась в него и уже занесла растопыренную пятерню с боевым маникюром, как вдруг Виктор ловко ухватил ее за нос двумя согнутыми пальцами, так что сопля от боли даже присела.

– Сопля, у меня нет настроения, с тобой сейчас дурачиться. Раскрой глаза и закрой рот, а не как обычно ты делаешь наоборот. Я тут сижу с тобой в такой же пижаме, как и ты. Если бы я это организовал, встречал бы вас всех в костюме и с коньяком – поняла дура. Из благодушного бизнесмена выглянул на миг человек из 90-х, который защищал бизнес папы Аарона в те лихие годы.

Услышав про пижаму, Борис увидел то, что они одеты в одинаковые брюки и рубахи, действительно напоминающие пижамы.

Возможно, скандал развивался бы и дальше, но в этот момент дверь в зал распахнулась, и в нее начали входить все те же солдаты, что транспортировали их до этого.

– Внимание всем!!! От этого возгласа все вздрогнули и повернулись к двери. Появившиеся из нее десять солдат плавно и без суеты втекли в комнату. Четверо из них были вооружены ... арбалетами!! Они сразу же заняли углы комнаты, таким образом, чтобы контролировать все помещение. Остальные шестеро разместились в центре так, чтобы не мешать стрелкам и, в то же время всем присутствующим в комнате было видно того самого доктора, который отдавал здесь распоряжения. Собранность воинов и отсутствие эмоций производили угнетающее впечатление. Казалось, они могут так же без эмоций выпустить стрелу и прибрать за собой. Видимо, это было общее впечатление, так как даже сопля, несмотря на склочный нрав, не решилась, сразу бросится на них. Вот как иногда простой кляп меняет поведение людей.

– Приветствую всех Вас в моем скромном убежище, друзья! Радостно произнес доктор, потирая свои маленькие ладони.

– У нас получилось!! Скачек в пространстве!!! За миллионы ллоудов!!! Первый раз за почти два десятка лет!!! С сохранением журнала параметров!!! С сохранением функциональности образцов!!! Глаза горели неподдельной радостью и детским восторгом. Совершенно очевидно, что человек был безумен, тем видом безумия, которое характерно для ученых. Именно так ученый радуется и приветствует лягушек, которые вдруг выжили, в отличие от множества своих предшественниц.

Все бывшие одноклассники замерли в ступоре. От ситуации. От впечатлений. От того что все вдруг стали понимать, о чем им говорят.

Борис так был научен жизнью, что, сталкиваясь с неизвестным, сначала нужно смотреть и обдумывать, а уже потом говорить и делать. А вот троица бизнесменов повела себя по-другому.

– Ты чего тут городишь, лаборант херов! – заорал директор «независимой» лаборатории.

– Ты что падла, думаешь так просто нас возьмешь! – на той же ноте заорал хозяин контейнера.

И они, мешая друг другу, ринулись к доктору, размахивая кулаками. Казалось, что они вот-вот вцепятся в доктора, который совершенно спокойно стоял и смотрел на них. И тут Борис увидел, как стоящие по бокам от доктора legionеры буквально перетекли со своих мест на два шага вперед и почти синхронно правой рукой, уперлись в грудь дебоширам, приостановив их движение, а левой рукой, вытянутыми пальцами, ткнули в область печени. На лицах бизнесменов проступило удивление, сменяющееся дикой болью. Они обмякли, и воины аккуратно положили их на пол, где они продолжали корчиться и тихонько подвывать.

– Отлично! Полное сходство реакций и поведения! Продолжал восхищаться доктор.

– Если ни у кого нет больше желания бросаться на меня, то я попробую ответить на вопросы, которые у вас несомненно есть.

Вы в точке пространства под кодовым номером Т 459, планета Т5, в местечке под названием империя Авако, при слове империя его голос наполнился нескрываемой иронией. Параметры поиска вполне конкретно были заданы и указали на Вас.

Бориса сковал ступор. Казалось сейчас он очнется и Витек бодрым голосом сообщит, что подмешал в коньяк какую-нибудь дурь. Он даже обернулся и посмотрел на Витька, но увидел лишь очень глупое и растерянное выражение у того на лице.

– Кто задал параметры поиска? Спокойным голосом спросил Николай.

– Ооо вот Вы меня удивили! Признаться, я ожидал других вопросов. Казалось, доктор был действительно удивлен.

– Скоро Вы с ним познакомитесь. Доктор посмотрел на прибор, чем-то напоминавший мобильный телефон – Дарси уже поднимается к нам.

– Что дальше – снова спокойным голосом спросил Коля

– Не знаю – ответил доктор – вот у Дарси и спросите.

– Дарси – вот ваши «результаты», знакомьтесь, а мне, честно говоря, пора, нужно продублировать некоторые элементы на еще один носитель. Надеюсь, я могу идти!

– Да, конечно, Вы оказали неоценимую услугу правящей семье Империи Авако, Вы достойны любых наград!!! Сказавший эти слова был лысый старик, как-то незаметно возникший в комнате. Небольшого роста и совсем не богатырского сложения, тем не менее, впечатление производил человека крайне опасного и жестокого.

– Лучшая награда – это оградить меня от тех недоумков из вашего храма и побыстрее, доставить мне образцы минералов и животных с Ваших пустошей. С этими словами доктор скрылся в двери.

Старик, которого доктор назвал Дарси, задумчиво посмотрел вслед доктору, слегка покачал головой и перевел взгляд на нестройный ряд «одноклассников». Внимательно и молча осмотрев каждого, он с удовлетворением покачал головой.

– Что же, давайте знакомиться – меня зовут Мастер Дарси. Я расскажу Вам зачем Вы все тут находитесь. Я слышал, при знакомстве с Безумцем возникла маленькая неприятность, поэтому начнем с ответа на вопрос кто Вы. Не сводя взгляда с людей, стоящих перед ним, Дарси поднял правую руку и проделал некоторые манипуляции с пальцами.

Мгновенно раздались два хлопка и два арбалетных болта с мокрым хрустом пробили глаз и грудь мужа Гали. Несчастного вырвало из рук жены, которая его поддерживала, и отбросило на пол.

Борис тупо смотрел на мелко подрагивающую ногу Галиного мужа, в голове было ошеломляюще пусто, только нелепая, в этой ситуации, мысль о том, что он даже не запомнил его имя, как-то смущенно блуждала в сознании. Вопль Гали взорвал тишину. Женщины завизжали и отшатнулись от трупа. Фима, заорав что-то бросился на ближайшего легионера, получив молниеносный удар в живот, согнулся в рвотном позыве. Бизнесмены, еще не пришедшие в себя, заскулили и прижались к стенам, казалось, пытаюсь врать в них.

Первым желанием Бориса было броситься на солдат, так же, как и Фима, но видя молниеносные расправы Борис отчетливо осознавал ту разницу в классе между офисным сотрудником и матерыми убийцами. Видел он еще и то, что дебоширов выводят из строя аккуратно, не причиняя действительно сильного вреда здоровью. Поэтому, внешне Борис, остался спокоен, как и Николай с Витьком.

– Тихо!!! Не орать!!! Стоять на месте!!! Эти три команды все выполнили на интуитивном уровне.

– Ну что же продолжим, сказал Мастер Дарси, судя по его виду он получал неподдельное удовольствие.

– Надеюсь, Вы поняли, что Вы ничто – просто мясо, которое должно исполнять мои приказы. Если это понятно, то вы останетесь живы и целы. Кстати, эта демонстрация была своего рода актом милосердия. Этот, как говорит Безумец, образец, скорее всего, остался бы в состоянии овоща, а в таком виде он не нужен. Правило простое слушаете указания и выполняете их – вы нужны. Не выполняете – вас убивают. Понятно? Тогда слушайте внимательно...

В ходе последующего инструктажа Борис понял, что им нужно будет «сыграть», каких то, важных представителей местной знати. Провести ночь во дворце, утром выйти через парадный вход, пройти по прямой улице к местному храму, постоять на специальном балконе и по той же улице вернуться во дворец. Просто и скучно.

– Почему именно мы? Ведь это, наверняка, стоило Вам недешево? – спросил Витек.

– Вы все схожи с людьми, которых будете подменять – кстати, Борк будет с Вами и будет корректировать Ваши действия.

Мастер Дарси указал на легионера, забравшего наших героев из родного мира.

– Я не сильно переживаю, что Вы учудите что-нибудь, особы которых Вам придется изображать весьма ... ха-ха... эксцентричны и к их причудам уже все привыкли. Но вот потом, я

обязательно это вспомню, и поверьте мне – лицо Дарси превратилось при этих словах в жестокую маску – арбалетный болт в сердце покажется вам желанным избавлением.

– Вопросы еще есть?

– Мы «сыграли» нужных людей, что потом? спросил Николай.

Борис увидел во взгляде Дарси некое замешательство, самую малость, но этого хватило для того, чтобы не поверить следующим словам этого старика.

– Пройдете обратно откуда пришли, да еще с наградой. Следуйте за Борком.

Дарси первым вышел за дверь. За ним вышли два легионера. Борк показал рукой на выход и вся группа землян, как бы ни примитивно это определение звучало, оно было верно, двинулась на выход. Борис шел за Витьком одним из первых.

Ничего примечательного в коридорах из камня не было, ни окон, ни видимых дверей. Видимых, потому что после очередного поворота, шедший впереди жестокий старик Дарси вдруг просто исчез. Борис настолько был ошарашен всеми событиями, что просто констатировал этот факт и уже ничему не удивлялся. После многочисленных поворотов коридор пошел ровно. В воздухе потянуло сыростью и тем запахом земли, заглушить который не могут ни камни, ни пыль, ни запах страха окружающих людей.

Завершение пути произошло внезапно. Борис просто уткнулся в спину Витьку.

Комнату, в которую их привели, язык не повернулся бы назвать помещением. Не сразу Борис понял, что его ноги по щиколотку утопают в ковре, которым была застелена большая часть пола. На стенах висели ковры причудливых оттенков и самых разнообразных узоров. Подушки, разбросанные тут и там и низкие столики, уставленные вазами с цветами. Потолок ослеплял белизной и золотой мозаикой. Через узорные внутренние ставни пробивался солнечный свет, причудливо преломляясь в клубах благовоний и стекле ваз.

Легионеры бесшумно и незаметно заняли специальные ниши по углам комнаты. Хотя арбалеты исчезли из прямой видимости, Борис не сомневался в том, что они есть и их, не сомневаясь, пустят в действие, получив команду. Несмотря на негу, навеваемую роскошными интерьерами, атмосфера была напряженной и подавленной.

– Рассаживайтесь на подушки, таким образом, чтобы всем было видно меня – прозвучал низкий голос Борка.

– Внимание мужчины! Перед вами лежат одежды, раздевайтесь до гола, смотрите как я одеваюсь и повторяйте.

– Да что такое, что за херн... Хлоп – звонкая оплеуха опять досталась директору лаборатории. Опять все произошло молниеносно, болезненно и не опасно для здоровья. Борис видел, что Борк, как-то даже лениво и устало, приложил ладонью по жирному боку земного коммерсанта.

– В следующий раз будет больше – сказал главный конвоир, поднимая, кстати, без видимых усилий, одной рукой, весьма упитанного бизнесмена и сажая его на подушки перед кучкой разноцветных тканей.

– Сначала берем вот этот отрез белого цвета, обворачиваем вокруг бедер, затем пропускаем между ног и вот так подворачиваем.

Борис, машинально повторяя действия не мог не отметить гипертрофированные предплечья и плечевой пояс Борка, а также спину и икроножные мышцы. Именно эти группы мышц были хорошо развиты у инструктора по рукопашному и ножевому бою, в спортивном зале куда Бориса устроил один знакомый из ОМОНа. А вот грудные мышцы, совершенно не были похожи на те куски мяса, которые горделиво выпирали у современных бодибилдеров. В дополнение к этому, многочисленные шрамы всех размеров и направлений сказали, что легионер не ходил в качалку, а тренировался и жил как боец.

– Что это такое? недоуменно сказал Витек, рассматривая безразмерную простыню с отверстием посередине и украшенную золотым шитьем.

– Это хитон, голову просовываете в отверстие, затем легкий пояс. Хитон безразмерный кому длинный – он посмотрел на Николая – подворачиваете на пояс. Затем второй и третий хитоны. Цвета выбирайте сами – это не имеет значения.

– Блин, да я ходить не смогу в этом платье – проворчал Витек.

– Сейчас Вы все должны одеть эти одежды, выбор только в цветах – Борк был неумолим и эмоционален как бульдозер. Он оглядел всех, поправил, копающегося в одеждах авто бизнесмена и отошел к другой кучке одежды.

– Теперь женщины – правило то же – раздеваемся догола и кто ни будь подходит ко мне для демонстрации как нужно одеться.

– Тебе может прямо тут отдаться – сказала сопля с вызовом.

– Если не хочешь отдаться роте караула прямо тут, будешь все делать быстро – отрезал Борк.

– Сначала берем вот этот отрез белой ткани Процедура повторилась и с женщинами, только в отличие от мужчин хитоны были полупрозрачными и скорее выставляли, и привлекали внимание, чем укрывали наготу.

– Ничего нет более... закрытого – умоляюще попросила Лена Шмелева.

– Это стандартные одежды для вечера – ответил Борк – помогите ей одеться – он указал на Галю, которая с отрешенным видом сидела на огромной подушке.

– Хорошо, сейчас будет церемония ужина, ничему не удивляйтесь, повторяйте за мной – сказал Борк и дернул витой шнур, уходящий в стену.

Последний праздник.

Борис, как и все остальные, чувствовал себя неловко и нелепо во всех этих хламидах, хотя вся эта кипа тканей не мешала движению и была довольно приятна, и хорошо ложилась на тело. Он отчаянно пытался рассмотреть что либо, через узорчатую решетку ставней, закрывавших окно, но величина отверстий и клубы благовоний, преломляющих свет, не позволяли этого сделать, а чтобы подойти и открыть ставни, необходимо было пройти мимо Борка. И чутье, которому Борис, не без оснований привык доверять, подсказывало что при видимой расслабленности Борк не позволит это сделать.

Тем временем часть стены, превратившись в распашные двери, бесшумно отворилась и в комнате возникли две сгорбленные фигурки держащие в руках какие-то сосуды, обвитые чем-то наподобие веревок. По виду эти маленькие люди вполне походили на упитанных подростков, но присмотревшись к лицам, Борис невольно отметил землистый цвет лица и обилие морщин у этих подростков – старичков. Впечатление было такое, что солнечный свет непривычен этим людям, которые, не поднимая глаз, поставили свои сосуды и бесшумно исчезли в той же двери, откуда и появились. Борк подошел к этому сосуду, распутал веревки, которыми они были обвязаны и оказалось, что эти веревки каждая заканчивается своеобразным мундштуком. Больше всего этот агрегат напоминал кальян.

– Берите подушки, подсаживайтесь ближе – скомандовал Борк – не знаю есть ли в вашем мире такая штука, в этом сосуде дым трав и вдыхать его необходимо через этот ... фильтр – Борк как будто с трудом подбирал определения на незнакомом языке.

– Нууу, травой то уж нас не удивишь – Витек был в своем репертуаре.

– вот и отлично – сказал Борк – видимо во всех мирах схожие болезни – садитесь и приступайте к началу... ужина.

– А у вас тут все так ужинают? – неугомонная натура Витька отошла от стресса, он будто даже был рад этому «приключению».

На невозмутимом лице Борка появилась ухмылка.

– Да Безумец правду сказал, что выдернет из мира тех, кому этого хочется. Нет не все, но те, которыми Вы будете сегодня и завтра только так и ужинают.

Борису на миг показалось, что Борк внутренне совершенно не уважает, если не сказать больше, тех про кого он говорит. Но это было только на миг.

– Разбирайте фильтры и вдыхайте, это обязательно для всех – сказал Борк, превратившись снова в каменного истукана.

Сосудов было два, так что и компания снова разделилась на две группы.

И опять Борис оказался в компании с Витьком и Колей. К ним подсел еще и Ефим и Лена. Разобрав мундштуки все, косясь на Борка, который развалившись на огромной подушке, внимательно наблюдал за компанией, сделали первую затяжку. Дым имел чуть сладковатый привкус, в нем угадывались травяные нотки, разобрать, что это такое не было возможности, да, честно говоря, никому до этого не было никакого дела.

– Я сказал вдыхаем, а не надуваем щеки – голос Борка был неумолим, как голос вокзального диспетчера – особенно это касается тебя.

Борис увидел, что Борк внимательно смотрит на Николая.

– Да я просто не совсем разобрался – давно не курил – непривычно покорным голосом отозвался Коля и тут же вдохнул полной грудью.

Борис, впрочем, как и Витек недоверчиво покосился на Николая. Раньше за ним такой покорности и смирения совершенно не наблюдалось.

Пытаясь осознать все события, произошедшие с ними, Борис сначала погрузился в себя, все больше и больше уходя в свои мысли, их приходило все больше и больше и вот тучи мыслей пронзила одна.

– Да все не так уж и плохо, ничего плохого не будет, если выполнять простые правила, то и жить можно.

– он в кругу друзей, которые его любят и уважают.

– да и Борк, в общем то, нормальный парень, просто они как группа детского сада требуют присмотра и некоторой строгости.

Сравнение себя с детским садом показалось Борису невероятно смешным, и он заулыбался улыбкой, которой у него, наверное, не было с настоящего выпускного, когда кажется, что мир создан для тебя.

Справа раздалось какое-то шипение и повернув голову Борис увидел Витька, который хихикал, не выпуская из зубов мундштук кальяна. Веселье неудержимой волной нахлынуло на Бориса и они, уставившись друг на друга, начали неудержимо ржать.

В комнате творился настоящий бедлам. Кто-то истерично смеялся, кто-то сидел, уставившись в одну точку. Бизнесмены затеяли борьбу за обладание цветастой подушкой, из всех груд подушек всех форм и расцветок обоим понадобилась именно эта. Сопля истерично требовала наказать всех. Фоном к этому служили клубы дыма, плавающие в комнате.

Борис увидел, как Лена стала обнимать и пытаться целовать Ефима, в то время как он горделиво и небрежно принимал ее попытки и отталкивал, когда домогательства становились чересчур назойливы.

У Бориса уже не осталось сил смеяться в голос, и он хихикал, утирая слезы из глаз. Слева, где сидел Коля, раздавалось такое же полу шипение, полу всхлипы. Вот Николай, всхлипывая стал заваливаться на Бориса.

Борису Николай всегда был симпатичен как человек, несмотря на его криминальную историю в жизни. И вот как только он собрался поддержать, уже почти свалившегося товарища, жгучая боль обожгла его бок, перекинувшись буквально на все тело. Все что мог сделать Борис это замычав, взглянуть в глаза Николая – совершенно трезвые и сосредоточенные.

– Не кури больше, делай вид, смотри на меня – сказал Коля, и тут же снова захихикал и выпрямился.

Или от неожиданной резкой боли или от сосредоточенного взгляда товарища, у Бориса вдруг как будто плена с глаз упала. Опустив глаза в пол, боковым зрением он заметил, как Коля

производит такую же манипуляцию и с Витьком. Борис видел, что Витек сначала попытался сопротивляться, но повиснув как клещ, Коля не давал отпихнуть себя до тех пор, пока они оба не засмеялись. Однако, протрезвевший Борис не услышал в этом смехе былой раскованности и «счастья». Вот Витек зашел за спину Коле и стал нежно гладить и мять его плечи. Николай вытянул руку, приглашая и Бориса присоединиться к их «дружескому» общению. Борис, глубоко презиравший всякие проявления толерастии, чуть не выронил мундштук, и только злобные взгляды Коли и Витька убедили его в том, что никакой гомосеятиной тут не пахнет, придвинулся к друзьям по несчастью.

– Ну ты тормоз, бя – сказал жестко Витек, эти слова никак не вязались с его умильной улыбкой.

– Короче – перебил его Коля – «пасут» нас жестко и, похоже отпускать не собираются, скорее всего для них мы одноразовые куклы для какой-то подставы – озвучил он мнение, с которым Борис был согласен.

– Ничего не пьем и не курим, по возможности и не едим, ждем шанса, смотрите на меня и делайте так же, когда придет время.

– Все расползаемся, вон уже бычара косится на нас, Витек отползай! Витек с обиженной миной отсел и снова взял в руки мундштук.

Коля притянул Бориса к себе и закрыл ладонью его щеку – со стороны можно было подумать, что они целуются.

– Боря не тормози, у тебя нет опыта поэтому смотри на нас с Витьком и делай как мы иначе хана тебе – и резко откинул Бориса на подушку, при этом мерзко засмеявшись.

Борис, увидев недоверчивый взгляд Борка, направленный на их троицу, попытался скопировать лицедейство Витька. Что подумал Борк осталось загадкой, потому что стены комнаты с глухим звуком, выдававшим их немалый вес, разошлись, открыв вид на зал гораздо больших размеров, чем та комната, в которой они находились.

Размер зала был примерно с половину футбольного поля, с высотой потолков метров на семь, по крайней мере, Борис так для себя определил. Зал утопал в зелени, разных причудливых цветах всех форм и размеров. С галереи, проходящей по периметру зала на высоте примерно трех метров, доносилась слабая и какая-то мелодичная музыка, похожая на арфу.

Не сразу обкуренные приятели заметили низенького человечка, стоящего в смиренной позе и умудрявшегося с опущенной головой ловить их взгляды. Особенно, как показалось Борису, человечек ловил взгляды лабораторного бизнесмена и сопли. Борис так же начал оглаживаться на них. И когда звезда независимых лабораторий мутным взглядом все же увидел человечка, тот мгновенно сказал тонким голоском

– Ваше Солнцеподобие прошу Вас и вашу сиятельную семью проследовать на ужин. Завтрашний день будет утомительным, поэтому мы подготовили еду и развлечения, которые придадут Вам сил и энергии. Прошу за мной.

– Да, ну давай веди, показывай, чего ты там приготовил для моего Солнцеподобия. Он как будто покатал на языке это определение. Было очевидно, что такая услужливость, граничащая с присмыканием, очень нравится этому правителю пробирок.

– Не поняла, это че это! Ожидаемо сопля не могла остаться равнодушной, когда возносили не ее – этот жирный Солнцеподобие, а мы тут все, кто!!!

На человечка страшно было смотреть, он рухнул на колени и обреченно произнес, дрожа всем телом – Ваше Солнцеподобие, Ваш блистательный брат просто первым увидел меня ничтожного – я не посмел отвлечь Вас.

Сопля, как и все потенциальные садисты, не могла уже остановиться, когда кто-то показывал свою слабость. Она надулась для следующего вопля, и тут Борк оказавшийся рядом с ней просто кашлянул и просто дернул подбородком в сторону, куда приглашал их человечек.

Его серьезные глаза и вздутые желваки заставили соплю выдохнуть сквозь зубы и ворчливо произнести

– Ладно, давай води уже чмошник.

Человечек судорожно вскочил, его лицо было залито слезами – Спасибо за великодушие – прошу следуйте за мной.

Вся компания, подгоняемая скорее внушительной фигурой Борка, маячившей за их спинами, чем следуя приглашению щедедушного слуги, двинулась по направлению к центру зала.

В центре зала располагался прямоугольный бассейн, вокруг которого находились не то кресла, не то маленькие диваны, Борис так и не смог определить, что это за роскошная мебель. Борка бассейна были своеобразным столом уставленными таким разнообразием тарелок, блюд и таким разнообразием их наполнения, что никакое чудо, позволившее понимать и разговаривать на другом языке, не было способно дать определение изобилию на столе.

Два Солцеподобия уселись в изголовье стола, а остальные распределились сами по себе. Фима хотел занять место между Борисом и Витьком и уже начал опускаться на кресло, но тут раздался спокойный голос Коли

– Ефим, пересядь пожалуйста на другое место, я тут с корешами посидеть хотел. Фима, явно хотел что-то сказать, но натолкнувшись на серьезный взгляд, передумал и с наигранным безразличием пересел поближе к Солнцеподобиям. Как всегда, размеры бицепсов уступали характеру и решительности.

Тем временем в зал внесли огромную чашу, из тусклого желтого металла. Разум отказывался принять, что чаша по форме, а по размерам скорее равная среднестатистической ванной, сделана из золота. Шустрые, и опять какие-то щедедушные слуги, быстро притаскивали глиняные амфоры и продемонстрировав Борку печати на них, откупоривали и выливали в чашу. Затем, человечек, Борис понял, что это был своего рода распорядитель ужина, быстро взял небольшой ковшик, и налил в небольшие серебряные стопочки, передал одну Борку, а вторую взял себе. Оба повертели эти стопки в руках, при этом очень внимательно смотря на них, затем выпили. Эти манипуляции увидел не только Борис, но и солнцеподобная сопля, которая тут же завопила

– эээ вы че это там из моей чаши пьете!!!! А ну живо тащите все сюда!!!

Распорядитель хотел опять упасть на колени и уже заломил руки, но его опередил Борк

– Ваше Солнцеподобие, мы лишь делаем последнюю проверку вина, если в нем хоть капля яда заговоренные кубки потемнеют, и мы с Рахимом умрем, маленький человечек быстро-быстро закивал, но Вы останетесь невредимы.

– А если яд медленный и рассчитан на долгий срок действия? – это уже влез Витек.

Борис видел, что Борку хотелось открутить головы задающие эти вопросы настолько, что даже каменная маска невозмутимости на миг раскололась. Но видимо, действие уже началось, потому что Борк терпеливо ответил и на этот вопрос.

– Эти кубки заговорил Безумец, и они неоднократно проверялись всеми известными ядами, ошибок до этого не было, по Вашему желанию Рахим заменит это вино на любое другое, только назовите – и ухмыльнулся.

Действительно как назвать любое другое вино, если ты вообще никаких названий в этом мире не знаешь, не скажешь же – бутылку молодого Божоле пожалуйста.

Борк очень опасен – подумал Борис – он не только превосходно развит физически, но и интеллектуально силен, сумел так сформулировать ответ, что Витек заткнулся. Зная неугомонный нрав, Витька, который понял, что бить его сейчас не будут так как спектакль, ради которого их всех выдернули, начался, можно было предположить, что Витек захочет отыграться в словесной дуэли. Но тут все решил гневный вопль второго солнцеподобия

– Ну че вы там титьки мнете! Закуска стынет, наливай уже!

И мгновенно из зарослей экзотических цветов выбежали подростки. Рахим умело орудовал черпаком, наливая в чаши и передавая их подросткам, а те уже быстро разносили по участникам этого банкета. Подростки были обоих полов с красивой смуглой кожей, черными волосами и черными глазами миндалевидной формы, выразительность которым придавала еще и косметика, нанесенная на веки и ресницы. Быстро расставив кубки, они уселись на колени в стороне от каждого кресла, так чтобы видеть каждый своего «клиента», но не мешать ему. Повисла неловкая пауза.

Рахим с ожиданием уставился на Солнцеподобие. Обкуренные солнцеподобия тупо уставились на кубки с вином, остальные участники уже видимо привыкли что инициатива тут бывает весьма болезненной. А тройка товарищей, которым удалось сбросить наркотический морок, кстати то же очень болезненно, проявлять инициативу не стала, но по причине выживания и договоренности не пить.

И снова Борг, как опытный режиссер спас положение.

– ваше Солнцеподобие, скажите начальное слово.

– Чего, а тост что ли, да запросто – За нас с Вами, за х.. с ними!!!! Ха-ха-ха!!! И лихо опрокинул всю, немаленькую чашу себе в глотку.

Все отмерло, люди начали постепенно тянуться к чашам и блюдам. Слуги – подростки очень умело, тактично, но без навязчивости подсказывали что съесть и постоянно подливали в кубки. Очень быстро все стало вновь напоминать то застолье, с которого их бесцеремонно выдернули. Те же компании, те же речи, только декорации совершенно другие. Борис видел, что кроме их тройки, никто из невольных попаданцев больше не терзается собственным положением, видимо тот наркотик, что был в кальяне, отлично расслаблял и снимал внутренние тормоза. Как говорил Борин дед – вино раскрывает нутро. В этом очень быстро пришлось убедиться.

– Ооо а чего тут официантки голые!!! Сказала одна из звезд бизнеса. Вам кто приказал так ходить? спросил он девушку слугу, и видя, что она не смеет ответить начал требовать – ты что со мной разговаривать не хочешь, говори быстро!!!

– Такие правила, господин, так заведено – тихо прошелестело в ответ.

– Ни хрена себе правила, а если бы я тебе сказал ложись и ноги раздвигай!

– Вы мой господин и можете делать все что захотите, если я Вас не устрою, будут другие, пока Вы не останетесь довольны.

– Ааа... тупо проблеял господин, переваривая такой ответ.

Борис почти наяву увидел, как ломаются внутренние моральные запреты, кстати сдерживаемые исключительно страхом за себя, и бесы овладевают человеком.

– Даааа а ну ко иди ко мне скорее, малышка – и ухватив ее за бедра жадно впился в сосок девушки. Та страстно изогнулась и издала такой стон, что даже невозмутимый, до сих пор, Коля покачал головой и хмыкнул. Несмотря на юность, половые признаки у всех этих подростков-не подростков вполне соответствовали взрослым. И судя по тому, что происходило через одно кресло от товарищей, пользоваться всеми этими признаками девушка умела профессионально. Борис совсем не был ханжой, он любил женщин, и они любили и не обделяли своим вниманием его, потом весь женский пол как-то незаметно и органично превратился в его жену, которую он искренне любил, в том числе и в постели, и совершенно не желал изменять ей. А еще ему вдруг вспомнился разговор с одним из священников, с которым они повстречались в купе поезда, время было гораздо больше, чем в церкви, когда ты один из многих страждущих, поэтому разговор получился обстоятельный.

– человек слаб и немощен, а Господь всемогущ и милосерден, начни бороться и верь в его помощь, и Он свершит. Это наставление помогло Борису не наделать глупостей, когда одна его сотрудница настырно затаскивала его в постель. Это помогло и сейчас обуздать себя.

А в зале творилась настоящая оргия, по крайней мере, именно так и представлял Борис всякие там римские оргии. То, что он увидел, когда вынырнул из своих мыслей, никак нельзя было назвать словом красота или эротика. Он с изумлением увидел Галю, у которой совсем недавно на глазах застрелили из арбалета мужа, бешено совокупающуюся с двумя юношами. Лену, скачущую на юнце, как на коне. А уж картина, что творилась у всяких там солнцеподобий, ничего кроме рвотных позывов, у нормального человека вызвать не могла.

Из-за огромной вазы с пышными цветами показался Витек.

– Фух, я тоже пары сбросил, сказал он – только не так как эти животные – ну ты смотри, кто бы мог подумать – Ленка сейчас юнца совсем затрахает насмерть.

– Бляяя.... смотри Борян – Витек показал на ложе, где Фиму изощренно ласкали два юноши – вот как чувствовал, вроде нормальный парень, а какая-то гниль в нем чувствуется.

– Наркота вино и вседозволенность всегда показывает истинное лицо человека – сказал Николай – Боря, а ты чего онемел что ли – сейчас можно и поболтать о своем.

И действительно в том хаосе и какофонии разобраться, о чем говорят трое товарищей, было бы крайне затруднительно. Их контролер, Борк, развалившись на одном из лож, впрочем, не за основным столом, а чуть в стороне, лениво потягивал что-то из своей чаши, хотя и пристально косился именно на них, но подслушать что-либо просто не смог бы в творившейся вокруг какофонии.

– А вы то, чего хотя бы пар не спустите – спросил Витек

– Да я чего-то брезгую, как-то – сказал Борис – тем более, когда вокруг такой зверинец творится.

– А я просто боюсь – спокойно сказал Коля – я и слугу попросил вот чтоб воды налил.

– В смысле боишься – спросил Витек – залетит и заставит жениться.

– Ха-ха, Витек ты сейчас про свою жизнь похоже сказал – засмеялся Коля – ты не забыл, что ты где то, где сам не знаешь, в кувейтской туче, как сказал тот ученый, ллоудов. Тут может не быть ни одной знакомой бактерии или вируса, и то, что для местного кусочек торта, для нас может быть мгновенной смертью. А уж когда ты писькой тыкаешь в незнакомое место, нуу не знаю.

Витек на миг побледнел и как-то по-детски сказал – а вода чего думаешь без бактерий что ли?

– Они тут уже четко знают про кипячение, да речь не о том, скорее всего, жить то нам осталось до завтрашнего дня.

Эта тема, сдернула пелену с глаз, за впечатлениями от увиденного и от затуманенного сознания все жизненно важные вопросы как-то отошли на второй план и вот вывод Коли жестко напомнил, что они не в ресторане Кавказ, а черт знает где, и их тут совсем не просто так развлекают.

– Уходите отсюда, быстро – сказал Коля слугам сделав зверское лицо. Слуг как ветром сдуло.

– Чего будем делать – сказал Витек.

– погоди, давайте сначала подведем некоторые итоги – Борис всегда вначале притормаживал, но привычка подходить ко всему основательно не раз выручала его – итак: нас с помощью незнакомой технологии выдернули из привычного мира и мгновенно передали знания языка, человек который это сделал очевидно служит людям которые стоят на, несравненно низшей ступени по технологическому развитию, почему – неясно, видели как он презрительно скривился когда сказал империя.

– Ну, вот это как раз и объясняет, почему он служит – сказал Коля – будь ты хоть в десять раз круче и сильнее, но, если ты человек, против империи не пойдешь, гораздо проще пристроится к самому сильному.

– Согласен, но вот окружающий мир, это фантастика какая-то – мечи, дворцы, рабы.

– Самое главное – нахмурившись, сказал Николай – что они сильнее нас, контролируют нас так, что мы только играем в их игру и – Коля даже поднял палец вверх – заметили, как стушевался этот главный у них, когда отвечал, что потом. Скорее всего, мы должны сыграть каких-то важных шишек в их империи, короче быть живцом на кого то, кого они сильно опасаются.

– При такой опеке – тяжело будет вырваться.

– Но не безнадежно – ухмыльнулся Витек – если они планируют массовое действие с подставой и неизвестными, которых будет, как я понял, то же не один, в кутерьме есть шанс вырваться.

– Да и мечи, это все же не джипиэс навигаторы и спутниковая слежка – если только этот их ученый не одолжит.

– Еще важно – задумчиво проговорил Борис – что Борк вынужден на людях потакать нашим, ну не нашим, конечно, а тем, кого играем, причудам и этим надо воспользоваться.

– Точно, где тут можно достать бронежилет, хотя Гальконового мужа в глаз упокоили.

– Отлично Витя – Борис обрадовался – если причуды выполняют и есть мечи, то хоть кольчугу нужно бы достать.

– На этом и порешим, достаем защиту и по максимуму оружие, ждем беспорядка и бежим. Как всегда, после принятого решения Борису, как человеку действия, стало чуть легче. Он уже открыл рот, чтобы продолжить решать, как дальше быть как Коля прошипел

– Тихо.

Друзья несколько увлеклись обсуждением и пропустили появление Борка, который подошел со спины и согнувшись в подобострастном поклоне тихо проговорил, слова, которые с этим поклоном никак не вязались.

– Если вы сорвете хотя бы часть плана, то умирать будете долго и невероятно мучительно, это понятно?

– Понятно – ответил за всех Борис – арбалетным болтом в глаз, это очень помогает пониманию.

– Почему вы трое почти ничего не едите и не пьете, не наслаждаетесь наложницами и особенно наложниками, или то, что я увидел в курительной комнате это обман зрения.

– Нет, не обман – сказал Коля – как раз это все и не обман, а то, что происходит здесь..... Как животные какие то, понимаешь, к тому же мы не знаем какие болезни есть в вашем мире и какие мы принесем с собой из нашего, бывает так, что можно и до утра не дожить, а у вас половина империи перемерет от наших болезней.

Неумело изображенное, на лице матерого убийцы, подобострастие сменилось задумчивостью

– Хорошо, я вас предупредил, продолжайте пировать – Борк развернулся и энергичной походкой скрылся за клумбой с цветами.

– Похоже, эту мысль они не предусмотрели – засмеялся Витек.

– Ага, ты тоже не предусмотрел – сказал Борис.

– Да ладно, с такими прогнозами, как сказал бы папа Арон, дети не могут быть спокойны, все равно сколько можно бояться, от местного триппера или от арбалета, какая разница, да Колян?... Коля????

– Советую Вам парни поспать немного, резвее завтра будем, а это понадобится, чтоб выжить.

Какой уж тут сон, подумал Борис, после всего что произошло. Мозгами, логикой он понимал, что Николай абсолютно прав, но в крови находилась чудовищная доза стрессовых гормонов, мысли судорожно носились по кругу, вокруг масса раздражителей запахи, звуки, картины. Поймав себя на мысли, что они с Витьком обсуждают одно и то же, но уже по четвертому кругу, Борис решил прекратить это.

– Все Витя, нам нужны свежие мозги, давай хоть не спать, но попытаемся отдохнуть, очевидно, сейчас нас убивать никто не будет.

– Да какой сон, тут такое все.... Витек от избытка чувств не смог даже сказать, просто обвел руками все. – Не уснуть не смогу, пойду еще раз пары спущу, вон та малышка уж больно красивая.

Витек довольно бесцеремонно схватил одну из девушек и потащил в заросли каких-то цветов.

Борис улегся поудобнее на своем ложе, закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на своем дыхании, какое-то время он посещал занятия по китайской гимнастике и там приобрел один очень полезный навык, отключаться от мира. Это не была полноценная медитация, никак Борис, считавший себя православным, не мог смириться с мыслью о вселенской пустоте, но эффект от такого навыка был, мозги после отключки варили очень хорошо.

Мелодичный звук, похожий на множество маленьких колокольчиков, вывел Бориса из того состояния, в котором он находился. С верхней галереи струился мягкий свет, красиво утопая в хрустальных водах бассейна. На бортиках были расставлены блюда с фруктами и какими-то ракушками, напоминавшими мидий.

Несмотря на чуткий сон Борис так и не понял, когда и кто очистил бассейн и накрыл стол после того бедлама, что творился тут вечером.

Повертев головой, он увидел Николая, который проснулся и просто лежал, внимательно наблюдая за обстановкой и хмурого Витька протиравшего глаза и массирующего себе виски.

– Че то мне хреново – сказал Витек – вроде вчера одну чашу вина всего выпил, а ощущения как после хорошей пьянки – старею что ли?

Витек поднялся и прошел к небольшому искусственному ручейку, скрытому в клумбе. Сначала он шумно умывался, а потом и вовсе засунул туда всю голову. Борис последовал его примеру. После умывания они вернулись на свои ложа.

– Ффух, сейчас получше вроде – все недоумевал Витек – с одной то чаши, ну пусть пол литра, такого раньше не было.

– Витек ты все меряешь понятными тебе категориями и забываешь, что ты в другом мире, вон посмотри, что с Солнцеподобиями происходит от местного вина и закусок – Коля мотнул головой в сторону откуда доносились возня и проклятья.

Борис увидел, как солнцеподобная сопля, путаясь в складках того, что вчера было явно дорогой одеждой пытается просто встать на ноги, но у нее это никак не получается. Рядом с ней громоздилась еще одна солнцеподобная туша, вяло шевелившая руками и ногами и утробно стонущая. Примерно то же самое творилось и с остальными участниками вчерашнего праздника, которые ни в чем себя не ограничивали. Рядом стоял бледный как мел Рахим, за ним теньями стояли его слуги. Распорядитель был явно растерян.

– господин Борк Вы видели самое легкое вино... я не мог предположить..

Борк стоял, скрестив свои могучие руки на груди, и взирал на творившееся безобразие. Актеры явно были не в состоянии передвигаться, не то, что играть какие-то роли. Скользнув хмурым взглядом по трем товарищам, затем снова посмотрев на копошащиеся и стонущие тела сказал

– несите их в комнату водопадов.

– но водопады не нагреты сейчас – проблеял Рахим – понадобится время.

– не понадобится – отрезал Борк – разоблачите их, принесите нижнюю одежду и ждите с праздничными одеяниями, когда я позову вас.

Повернувшись, он направился прямо к троице товарищей, осмотрев каждого из них и, как показалось Борису, удовлетворенно ухмыльнувшись, обратился скорее к Николаю

– Следуйте за слугой господя, он проводит Вас в комнату водопадов для утреннего омовения – его серьезные и настороженные глаза говорили о решимости выполнять план до конца

и, если понадобится, сорвать часть представления. По крайней мере ту часть, где он преданный слуга господам.

Когда, пройдя роскошно отделанными коридорами, за молчаливым мальчиком слугой друзья оказались в небольшом зале отделанным мрамором, Борк, все время следовавший замыкающим в их маленькой колонне, жестом отпустив слугу уже без почтения в голосе сказал

– у вас есть время на принятие ванны, через двадцать, поколебавшись мгновение для того, чтоб подобрать слово, минут будьте готовы, нижняя одежда тут – он указал на подобие полки из черного дерева.

Раздевшись и пройдя в двери, сделанные из того же что и полка дерева компания очутилась в овальном зале, где с мраморных карнизов в неглубокие купальни падала вода. Высота карнизов находилась на уровне от полутора до трех метров. Выливаясь из купален, вода исчезала между золотыми лепестками декоративной решетки в полу. Несмотря на шикарный интерьер, который притягивал взгляд оттенками мрамора и декоративными элементами из золота, мылись быстро, так как вода оказалась такой холодной, что сводило зубы, поэтому управились за пять минут от силы.

Выходя первым, Борис увидел, что всех участников банкета уже успели занести и последние слуги покидали комнату. А вот охранников прибавилось. Пятеро молчаливых, крепких «легионеров», как окрестил их Борис про себя, быстро и деловито раздевались, складывая черные панцири, поножи и наручи на полки.

Борк, наоборот затягивал ремешок, крепивший наруч на мощном предплечье. Сбоку еще один легионер поправлял шнуровку его панциря. На полке, на расстоянии вытянутой руки, лежали красивые ножны, вот только рукоять прямого меча была довольно потертой и не имела украшений. На полу находились поножи и сандалии с закрытым носком и открытой пяткой.

– Уже закончили – деловито спросил Борк – хорошо, одевайтесь и не мешайте, сидите тихо. Салем – обратился Борк к легионеру уже закончившему шнуровать панцирь и отошедшему на шаг – за этими тремя следы особенно, от них можно ожидать непредвиденных поступков. После этих слов сразу пара легионеров, стоявших спинами, к вышедшему из купальни последним Витьку, переместилась таким образом, чтобы видеть его. Друзьям ничего не оставалось делать, как обвязать набедренные повязки и присесть на ложа.

– Внимание всем, через пятнадцать минут вы должны быть чистыми и одетыми в нижнюю одежду – громко скомандовал Борк, поправляя ремень с ножнами.

– Ты как скотина с Императором разговариваешь – донеслось от солнцеподобной туши, лежавшей на роскошных носилках.

– Так я и думал – удовлетворенно сказал Борк – начинаем. Тут же два легионера схватив за ноги императора лабораторий, жестко стащили его с ложа и бесцеремонно поволокли его к ухмыляющемуся Борку. В следующий момент Борк молниеносно выхватив меч ударил им по филейной части псевдо солнцеподобия. Раздался пронзительный визг, тушка подскочила и наверняка убежала бы, если бы не легионеры, жестко придавившие ее к полу. Борису показалось что Борк отрубил ногу, но потом понял, что тот бил плашмя. Нанеся еще два удара по бедрам и животу несчастного, Борк скомандовал

– Уносите эту свинью, быстро, у кого еще нет настроения, выполнять команды, у тебя? Его палец остановился на Веронике. И прежде, чем та смогла произнести слово легионер, стоявший сзади схватил за волосы и нанес ладонью сложенной лодочкой удар по почкам. Дальше Борис наблюдал молниеносное превращение из господ в трезвых и затравленных людей. Из купальни доносились всплески и визг. Сам же Борк, вместе с легионером, которого он назвал Салемом и еще одним экипированным солдатом остался в комнате для переодевания.

Через пятнадцать минут все десять человек были трезвы, одеты в голубые туники, расшитые золотыми нитками.

– Когда выйдем из этой комнаты – сказал Борк – вы снова окажетесь господами и солнце-подобиями, но не обольщайтесь, если сорвете действия, то получите вот по такой игле в позвоночник. Он продемонстрировал тонкую иглу, появившуюся в его руке, как будто из ниоткуда.

– от такого укола у вас наступит паралич от болевого шока – такие симптомы очень часто бывают у любителей курить южные зелья, так что никто не удивится этому, а вот потом..., впрочем, вам лучше умереть сразу, понятно?

Все судорожно закивали.

– Вам всего лишь необходимо будет пройти из тронного зала, через площадь, зайти в Храм Единения и зажечь четыре лампы и все. Надеюсь, с таким простым заданием вы все в состоянии справитесь. Если не осталось вопросов пошли.

Через некоторое время блуждания по коридорам, компанию вывели в огромный зал. Несмотря на роскошь и золото, зал производил довольно суровое впечатление, возможно из-за стен с грубой каменной кладкой, возможно из-за портретов суровых воинов, смотрящих на самозванцев. На простом возвышении из трех монументальных ступеней находились два трона из золота, с подлокотниками в виде медведей. Несмотря на материал троны ничего общего с той вычурной обстановкой, в которой они находились до этого, не имели. Перед ступенями находился огромный пурпурный занавес, перегораживающий весь зал, за ним слышались приглушенные звуки, такие как может издавать только масса людей, шепот, приглушенные смешки, шуршание тканей. Легионеры проинструктировали заранее всех участников действия кому куда надо садиться или вставать, поэтому, подстегнутые недавним уроком, все быстро заняли свои места. Борк, что-то быстро шептал его солнцеподобию, видимо инструктировал по предстоящим действиям, тот мелко кивал и икал от страха.

Из дверей расположенных рядом с той из которой их вывели, начали появляться другие легионеры, все они были экипированы так же как и их конвой, только на головах были еще и шлемы, наподобие древнегреческих, с защитой носа и щек, увенчанные подобием накидок из шкур, очень похожих на медвежьи в правой руке короткое копье с наконечником в форме большого листа, в левой круглые щиты с изображением оскаленной медвежьей морды, на поясе прямые, небольшие мечи. Вместе с ними появился и мастер Дарси. Только у него и у Борка были украшены ножны мечей и панцири. Между ними состоялся мгновенный молчаливый диалог, после этого мастер Дарси удовлетворенно, как показалось Борису, кивнул и немного расслабился. Вместе с последним легионером в зал вбежал лысый толстяк в невообразимых одеждах.

Подбежав, грузно упав на колени перед солнцеподобиями, ткнулся головой в пол кряхтя разогнувшись он проговорил неожиданно сочным басом

– Да будет всегда свет над Вами мои Солнцеподобные господа! Есть ли еще какие-нибудь пожелания у Вас или у Ваших родственников, собравшихся тут. Можем ли мы начинать?

Солнцеподобия, не сговариваясь повернулись к Борку, тот качнул головой, и они замолтали головами, как заведенные.

– Салех, у Солнцеподобий нет больше пожеланий, начинаем – раздался скрипучий голос Дарси.

– Подождите-ка минуту – раздался вдруг голос Коли – легионеры такие красивые в своих костюмах – мы хотим быть в таких же доспехах!!!

Повисла пауза. Борис заторможено наблюдал, как стремительно бледнеют солнцеподобия, косясь на Борка, как набухают у того желваки, как прищуривается Дарси и впиивается взглядом в Николая, как Витек встает Николаю за спину, перегораживая путь легионеру, сделавшему шаг к Коле.

Спас в этой паузе всех, как ни странно, толстяк Салех.

– сколько комплектов велите принести господин – спросил он, будничным тоном, как будто такие капризы были в порядке вещей.

– три – ответил Николай – на нас – он обнял Витьку и на него – показал на оторопевшего Бориса.

– будет исполнено- Салех быстро махнул рукой куда-то.

Борису показалось, что не прошло и минуты, как трое молчаливых слуг подростков принесли точно такие же доспехи, только без шлемов с их медвежьими накидками и быстро переодели всех троих.

– Сейчас уже можно начинать господа – раздался скрипучий голос Дарси. Борис и все остальные буквально почувствовали холод от этого вопроса. Если бы еще кто-то, что-то потребовал, скорее всего не прожил бы и минуты. Борис видел, как от этого вопроса презрительно изогнулись пухлые губы Салеха и понял, что тут, как и при всякой власти идет жестокая грызня за место возле солнцеподобных задниц.

Салех встал и преобразился, только что он был сама угодливость и вдруг исполненный немалой властью чиновник.

– Открыть пурпурный занавес – его отлично поставленный голос пронесся раскатами грома по залу.

Занавес медленно и беззвучно стал открываться, за ним показались люди, много людей, разряженных в немыслимые сочетания цветов с преобладанием золота и драгоценных камней. По центру зала находилось свободное пространство шириной примерно метра четыре, а по обеим ее сторонам расположилась толпа.

Лица, по которым сразу не поймешь женщина перед тобой или мужчина, от присутствия косметики и прическам. Все это, напоминало, какой-то гротеск с восточным уклоном. В зале наступила тишина, все взгляды, заискивающие, восторженные, со скрытыми презрением и злобой, обратились на кучку людей на тронах и возле них.

Борису показалось, что в следующий момент, кто-то крикнет как в известном фильме «царь не настоящий» и их просто разорвут на части. Эта мысль была такой смешной, что он еле сдерживался, чтобы не засмеяться. Свою особенность юморить во время стрессов Борис прекрасно знал, она не раз его выручала, вселяя в тех, кто находился рядом уверенность, но сейчас он просто давился от смеха.

Тишина затягивалась, становясь просто давящей.

– Ваше Солнцеподобие откройте нам радость Игр – Салех как опытный царедворец попытался разрешить положение.

Но директор лаборатории это все же не Император, Леонид Юрьевич, казалось, примерз к трону, вжавшись в него и затравленно вращая глазами.

Положение разрешил Борк, он буквально перетек ближе к трону, умудрившись никого не задеть, что-то яростно прошептал на ухо его солнцеподобию и иголкой чувствительно уколол того сзади в руку. Со стороны это выглядело, как будто Борк, быстро и несильно наклонился к трону. Видимо этот стимул привел в чувство Леонида, он вздрогнул и жалко проблеял

– Да будут открыты пятнадцатые игры.

Воздух буквально разорвался от рева толпы, гудения труб, все это слилось в немыслимую какофонию звуков. Борк опять наклонился к трону, видимо повторил инструктаж, потому что после этого Вероника и Леонид встали и медленно начали двигаться по центру зала к широкому выходу, сейчас залитому солнечным светом.

Борис замешкался и Витек, находившийся за ним несильно ткнул его в спину. Ничего не оставалось делать как идти за солнцеподобной парочкой.

Идти и смотреть поверх голов, не реагируя на десятки взглядов и эмоций, направленных на тебя, но при этом все замечая, может только тот, кого к этому готовили. Ни один из их компании этой подготовки не имел, поэтому все вертели головами, вглядываясь в людей из толпы. Борис еще раз поразился тому, что не различает кто перед ним мужчина или женщина, а еще эти фразы, брошенные шепотом

- почему в этих дурацких доспехах?
- Фу, хотя бы золотые, но это....
- Ты ничего не понимаешь это новшество
- Бедняжки, какое испытание, ради какого-то быдла с площади.

Достигнув выхода из зала, вся процессия остановилась. Борис шел одним из последних, видимо, в семейном табели о рангах он занимал не слишком высокое место. Как и Витек с Николаем, впрочем, сейчас они были только рады этому.

Вид, открывающийся с точки, в которой они находились, потрясал воображение. Зал находился на возвышении, примерно полсотни метров, от выхода вниз протянулась монументальная лестница, похожая на ступени у тронов. С этой высоты была видна огромная площадь, заполненная массой народа. Все это людское море колыхалось, передвигалось и шумело. На всем протяжении лестницы была толпа разодетых придворных, кричащих какие-то слова приветствий и восхвалений. На расстоянии километра возвышалось такое же, как и дворец, гигантское сооружение в виде огромной, усеченной пирамиды с такой же монументальной лестницей и провалом входа.

Несмотря на светлый мрамор вся лестница и дорога имели пепельно – черный цвет.

– Сегодня в день открытия пятнадцатых Игр – громоподобно начал вещать Салех – вся императорская семья, как и их великие предки, пройдут этот трудный путь, путь, который посыпан пеплом страданий и многих битв, путь, ведущий к величию духа.

Да уж, вся политика пропитана сплошной фальшью подумал Борис. Для народа по пеплу ходят. Все это великолепие выстроили явно не сегодняшние деградировавшие правители, предки явно были великими людьми, если все это сумели завоевать, построить и удержать.

Пока Салех вещал народу о величии правящей династии и о том, как этот самый народ должен быть счастлив, Бориса опять привлекли разговоры придворных. Те, по-видимому, и не думали внимать словам о величии империи и ее правителей, шептались, хихикали, обсуждали наряды и новые увлечения.

– Посмотрите на моего нового знакомого – привлек внимание молодой, тщедушный парень с капризным выражением лица – он просто спас меня около Арены, видели бы вы, как он раскидал троих из народа.

– Прокл, опять ты отираешься около Арены, неужели тебе нравится вонь народа?

Борис даже на секунду забыл, где он находится, как ему нестерпимо захотелось набить морды этим гомосекам явно из «золотой молодежи».

– Кстати Лейф, оказался, как и мы «ценителем» – и мальчик Прокл победно посмотрел на всю компанию – кто бы мог подумать, да?

Борис понял, что, обозвав про себя всю эту компанию гомосеками, он не ошибся. Но что-то не давало ему просто отвернуться, какая-то несуразность. Мощные плечи, волевое лицо, шрамы на руках, как-то это все не вязалось с образом гомосека. И самое главное, побледневший шрам на лбу, однажды в жизни Борис столкнулся именно с таким проявлением ярости, вроде человек невозмутим, а как начинал шрам белеть на лице, бегите все.

Между тем Салех закончил вещать, и вся процессия тронулась вниз по лестнице, как раз к самому этому народу, о котором так презрительно выражались юнцы.

Подходя к подножию лестницы толпа, вернее ее состав переменялся, в первых двух рядах стояли бедно, но довольно опрятно одетые люди, в основном, мужчины и женщины среднего возраста, которые громко славили династию Солнцеподобных правителей, за ними мелькали, как сказали бы у нас, «люди в штатском» с военной выправкой и внимательными глазами. А вот за ними как раз и начинался настоящий народ, отличающийся от первых рядов не только наличием стариков, увечных, детей, но и более пестрыми и бедными одеяниями, на некоторых были откровенные лохмотья. И вот тут судя по лицам, кричащим и брызгающим слюной, восхвалениями и не пахло, совсем наоборот, с такими лицами в основном проклинают, а уж никак

не благодарят. Но крики первых рядов и какофония труб создавали впечатление единодушия народа с властью. Все, как всегда.

Вдруг во всем этом хаосе Борис опять, буквально кожей почувствовал опасность. Не понимая, что послужило причиной, он напрягся и завертел головой, с правой стороны на него вдруг повалился легионер, Борис машинально хотел его поддержать, голова у легионера безвольно откинулась и стало видно, что в глазу торчит деревянная спица длиной примерно десять сантиметров. В следующий момент он увидел как один из легионеров окружения резко развернувшись мощным ударом копья пронзает бок идущего рядом товарища, ударом ноги снимает уже мертвое тело с копья и тут же пронзает второго, к нему ринулись два легионера из внутреннего круга, видя, что не успевает выдернуть копье, воин распластался по земле уходя от двух копий, рывком выхватил меч и продолжая движение срубил наконечник от одного копья, щитом оттолкнул одного противника а другому сильно прорубил ногу, чуть выше защитных поножей, прямо по коленному суставу. Другой рукой, резко ударив уже лежащего противника кромкой щита под ремешки шлема, прямо в горло. Не успев выпрямиться, он был пронзен сбоку еще одним легионером. Казалось, что время остановилось для Бориса, но схватка длилась не более минуты. Вдруг рев труб утонул в свирепом и первобытном реве толпы, взглянув поверх голов, сражавшихся друг с другом легионеров, Борис с ужасом увидел целую волну людей, которые поглотив ложных демонстрантов и людей в штатском, несутся к ним со всей скоростью, на какую они способны. Это напоминало фильмы про миграцию животных, когда в стаде уже не разобрать отдельных особей, только месиво из рогов и копыт. Так и в этом случае, Борис видел только горящие ненавистью глаза, разъяренные в крике рты и лохмотья. Рывок за край панциря вывел его из ступора, упав он попытался быстро вскочить, но не смог, его ноги кто-то держал. перед глазами появилось разъяренное лицо Витька

– Да бл.. Боря сиди не вставай! Не видел по нам из каких-то луков стреляют! Хрен ли ты стоишь как памятник!!

Борис почувствовал, что ноги свободны

– Ну все вроде пришел в себя – сказал Николай – сидим тихо, вон уже на подмогу бегут нам, только переждать эту драку.

Борис посмотрел на верх, где двумя колоннами бежали к ним легионеры, а за ними целая толпа лучников уже занимала позиции на лестнице.

– Какая на х.. подмога, посмотри толпа, где сейчас нас порвут всех – Борис показал друзьям то, что было видно только с высоты, как сказал Витек, памятника.

Рев толпы достиг, казалось, предела, стали слышны отдельные слова, проклятья, и звуки врывающегося в плоть железа.

Николай осторожно поднялся, готовый в любой момент упасть обратно под защиту спин легионеров. Борис видел, как изменились глаза у Николая, в следующий момент произошло несколько событий, легионер, защищавший присевших друзей, стал заваливаться на спину, а на его товарища слева накинута какой-то оборванец, вцепившись в голову, он попытался выдавить глаза войну, но тот ударом снизу буквально насадил мелкого оборванца на клинок. Клинок застрял, а на легионера накинута уже двое, таких же грязных и тощих существа.

– Держать строй сукины дети- могучий рык Борка оглушил Бориса.

– Валим, валим, наверх быстро – заорал Коля

Этот крик подстегнул Бориса, он буквально сорвался с места, хотя в жизни не был поклонником бега, ему казалось, что он просто летит, рядом бежали Витек и Коля. Их компания была не одна, оглянувшись, Борис увидел всю свиту, бежавшую вверх по ступеням и, как ни странно, Борка, тащившего на плече Веронику. Несмотря на приказ, отданный легионерам, Борк не собирался быть разорванным толпой. В то, что он свято исполняет долг телохранителя, Борис совершенно не верил.

На бегу он увидел, как толпа, которая обогнула квадрат легионеров и всю свиту вначале прорыва начинает смыкаться. Это расстояние, уменьшающееся с каждым вздохом, было расстоянием жизни. Борис понял, кто успеет в этот проход, за строй подошедшей подмоги, тот выживет, этот стимул выплеснул в кровь еще одну порцию гормонов.

Тройка друзей начала отрываться от свиты и от Борка.

– Шаг вперед – заорал на бегу Борк – строй, шаг вперед – капитан ублюдок, командуй!!!

Сначала ничего не произошло, но потом строй вдруг слитно шагнул вперед, еще и еще. Багровая пелена застилала глаза, Борису казалось, что в легких залита кислота, когда они ввалились между легионерами. Борис, упав понял, что ему судорогой свело ногу и застонал от боли

– Сомкнуть.... строй, живее – Борк проталкивал слова, как лающая собака, на выдохе.

– Но там же еще осталась свита – недоуменно спросил чей-то голос, видимо это и был тот капитан, которого Борк обзывал недавно.

– Да насрать на этих вонючек, таких еще набезит – сказал Борк, и вдруг рявкнул – быстрее капитан, а то сейчас всех тут разорвут.

– Сомкнуть строй – перспектива быть разорванным обезумевшей толпой, не радовала никого.

– Берите его и живее внутрь, я не уверен, что им удастся удержать толпу.

Бориса рывком вздернули в вертикальное состояние и поволокли по лестнице к спасительному входу во дворец.

Пришел в себя Борис на ложе в зале, где проходил ужин, или оргия, если называть вещи своими именами. Разболтались ремешки панциря, застегнутого неумело, от этого он сполз и давил на шею.

Привстав, Борис увидел Николая, сидящего на полу и массирующего колено и Витьку направляющегося к ним. Витек раздобыл, где то, себе шлем и деловито тащил два меча.

– Ффух, бля, такие приключения лучше встречать с оружием, ты Колян прав – он отдал один меч Николаю, а второй протянул Борису – на держи, вижу оклемался, ты же вроде говорил, что секцию ножевого боя посещаешь, вот и ножик тебе.

Витек, как всегда, прикидывающийся простофилей, не упускал моментов, пускай даже потенциально представляющих его интересы или угрозы.

– какой мне сейчас ножик, разве что себя быстро зарезать – Борис все же взял меч – посмотрите чего-то у меня доспех сползает.

– давай посмотрю – сказал Витек – ага вот тут два ремешка разорвались, давай нижние подтяну потуже, чтоб не болтались.

– может совсем его снять – Борису ужасно хотелось освободиться от непривычного груза.

В следующий момент он уловил укоряющий взгляд Коли и понял, что сморозил глупость и еще ему стало немного стыдно за то, что он отключился в то время, когда его волокли сюда, да и сейчас Коля внимательно осматривал зал, ни на секунду не выпуская из виду весь бардак что в нем творился.

– Боря не тупи, еще ничего не кончилось, если сейчас расслабимся, с нами будет то же что и с остальными нашими – Витек был как всегда лаконичен.

– А что с ними? – спросил Борис, впрочем, не предвидя от ответа ничего хорошего.

– все кроме нас и еще вон Вероники, которую Борк дотащил, мертвы, или застрелили или толпа разорвала – сказал Николай – давайте внимательнее – не зря Борк рисковал жизнью и собрал тут всю эту компанию.

Только после этих слов Борис начал оглядываться и смотреть на окружающих.

А посмотреть было на что.

Некогда красивый, искусно декорированный зал, представлял из себя полный хаос. Растения сломаны, вазы разбиты, клумбы растоптаны, на полу смесь из обрывков одежды, листьев все это залито потеками воды и крови.

В зале была целая толпа народа, легионеры из внешнего круга оцепления, слуги во главе с тщедушным Рахимом, пытавшиеся оказывать первую помощь пострадавшим и пытающиеся навести хоть какой-то порядок, вопящие в истерике придворные, из числа самых притких, эти вели себя безобразно, видимо привыкли что их желания и жизни – это самое ценное на свете.

Эти хозяева жизни орали, визжали, требовали от растерянных легионеров навести порядок, при этом хаотично бегали, заламывая руки. Борис видел, как разодетый придворный, вцепившись в легионера бил его по щекам и требовал всех убить и доставить его на его виллу. Легионер, юнец с безумными глазами, видимо сам пребывал на грани истерики, мотался безвольной куклой и никак не реагировал.

На соседнем ложе сидела Вероника, из ее левого плеча торчал обломок той стрелы, которыми, по словам Николая, убили всех остальных, стрелок совсем немного промахнулся.

Вокруг двух лож, на которых находились три друга, и Вероника образовалось некоторое свободное, от всеобщей истерики пространство, видимо даже находясь в критическом состоянии придворные слишком хорошо знали непредсказуемый нрав Солнцеподобных правителей.

Позади Вероники стоял Борк и еще один легионер из внутреннего круга оцепления, вид у них был растерянный, казалось, что они застыли в ступоре и не знают, что делать. Но это впечатление мгновенно прошло, как только Борис встретился с Борком взглядом. Борис понял, что ступор это всего лишь притворство, Борк напряжен и готов к битве.

– странно – раздался голос Николая – всех этих педиков перевязывают, а к нам что-то никто не спешит. И правда, подумал Борис, слуги активно кинулись перевязывать и лечить пострадавших, а у Вероники даже обломок стрелы никто не вытащил.

Словно прочитав их мысли Рахим с миской горячей воды и ворохом чистых тряпиц, семена подбежал к ним.

– позвольте я промою Ваши раны – он посмотрел на Веронику, увидел, что она никак не реагирует и обратился к Борку – необходимо промыть рану и вынуть обломок, иначе.... Он не успел договорить как его перебил Борк, даже не посмотрев на него

– промывай, делай что нужно – при этом он внимательно вглядывался в толпу в зале, поэтому и пропустил следующий момент всего на мгновение. Зато этот момент, как в замедленной съемке, рассмотрел Борис.

Рахим повернулся спиной к Борку, поставил миску на колени к Веронике, потянулся правой рукой как будто к тряпицам, но в последний момент рука ухватила за металлический браслет. Через мгновение браслет начал распрямляться, образуя гибкую ленту лезвия. Обратным движением Рахим, этот безобидный на вид человечек, рассек шею Веронике. Он успел нанести еще два секущих удара, прежде чем все пришло в движение.

Вероника дико захрипела, кровь фонтаном выплеснулась из рассеченной артерии. Борк начал поворачиваться, но его опередил легионер стоявший рядом, быстрый замах мечом, короткий подшаг и удар по голове Рахима. Движения были быстрыми, но он не учел, что под ногами пол залит кровью и водой, поэтому подвернувшаяся нога легионера спасла жизнь тщедушному убийце, удар меча пришелся плашмя. Впрочем, и этого хватило, Рахим упал как подрубленный и не подавал признаков жизни.

– Тьма проклятая, и этот то же – Борк впервые с момента, когда Борис его увидел, казался по-настоящему, растерянным – нет, стой не добивай его, он слишком много видел, нужен живым.

В следующий момент сильный удар буквально бросил Бориса на пол, залитый кровью Вероники, меч, который он держал выпал из рук, зубы клацнули от удара об пол, да еще и брызги крови попали прямо в глаза. Ничего не соображая, Борис попытался встать и только

потом ощутил, что одна нога придавлена чем-то тяжелым. Вокруг мелькало множество ног и одежд, по звукам раздававшимся вокруг он понял, что опять начался бой. Не тот бой, который показывают в красивых исторических фильмах, где герои демонстрируют мастерское владение оружием, а резня, когда человек пропадает и наружу вылезает животное, которое хочет выжить любой ценой. Извернувшись, наконец он увидел, как Николая один из придворных держит за горло и второй рукой изо всех сил бьет, стараясь попасть кулаком в висок. Николай уворачивался и пытался освободить руку с мечом, придавленную бедром противника. Он рывками выдергивал ее, меч резал незащищенное тело, текла кровь, но противник не замечал этого, он с одержимостью наносил удары. Борис освободившейся ногой, со всей силы, ударил противника Николая ногой в лицо, того немного отбросило, и в этот миг Коля воткнул меч в горло придворного. Николай и Борис одновременно вскочили.

Вокруг творилась неопишуемая свалка, казалось, все дерутся против всех. Витек судорожно защищался, откуда-то раздобытым щитом от насевшего на него еще одного придворного, который с огромной скоростью наносил удары мечом. На ноге у Витьки зияла рубленая рана, заливая кровью всю ногу, было видно, что только животный инстинкт не дает Витьку сдаться.

Друзья бросились на помощь, Николай подбежал первый и уже замахнулся мечом, но воин, хоть и разряженный в одежды придворного, несомненно, это был воин, ловко уклонился и коротким ударом свалил Николая на пол, его меч со звоном покатился по полу. Несмотря на короткий замах, удар был такой силы, что даже во всеобщем гвалте был слышен хруст ломаемых костей. Воин уже перевел взгляд на Бориса, одновременно готовясь нанести ему удар мечом и тут Витек ударил воина по незащищенной голени кромкой щита, Борис на рефлексх нанес прямой удар ногой в корпус. Воин отлетел и ударился головой об край каменной вазы, кем-то столкнутой со своего возвышения. Борис переводил взгляд то на мелко подрагивающую ногу и расплывающуюся лужу крови с головы воина, то на неподвижно лежащих друзей. Его охватил ступор, все-таки последняя массовая драка, да еще с такими результатами, благополучно для него осталась в девяностых.

Переведя взгляд на зал, он увидел, как появляются все новые и новые legionеры и жестко прекращают весь творящийся бардак.

В следующий момент Борис ощутил взгляд, повернулся и встретился глазами с тем придворным, который своим контрастом между одеждой, компанией и шрамами так запомнился ему еще на выходе. Во взгляде сквозила жгучая и безумная ненависть, а еще там была решимость.

В следующий момент воин хотел начать движение, но ему в руку вдруг вцепился его напояженный покровитель.

– Лейф, ты должен вывести нас с отцом из этой клоаки – истерично заорал придворный. Он еще хотел сказать что то, но его слова оборвались хрипом. Борис видел, как резкий удар в гортань оборвал истерику, а возможно и жизнь, местному золотому мальчику.

В следующий момент, тот кого называли Лейфом рванул прямо к Борису. На его пути попались два legionера, которые увидели его движение и хотели помешать. Первого он, пропуская рубящий удар над собой, просто оттолкнул плечом, так что legionера буквально отнесло на два метра. Второму молниеносно воткнул в горло меч, подобранный с пола. Видимо удар был такой силы что меч застрял в позвоночнике. На мгновение замешкавшись Лейф отпустил рукоять меча и бросился дальше. Борис вышел из ступора и подхватил с пола меч, выпавший из рук Николая. Отчетливо понимая, что он совершенно не соперник несущейся на него машине смерти, хоть с оружием хоть без оружия, все же, без попытки выжить, сдаваться не давал инстинкт самосохранения. Борис неуклюже попытался ударить мечом своего противника наискосок и, тут же, получил два удара, по предплечью, от которого меч вылетел, и в челюсть по касательной. Борис, как сказали бы бойцы, поплыл. В следующую секунду они с Лейфом

повалились, на пол. Борис почувствовал, как стальные руки Лейфа сминают горло. Хрипя и пытаясь оторвать руки от своего горла, Борис нанес удар коленом, попав в пах сопернику, Лейф только скривился, но это мгновение подарило глоток воздуха Борису. Вдруг в глаза Бориса брызнула кровь, он увидел острое жало стрелы, пробившее плечо Лейфа. Задышавшись, хрипя, сквозь кровавый туман, Борис увидел, как над Лейфом сзади вырастает фигура Борка, прежде чем сознание погрузилось во тьму.

Путь в Легион. Начало.

Сознание вернулось рывком. Вдруг перед глазами появился белый потолок. Робкая надежда что все случившееся, это отравление в результате банкета испарилась, когда Борис услышал приближающиеся голоса.

– да я все знаю, оставшиеся образцы мне необходимы для опытов, Вам ведь они уже не нужны, и уж тем более не представляют никакой опасности, не так ли Дарси?

– конечно лучше бы их не стало, но помня о Ваших заслугах, думаю мы можем оставить их Вам, на один день, завтра с утра передадите их Борку.

Осознав себя лежащим на кушетке с привязанными конечностями и головой Борис, подняв голову увидел, удаляющуюся спину серого кардинала Дарси и того безумного доктора, который и притащил их в этот мир.

– вот ты сука псих чертов, никак не уймешься, еще какие опыты тебе нужны – раздался слева голос Витька. Обычно жизнерадостный, сейчас он еле хрипел – только отвязжусь, порву тебя на хрен.

Борис завертел головой и увидел, что слева от него стоит кушетка, на которой, подняв голову посылал угрозы Витек, а за ним, такая же кушетка с Николаем, который так же был в сознании, но молчал, так как на нижней половине лица у него было что-то типа повязки. От того что Борис вертел головой, ему стало плохо, голова закружилась, подступила тошнота и он вынужден был откинуться на кушетку. Несмотря на плохое состояние пришло облегчение. Они живы, они вместе.

Удивительное дело, человеческое восприятие, казалось бы, какая разница вместе не вместе, а вот все равно легче становится, когда понимаешь, ты не один.

– ну в таком состоянии как вы сейчас, порвете вы только свои связки и мышцы – сказал доктор, поворачиваясь к ним – впрочем судя по показателям все может быть хорошо.

– зачем мы вам еще понадобились – спросил Борис, глядя в потолок

– вот, а это уже правильный вопрос, тем более что времени не так много, как хотелось бы, одну минуту – Борис ощутил, как верхняя часть кушетки поднимается, таким образом, что они все трое находятся в состоянии полусидя.

– вот так лучше – удовлетворенно произнес доктор – прошу сначала немного меня послушать, а уже потом отвечу на вопросы. Итак, завтра утром вас отправят в Легион. Место расположения Легиона совпадает с, скажем так, некоторыми моими интересами. А именно на территориях, которые местные аборигены называют пустошами, обитает одно животное, они называют его агрух. Доктор произвел некоторые манипуляции и перед глазами появилась голограмма, по крайней мере мозг Бориса квалифицировал это изображение как голограмму, животного похожего на волка, только крупнее, особенно в груди и с жуткими верхними клыками. Борис вздрогнул, именно это животное он видел в кошмаре первого пробуждения в этом мире.

– так вот, мне нужен образцы этого животного, доставите их и я попытаюсь вернуть вас в точку, откуда забрал.

– навряд ли нам получится притащить его на поводке и постучатся в вашу дверь.

– ха-ха, юмор – это отличный показатель адаптации к новым условиям. Конечно же нет в лучшем случае вам удастся взять пробы крови и мышечной ткани этого животного, в специальные контейнеры и дойдя до Стены сказать условленный пароль.

– ха, все понятно, отрезал лапу этому волку, дошел не знаю куда, сказал пароль не знаю кому и все, домой – доктор ты просто псих, ты..

Витек не успел продолжить, его остановил Борис.

– Витя заткнись! Доктор очень отрывочная постановка задачи, можно я задам вопросы – сказал Борис и увидев утверждающий кивок, продолжил

– почему Вы считаете, что мы захотим сотрудничать

– почему думаете, что у нас есть шанс

– почему Вы надеетесь на нас, а не на свои технические возможности и мастера Дарси с его ресурсами, и даже, скрываете от него наш разговор.

Доктор зааплодировал своими ухоженными ручками.

– вот сразу видны зачатки системного мышления, что же отвечу по порядку – вы, очевидно, очень хотите выжить и вернуться домой. Здешняя среда микроорганизмов и бактерий крайне агрессивна, я сделал вам прививки от нее, но только сроком на три года, если не провести повторную вакцинацию, то вы погибнете.

– инстинкт самосохранения, зачатки системного и мышления, скорость адаптации к неизвестным ранее факторам и, самое главное, способность к творчеству, у здешних аборигенов единицы способны на это. Тут просто феноменально статичное общество, придворный потомок поколений придворных, про крестьян, ремесленников и воинов говорить нечего. Насколько я знаю, последние социальные изменения были около двухсот лет назад, когда произошла смена правящей династии. По моим предположениям лет через пятьдесят, произойдет что-то подобное, учитывая вырождение правителей. Практически никаких изобретений не было сделано за эти двести с лишним лет, так что я верю, ваше творчество способно спасти вас.

– мои, несомненно, большие возможности, локализованы в этом модуле, или как его здесь называют, башне безумного колдуна. Вне этого модуля я, увы, обычный человек, да с очень хорошим оружием, но все же риски возрастают. Мастеру Дарси, как всякому мерзавцу – политику выгодно наше сотрудничество, поэтому он всячески затягивает передачу необходимых мне образцов. Поэтому я вынужден развивать свою сеть, скажем так сотрудников.

Витек все же не удержался и язвительно вставил – судя по всему, не очень-то удачно у тебя получается.

– я ученый, а не политик или боец – раздраженно отозвался доктор.

– понятно, сказал Борис, давайте дальше

– что такое Легион, как нам там лучше выжить,

– как далеко от него эта Стена, куда мы должны доставить образцы,

– к кому мы должны обратиться и что будет после этого обращения.

Отлично, сказал доктор, прошу внимания на экран. Вновь появилась голограмма, но на этот раз не в виде объемного изображения, а как карта.

– Легион задумывался правителями этой страны как надежный щит от морских разбойников, обитающих на островах – на карте замигал участок моря со скоплениями островов – и от непонятной угрозы из так называемых пустошей – на этот раз замигал просто кусок карты.

– Со временем армейское подразделение стало превращаться в обособленную территорию со своими законами, которые весьма далеки от понятий верности и долга, впрочем, вырождение власти весьма этому способствовало, ссылая туда всех не устраивающих ее. Конечно, весь этот сброд, не признающий никакой дисциплины просто разбежался и поэтому отец нынешнего императора выстроил, используя горный массив еще и стену, используя в качестве дополнения к преграде протекающую реку, и повелел казнить каждого, кого поймают со стороны Легиона. Таким образом, с севера и с запада море и острова, с востока пустоши, с юга

стена империи. К тому же путь к нему преграждает горный хребет, проход через который контролируют регулярные армейские части. От этого прохода еще день – два пути и стена.

– к сожалению, я не знаю ответа на вопрос как вам лучше выживать в Легионе – доктор, казалось, был действительно огорчен – но я кое-что вам подарю, ну что могу, по крайней мере, за такой короткий срок.

Не обращая внимания на Витьку, уже открывшего рот для очередной колкости, доктор продолжил.

– от побережья до стены примерно – доктор на секунду замешкался, подбирая слова – около ста семидесяти, ста девяноста километров, от границы с пустошью чуть больше. Обратится, нужно будет к капитану Проку.

– а как же приказ императора – сказал Борис.

– ну что вы, это же люди, сейчас это просто граница, да через нее вы не пройдете без документов, но, как и с любой границей перемещения есть и даже контрабанда.

– а может, ты нам сразу пропуск дашь – опять встрял Витек.

– документы, даст капитан Прок, и только после проверки образцов – отрезал доктор – а вот потом доберетесь до меня, и я попробую отправить вас назад.

– на чью-то помощь, мы можем рассчитывать – спросил Борис.

– к сожалению, только помощь капитана Прока, да и то только для того, чтобы переправить вас через стену. Но думаю, вы справитесь, все-таки, уцелеть в ситуации, которую подготовил этот интриган Дарси, это показатель. Ну что давайте продолжим процедуры.

– погодите доктор – опять сказал Борис – еще несколько вопросов.

– кто-то еще уцелел ... из наших?

– нет. От такого ответа дохнуло могильным холодом.

– а что за подарки вы нам приготовили – осторожно спросил Борис, в этой беседе он незаметно взял на себя лидерство их маленькой команды.

– ааа – обрадовано сказал доктор – я доктор по регенеративным способностям и – тут он немного замешкался, подбирая слова – вирусологии. Во-первых, я избавил вас от полученных вами тут опасных микроорганизмов и вирусов и еще несколько стимулировал ваши регенеративные способности и силу иммунитета, еще увеличил скорость мышечной реакции.

– ох ты бя, а еще может и силу увеличишь – опять не удержался Витек, но доктор ответил серьезно.

– на это нет времени, сила зависит от состояния суставов и связок, а их трансформация дело медленное.

И тут неожиданно для всех подал голос Николай, несмотря на повязку вопрос был понятен

– шшто такое непонятная угроза с пустоши?

– я думаю, что с этим миром произошла катастрофа вирусного или бактериологического характера, и эпицентром как раз было то место, которое спустя много веков местные аборигены назовут пустошью. На это указывает повышенный вирусный фон всех образцов, которые мне удалось получить. А местные, несмотря на средневековый иммунитет, просто не живут долго в этих пустошах, поэтому объявили их проклятым местом и не суются туда. Периодически из пустоши приходят некие животные, типа агруха, как правило очень агрессивные и которых крайне трудно уничтожить с помощью луков и мечей. Поэтому каждая такая встреча обрастает кровавыми легендами и совершенно не поддается какой-либо классификации, просто непонятная угроза.

– а ты нам бластер выдай доктор, мы вмиг тебе настреляем твоих волков – опять Витек не удержался. Эта реплика вывела доктора из задумчивости и переполнила чашу его терпения.

– все, о чем мы сейчас говорили будет у вас в памяти, искренне желаю успеха – и начал производить какие-то манипуляции, перестав обращать на троих друзей внимание. Борису

казалось, что он не спросил еще множество важных вещей, но он неотвратимо проваливался в сон.

—

Борис проснулся от ощущения что его глаза, как будто выжигают. Попытавшись прикрыть их руками, он почувствовал, что может сделать это только одной рукой. Застонав и прикрыв болевшие глаза, он попытался сесть.

— о, очнулся, а я уж думал все, в кому впал наш переговорщик великий – прорезался в уши голос Витька. Вместе с ним мир обрел звуки и дополнительные ощущения. Ощущения небольшой тряски и вони, звуки стука копыт, скрипа дерева и отдаленные перекрикивания людей. Борис чувствовал себя ужасно. Вторая рука была на месте, просто он ее конкретно отлежал и сейчас будто тысячи игл впивались в нее, в горле, казалось, была наждачная бумага, голова раскалывалась. Машинально разминая руку и кривясь от боли, он обвел мутным взглядом пространство, отметив, что они находятся в повозке, стены и потолок которой были металлическими решетками, повозку тащит пара похожих на коров существ, и что они тут втроем с Витьком и Николаем. Ощувив чей-то взгляд, он посмотрел на соседнюю повозку, она была битком набита такими бандитского вида рожами, что даже мысли не закралось об их невиновности и случайном попадании в неволю.

— что пялишься выродок, твоя удача, что я тебя не увидел, когда нас по возкам рассовывали и в суматохе не добежал до тебя, ну ничего, путь долгий еще свидимся, никакой конвой тебе не поможет, о что я с тобой сделаю – говоривший это был похож на одноглазую крысу, узкое лицо, плохо сросшийся, вертикальный шрам из за которого этот тип, видимо глаз и потерял, хрящеватый нос и тонкая нитка бескровных губ. Несмотря на то, что повозка была битком набита людьми, вокруг этого крысюка было некоторое свободное пространство, видимо он был у этого отребья в авторитете, несмотря на, совсем не богатырское сложение. Сухощавый, немного сторбленный, тем не менее от него просто несло угрозой и агрессией.

— Жгут, а этот то причем, он же вроде, как и мы все ссыльный, простой двойник, которого подставили и выкинули, когда не нужен стал – обратившийся к крысюку был, в отличие от него, довольно крепким, широким с большими руками и простецким выражением лица, этакий рубаха парень, которые и землю пахут и убивают с крестьянской основательностью.

— мне без разницы, я просто не могу видеть эту рожу, как вспомню своих сестер, так прямо припадок начинается – и уже обращаясь к Борису – молись сладкий, доберусь, буду как свинью потрошить.

Восприятие агрессии за последнее время у Бориса сильно изменилось, то, что в обычной жизни заставило бы его напрячься, после всех злоключений последних дней, казалось не таким значительным – не убьют в этот момент и ладно. Поэтому, он просто отвернулся и из всей массы вопросов, что роились в его голове, спросил у Николая.

— Коля, а где твоя повязка. Витек, сначала с недоумением посмотрел на него, а потом весело засмеялся

— правильно, что еще интересуется человека, пролежавшего двое суток и находящегося в клетке, где повязка у другого зека!

Николай, так же улыбнулся и сказал – да все отлично, обнаружил, что ничего не болит и могу пережевывать то, что тут дают вместо еды, для этого зубы нужны. Видимо, доктор действительно преподнес шикарный подарок.

Глядя на улыбающиеся лица друзей, Борис вновь ощутил облегчение, несмотря на их положение и безнадёжность. Жив, местами здоров, рядом друзья и в этот момент вроде бы ничего не угрожает жизни. В голове, удивительно пустой, крутились мысли о том, как он был недоволен, когда выезд с парковки загородил сосед по дому, или приходилось стоять в пробке, или в куче продуктов из супермаркета попадались просроченные. Трясаясь в телеге, на провожавшей соломе, с нулевыми перспективами в неизвестном и опасном мире, все проблемы и

неприятности, которые происходили в жизни ДО этого, показались настолько смешными, что Борис сначала захихикал, а потом просто заржал в голос.

– эээ, дружище ты чего это – озабочено спросил Витек?

– Ха-ха, да я вспомнил – ха-ха, что считал проблемой в жизни наличие парковки – ха-ха-ха – а вот ты Витек рассказывал, что снижение курса рубля – это огромная проблема – ха-ха-ха.

Через минуту, все узники соседних телег с изумлением и опаской уставились на троих собратьев, двойников членов правящей династии, которые и так-то вели себя довольно странно, а сейчас оглушительно смеялись, хотя и ехали туда, откуда не возвращаются.

Отсмеявшись и вытерев выступившие слезы, Борис спросил у товарищей

– ну ладно, а что было, пока я в отключке был?

– да ничего особо интересного – ответил Витек – очнулись, нас отконвоировали, через какие-то норы прямо к телегам, посадили и вот едем уже второй день.

– Понятно, а вот почему у вас лица все в ссадинах каких то, ведь перелом даже прошел у Коли.

– ооо брат, это нас толпа поклонников чуть на куски не порвала.

– не понял – сказал Борис – какие поклонники.

– да это конвой прощелкал момент – ответил Николай – нас троих как вывели для посадки по вагонам, тфу по привычке, телегам, такая знаешь минутная пауза, как в стоп-кадре, а потом вся толпа ринулась на нас, как на празднике прям получилось, вот только бежать нам было некуда. Первую минуту еще как-то отбивались, вместе с конвоем, кстати, а потом повалили нас и месили, хорошо помощь конвоирам пришла, а так бы разорвали нас.

– да уж, я уже попрощался с жизнью, честное слово – тон Витька, вопреки своему обычному веселью был серьезен – как закидывали нас в эту телегу, я отрывками помню, видимо периодически терял сознание.

– народ нигде, в общем то, власть не любит, но чтоб до такой ярости людей довести, даже потенциальных смертников, это надо постараться – Николай привалился к трясущимся прутьям решетки – как всех растащили, нашелся один верту..., конвоир такой матерый, в авторитете видно, старый и седой уже, вышел и объяснил всей толпе что мы двойники и даже не местные, попали со всеми, только после этого народ успокоился, кстати в этом этапе еще и вояк мятежных везут, помнишь Боря того бойца от которого тебя Борк спас, вот он через одну телегу от нас, его как и тебя грузили без чувств.

– нет уж, встречаться чего-то неохота – Борис вспомнил горящий ненавистью взгляд, и его непроизвольно передернуло.

– а зря – коротко сказал Николай, и Витек покивал головой, – у вояк порядок и уважение толпы, таких-то я хорошо знаю – он кивнул в сторону соседней повозки, которая была набита явно бандитскими рожами – шакалы, отвернешься и прирежут ни за что, а вояки все же с принципами люди, к тому же перед нами у них, вроде как, должок.

– какой это должок – непонимающе сказал Борис.

– а вот ты бы что чувствовал, когда пытался бы замочить человека, а тот оказался бы не при делах, да и вообще не тем, за кого его приняли.

– ну, навряд ли они принесут нам извинения.

– да тут дело не в вежливости, а в том, чтобы ложиться спать и надеяться, что проснешься не от того, что тебе горло перерезают – серьезно проговорил Николай – нам нужно попасть в «бригаду» к нормальному лидеру, иначе лучше нам было погибнуть со всеми остальными нашими. Едем второй день, а из соседних повозок уже семь трупов вынесли.

В повозке повисло тягостное молчание, каждый из друзей думал о своем, но так или иначе мысли крутились вокруг одного, как бы прожить еще немного. Борис начал рассматривать окрестные пейзажи, это удавалось с трудом, пыль от колес не позволяла рассмотреть много, да и смотреть то особо было не на что, какие-то поля с жалкими придорожными кусты-

ками. Вот слышался топот конских копыт и мимо неторопливо проехал воин, очевидно, охранник. В кожаных шлеме и нагруднике, вооруженный легкой изогнутой саблей и устрашающего вида плетью с колючками на хвостах. Нижнюю половину лица закрывала ткань, выражение узких и злых глаз было внимательным и собранным. Сначала показалось, что он рассматривает заключенных, но, когда он подъехал к их повозке Борис понял, что осматривает он сами повозки, в первую очередь своеобразные замки на крошечных дверцах. Когда воин миновал их повозку Борис рассмотрел, что за замки преграждали путь к свободе, с недоумением увидев железный прут, перекрученный почти в бантик. Поймав взгляд Бориса Витек, прокомментировал – элегантно правда, закрутили и в путь.

– а как же прогулки там, выйти или трупы выносят – недоуменно сказал Борис.

Витька аж передернуло – ну я так понимаю прогулок тут не предусмотрено, а вот как трупы выносили этого лучше не видеть, я чуть желудок не выплюнул, когда увидел, скажу просто – по частям, которые пролезают в решетки. Борис, представив себе эту картину, так же еле сдержал рвотные позывы.

– ну прутья то на расстоянии а местные далеко не богатыри, кто-то да протиснется.

– да, на второй день, вернее к ночи, один мелкий изловчился, так эти монголы его поймали, привязали к конному и возили вокруг нашего каравана пока от него одни ноги не остались, до сих пор его крики мне слышаться.

– очевидно эти, как сказал Витек монголы, отличные следопыты – произнес Николай.

Так они и ехали, раз в день им забрасывали в одну миску, черпак какой-то вонючей бурды, в другую миску наливали теплую, с запахом гнили, воду. Испражняться приходилось на ходу и строго в один угол повозки, где была прикреплена доска под наклоном, чтоб дерьмо скатывалось под колеса, для гигиены им швыряли раз в три дня охапки травы. Борис стал терять счет дням, они сливались в строгую последовательность действий охраны: начало движения каравана, раздача еды и воды, регулярные обходы охраны, остановка в середине дня, движение до ночи. Тело от отсутствия привычной гигиены сначала нестерпимо чесалось и зудело, затем он просто перестал чувствовать зуд. Его уже не шокировала процедура расчленения трупов, тех бедолаг, кто не дожил до конца пути. Восприятие притупилось и начало скатываться к животным потребностям.

Сначала друзья много разговаривали, потом разговоры стали утихать, в последнее же время Борис начал испытывать к своим спутникам раздражение, ему казалось, что ему достается меньше всех еды и воды, казалось, что они занимают более удобные места. Эти изменения происходили с ним не с одним, Витек, так же, как и он все более замыкался в себе, все более насупленным выглядел, все более злобным был его взгляд. Николай как будто впал в перманентный сон, в основном он сидел с прикрытыми глазами в одной позе и как-то странно подергивался.

Прорыв произошел, когда очередной раз им принесли воду.

– ты рожу не положи, попил и отошел – вдруг прокаркал Витек.

– ах ты сука – захрипел Борис и хотел ударить Виктора. Впрочем, за эти дни они так ослабели, что некогда мощный удар превратился в тычок. В ответ Витек кинулся вперед и вероятно хотел ударить Бориса головой в переносицу. Борис уклонился и удар, пришелся в ухо. Через несколько мгновений они, сцепившись катались по полу повозки и пытались задушить друг друга. Недоедание, а самое главное обезвоживание не дали им этого сделать. Борис хрипел, в глазах стояла пелена, и вдруг услышал звук сочного удара. Хватка Витька ослабла, он протер глаза, но только для того, чтоб увидеть Колю, наклонившегося над ним и занесшего руку для удара. Миг и Борис провалился в беспамятство.

В этот раз сознание пришло, как ни странно, учитывая изможденное состояние, довольно быстро.

Борис просто открыл глаза и увидел Колю, сидевшего напротив и внимательно рассматривающего его.

– ну вот, хорошо, второй боевик очнулся – сказал Николай – сейчас вот почувствуете ненависть друг к другу?

Несмотря на то, что Борис прекрасно помнил, при каких обстоятельствах он отправился в бессознательное состояние, сейчас вся та ярость и злость что он чувствовал к Витьку и Николаю казались ему диким абсурдом. Как можно было желать уничтожить своего друга, из-за глотка провонявшей воды, думал он. В подтверждение его слов раздался хриплый голос Витька

– помешательство какое то, никогда такой злости не чувствовал, слава Богу, что обессиленные были.

– именно помешательство – сказал Николай – замкнутое пространство, отсутствие нормальных условий жизни, одни и те же люди и вот лезет из человека животное.

– а ты то, как в норме остался – спросил Витек.

– молился – просто сказал Коля.

– ты же как-то религиозностью не страдал вроде, свечки там, посты и прочее.

– слушай Витек я не священник, поэтому не буду читать тебе проповедей что внешние действия еще не вера, сейчас сил просто у меня нет, скажу просто, если веришь, что ты животное, то и вести себя будешь так же, ну вот примерно, как вы с Борей, а если вера в Бога в тебе есть, можешь выжить. Мне как-то раз один старый священник на тюрьме рассказал, просто молись говорит, и все. Поверьте, у меня было время попробовать. Не так как обычно, приехал в церковь на машине, пока идешь, думаешь, какие дела надо еще успеть, потом сигналка сработала, а внешне весь такой благообразный.

Как молится вам я сказать не смогу, тут не только в словах дело, но самое главное помните вы не звери, разница есть сдохнуть от голода или от того, что тебя друг твой задушит. Вот представьте себе сейчас каждый что он очнулся, а другой нет, и надо еще разрезать чтоб протасшили через прутья.

Борис с ужасом представил себе эту картину, чувство отвращения к себе и вины были так сильны, что он застонал от них сквозь зубы.

– Боря прости меня я просто мудака – раздалось рядом. Витек и Борис, как пристыженные школьники пожали друг другу руки, не глядя в глаза. Каждый думал о своем, но к ужасам, в которых они оказались, прибавились еще и муки совести. Если бы не Николай, наверное, так они и сидели бы в своих углах тупо пряча глаза друг от друга.

– есть хорошая, после этого слова Николай усмехнулся, информация – у нас новые соседи, вояки, и вот от них я узнал, что через два дня будет остановка на перевале, где нас пересадят и будет прогулка.

– как ты все успел то – спросил Витек.

– на каком перевале – спросил Борис.

– понятно, вы хоть знаете сколько дней мы едем, и увидев непонимание на лицах ответил сам – уже почти двадцать дней прошло, оглянитесь вокруг.

Борис, обалдевший от такой информации, машинально закрутил головой. Если впереди и сзади что-либо рассмотреть было затруднительно, так как обзор загораживали повозки, то по бокам простирались лесистые предгорья, местность выглядела угрюмо, темнели рощи деревьев, похожих на сосны, из земли торчали каменные обломки всех размеров, на которых росли лишайники. Полей уже нигде на горизонте не было, лишь пожелтевшая трава, наплывающая на камни.

– еще одно ребята – посерьезнев, сказал Николай – за время нашего, хм..., путешествия да с такой кормежкой ноги у нас совсем атрофировались, а на стоянке нам нужно быть в форме.

– почему – спросил Борис.

– а ты не забыл твоего крысоподобного фаната, из местных уголовников.

– блин точно, я сейчас в таком состоянии, что от воробья, наверное, не отобьюсь – осипшим голосом проговорил Борис.

– ну, радуется то, что все в таком же положении, к тому же нас до всего этого кормили явно лучше, чем местный сброд. И еще друзья, попробуйте напрягать мышцы без движений, просто сидишь и напрягаешь сначала одну, затем другую, хоть какой тонус будет.

– ты вот почему дергался – спросил Витек.

– да, тут быстрые ноги могут жизнь спасти – ответил Коля – впрочем, как и везде.

– а где тот фургон с уголовниками – спросил Борис.

– да больно уж они шебутными оказались что ни день то труп свежий, вот их и переместили куда-то вперед.

Вскоре разговор сам собой затих, и Борис попробовал, по совету Коли, напрягать мышцы ног и рук. Ощущения были довольно неприятными, везде кололо, как будто кровообращение было нарушено. Постепенно он хотя бы начал хорошо чувствовать отдельные мышцы, а не деревянные заготовки вместо ног и рук. В одном месте дорога изгибалась, стало видно куда они направляются, впереди на горизонте виднелись горы, по виду похожие на Кавказские, в одном месте как будто даже снег блеснул, отражая лучи закатного светила.

Если сон и явь последних недель Борис не разбирал отчетливо, то в этот вечер он уснул спокойно и даже умиротворенно. Что тому было причиной, освободившийся гнев или молитва, которую Борис проговорил про себя, он не понял. Только в один миг ему вдруг показалось – его Слушают. Не так как Витек или Коля, по-другому. Может быть их положение было тому причиной, ведь когда ты не знаешь точно проживешь ли еще день или час, надеяться можно только на Бога. Совершенно другой смысл открылся в словах молитвы «в руке Твои предаю дух мой».

Проснулся Борис от того, что крупные капли падали на его лицо, да и не только лицо. Был тот час, когда утро еще не наступило, было лишь неуловимое предчувствие начала нового дня. Шел проливной дождь. Сев на трясущийся пол повозки и ошалело, со сна озираясь, он увидел напротив Витька, сидевшего как нахохлившийся воробей и Николая, который сидел совершенно голый и ожесточенно тер себя пучком травы.

– о проснулись, давайте как я скорее, а то еще дождь кончится – сказал Николай.

Борису совершенно не хотелось сейчас мыться, но он понимал, что это необходимо, вариант просто сгнить заживо его никак не устраивал. Взяв по примеру Коли пучок травы он начал тереться им, сначала неторопливо, а потом, с тела как будто сорвали покрывало, начался такой нестерпимый зуд, что Борису казалось сейчас он протрет кожу. Борис постанывал от удовольствия, слева раздались такие же звуки, повернув голову, он увидел, как весь фургон-клетка с вояками напоминает переполненную баню, все ожесточенно терлись, кряхтели, закатывали глаза и произносили короткие, в основном ненормативного содержания, слова.

По обе стороны стоял лес, не тот лес в котором хочется прогуливаться, собирая грибы, в таком лесу даже в светлый полдень сумрачно и неуютно, а уж в предрассветный час он просто нависал над узкой дорогой, кое где хвойные лапы могучих елей сходились, грозя как будто поглотить дорогу и путников. Сейчас ощущалось, что уже почти месяц они едут на север. Несмотря на это казалось от них всех сейчас пойдет пар, кожа горела от травяных мочалок, да и сам разогрелся. Помывка переросла в стирку. Опять же подсмотрев у вояк, друзья, не сговариваясь, начали тереть те провонявшие дерюги, в которые были одеты. Обессиленный, Борис откинулся на прутья клетки, осмотрев себя и друзей он подметил какую-то несуразность.

Трава была хоть и не свежескошенная, но под воздействием влаги размокла и оставляла на теле зеленоватый след. Борис, придя в себя увидел, что они все стали в неровных разводах зеленого цвета.

– с добрым утром, братья гуманоиды – Витек так же подметил переокрашку цвета кожи.

– зеленые человечки, бляха муха – проворчал Борис.

– ну, вот если сейчас убежим, точно никто не поймают – сказал Коля.

– ха-ха, слышали парни, раздалось из фургона вояк, эти парни собрались затеряться в зелени, ха-ха-ха, а ведь правда, все зеленые.

Борис увидел крепыша, сидящего в соседнем фургоне и оглядывающего себя.

– не переживай Хавлик – ответил ему воин постарше – если дикари не насадят тебя на елки, то местные скотоводы, точно с таким цветом кожи порвут конями, как тут у них принято.

– да не в том дело – сказал молодой – не унывают ребята – эй ваши светлости – как вас зовут то на самом деле?

– меня Борис, это Виктор, это Николай – ответил за всех Борис.

– забавно, два северных имени, одно южное – я Хавлик, это Десс, он показал на воина, постарше, тот коротко кивнул, это, а хотя ладно, будет время еще познакомится. Витор говоришь, был такой южный принц Витор, он был такой отважный и воинственный, а вот погиб от того, что пел песни и костью подавился.

– а вот у нас твое имя если одну букву поменять, означает, есть чего пожрать – не остался в долгу Витек.

– ООО правда, а где это у Вас – Хавлик очевидно был жуткий балабол, который уже достал своих всех и почуяв интересного собеседника впился в него с расспросами.

Бориса же, помывшегося и постиравшего одежду внезапно и мощно накрыл сон. Засыпая, он в очередной раз подумал, что же за странная скотина человек, дома ему мешали спать гудки машин и громкие разговоры соседей за стеной, а сейчас под дождем, на замусоленных досках в трясущийся повозке, практически без шанса выжить засыпает как младенец.

Проснувшись, по ощущениям, часа через два Борис от того, что желудок сводило от голода, видимо организм решил, что раз уж намыли, то может быть еще и накормят лучше чем обычно. Действительно та жуткая бурда из злаков и обрывков кожи и потрохов, которой их кормили, была уже в миске. Разговор, очевидно продолжавшийся все то время, пока Борис спал, прекратился. Зачерпывая руками из миски, друзья, как и все остальные пленники, быстро глотая вонючую кашу пытались если не наестся, то хоть как-то поддержать жизнь. После того, как миски собрал охранник монгол, Борис увидел, что лес они уже проехали и он темнеет позади, рассмотреть это удалось, потому что повозки пошли круто в гору, да и пыли от каменистой дороги, после дождя, практически не было. Лес, темной полосой простирался по всей линии горизонта, а вот в ширину был гораздо меньше, как бы опоясывал начало гор. Впереди стало видно начало каравана, пятьдесят повозок, сосчитал Борис, не так уж и много, хотя это они едут тут втроем, вон те же вояки в такой же повозке, как-то умудряются выжить двенадцать человек. Вот и сейчас четверо из них усаживались вплотную к стенкам, а остальные укладывались спать, чуть ли не в обнимку друг с другом. В голове каравана было гораздо дольше конных стражей. Видимо все с удовольствием пользовались возможностью, как следует осмотреться и увидеть что-то большее, чем морды и задницы тягловых животных.

– слушай Хавлик это туда буйных зеков, ну то есть разбойников перевели, их так охраняют – спросил Витек.

– да эти там, но не только они – охотно отозвался Хавлик – говорят, там везут самого Седого Сиды и его сына Лесса. Тон, которым было произнесены эти два имени, подразумевал что обладатели этих имен фигуры незаурядные.

– что особо опасные бандиты – уточнил Витек.

Хавлик, который казалось просто не способен был к унынию, вдруг скривился и с неожиданной злостью сказал – да выходит теперь не просто бандиты, а преступники против короны, чудовища, и взяв паузу добавил – как и все мы. Как же так получается, когда мы на южных окраинах ловили вот их, и он кивнул на проезжавшего мимо монгола, то были героями, а теперь они нас везут в клетках, тьфу скоты, лучше бы я сдох на тех ступенях во дворце.

– кстати Хавл – промолвил задумчиво незнакомый воин, сидящий рядом с Хавликом – ты слышал, когда ни будь, что дети Реки охраняют последний конвой, обычно кто-то из армии это делал.

– ну это то как раз понятно, после того как почти весь офицерский состав гвардии едет сейчас в клетках, кто из армейских охранять нас будет.

– Сид и Лесс военачальники гвардии – спросил, сидевший до этого молча, Николай.

– не просто военачальники – Седой Сид легенда, собственно, он и завоевал империю, вместе и отцом нынешнего ничтожества. Кстати, он не участвовал в восстании, все знали о его клятве старому императору беречь его ублюдка, и все знали, что его слово камень, но все равно отправили на смерть, что творится?

– ну дружище вот у нас таких примеров полно – сказал Витек – чем ничтожней власть, тем более она стремится всех, отличающихся от нее придавить.

– страшный у вас мир Витор – покачал головой Хавлик – а мы верили, что были всего в шаге от победы, кто же знал, что вы, ну то есть семья этих ублюдков, поддельная.

– Хавл, заканчивай трепаться – донеслось с пола повозки.

– да перестань Десс, не видишь, мы все тут смертники, и они тоже, что по привычке скрываешься – горько ухмыльнулся Хавл.

– Десс, раз уж ты не спишь, скажи, как нам сделать так чтоб от нас отстали ваши местные бандиты – спросил Николай – можем ли мы рассчитывать на вашу помощь?

Повисла томительная пауза, в которой слышались не только скрип гальки, храпение вояк и перестук колес, казалось мысли немолодого вояки так же тяжело и надсадно ворочаются, друзья затаили дыхание, от ответа многое зависело. Наконец Десс ответил

– если бы мы были в городе месяц назад я бы посмеялся над этой проблемой, зарубил бы любого бродягу, а дружков его заставил бы закопать тело, но сейчас я не знаю, я ни хрена уже не понимаю, что творится. Держитесь поближе в нам, но, если они полезут толпой на толпу я своими людьми рисковать не буду, тьма, какие они мои люди!!!!

Очевидно, весь мир этого человека рухнул с тех пор, как из военного, надежды и оплота империи он превратился в такого же заключенного, как и те отбросы, которых он даже не замечал раньше. Борис отчетливо вдруг понял, что психика немолодого уже человека висит на волоске.

– Десс у меня много знакомых дома были военными, многие прошли через войну, и один мой хороший знакомый сказал, пока ты жив война не закончилась, не важно, где ты и как ты воюешь, именно эта простая мысль помогла ему не стать законченным пьяницей или наложить на себя руки.

В повозках воцарилось мрачное молчание, каждый думал о своем. Борис, в целом, понимал позицию вояк, каждый хочет выжить и если появляется реальная угроза спасти будут своих, а потом уже хоть и знакомых, но в общем то чужих людей. Но какая-то детская обида все равно осталась, а еще, похоже, рухнули Колины планы присоединится к воякам. Даже неунывающий Хавлик замолчал и погрузился в себя. Так незаметно пролетел день и наступило время остановки на ночлег, но в этот раз похоже останавливаться никто не собирался, наоборот скорость повозок немного увеличилась, и это несмотря на внезапно наступившую темноту. Борис еще раз убедился, что они уже в горах, только что красиво багровел закат и вдруг зайдя за очередную гору солнце погасло, как будто его выключили. Сразу ощутимо похолодало. Монголы зажгли факелы и с ними объезжали караван, выглядели они напряженными. Вот лошадь одного из них оступилась на камне и чуть не сбросила седока, только навыки прирожденного наездника спасли монгола от падения. Зашипев что-то сквозь зубы, наездник повел лошадь шагом. Когда пятна света от факелов гасли, то наступала крошечная тьма. Борис видел, когда очередной конвоир проезжал мимо, что вояки не просто проснулись все а сидят в напряжении, пытаясь вглядываться в окружающий их мрак и даже показалось что они немного испуганы.

– эй Хавлик, чего во мрак тарашисься, испугался темноты воин – тут же подколот знакомого Витек. На протяжении всего дня они подкалывали друг друга и было видно, что оба получают от этого удовольствие, но сейчас юмор Витька никто не оценил.

– да боюсь, в этом нет стыда, вот когда за тобой придет какой ни будь дух мрака, тогда посмотрю, как ты будешь шутить.

– класс, может он еще и двери откроет нам – Витек как все циники, был далек от всяких мистических страшилок.

– Витор, ты или сумасшедший или до безумия отважный человек – после паузы, ошарашено проговорил Хавлик.

Ощущение уклона дороги постепенно пропало, как будто они ехали вновь по ровной дороге. Повозка начала забирать вправо и на миг, в момент самого поворота, друзья увидели отблески множества факелов. Световое пятно было достаточно большим, чтоб разглядеть кусок не то стены, не то крепости с большими воротами. Несколько верховых, с факелами отделились от ворот навстречу останавливающемуся каравану. К сожалению, чего-то большего, чем отблески факелов, рассмотреть друзьям не удалось, но волнение от очередных перемен не позволяло уснуть, в голове была карусель из мыслей и чувств, чем дальше Борис оставался наедине с этой каруселью, тем быстрее она вращалась. Основными мыслями были две очень простые, но такие трудно реализуемые в нынешнем положении, выжить и выбраться из этого абсурда. Не в силах больше прокручивать одно и то же Борис первым завел разговор

– не знаю, как нам выжить в этом кошмаре, мы как младенцы, никаких преимуществ перед местными.

– да уж доктор очень красиво описал наши возможности – тут же отреагировал Витек – чего он там говорил про системное мышление и творчество. Вот как вспомню ту бойню, когда в повозки запихивали, прямо в рожу хочется ему засветить.

– да хрен ли толку от этого творчества, пулемет не изобретешь – горько усмехнулся Борис – кто мы все есть, кем мы были там у себя, купи продай, менеджеры, да и Колян вон не ракеты изобретал, а лес валил. На много ли современный человек ушел от своих предков, те хоть за добычей бегали, вот и изобретали, а мы пришли кнопку включили и все, в общем, всем по хрену как там чего работает.

– да лес валил, а еще книги читал и вот что я понял из книг, все открытия производились крошечной частью людей, которые были поставлены жизнью в трудные условия, а всем остальным, как ты там сказал, кнопку уже приносили, так что доктор в общем то прав, вот только для творчества нужно чтобы нас хотя бы оставили в покое и не пытались убить постоянно. Самое важное для нас сейчас это не дать себя убить тем бандитам, остальные по крайней мере не грозились так откровенно.

– как ты это сделаешь там толпа такая сидит, а вояки чего-то не горят желанием помочь нам.

– не знаю точно – сказал Николай – но вот параноидальная мысль о том, что все вокруг хотят тебя убить, для нас должна стать нормой, поэтому спим по одному и ходим, не разделяясь прикрывая спину. Еще, как только представится возможность, подбираем то, что можно воткнуть или чем ударить, щепку, ветку, камень, чего угодно.

– да это и так понятно – сказал Витек.

– ну и где у тебя что, раз понятливый такой – с непривычной злостью спросил Николай.

– да где я тебе возьму тут палки то – удивился Витек – а у самого что, есть меч кладенец, покажи нам бестолковым.

– на смотри – Николай быстро вернул самообладание и уже был как всегда спокоен.

В той крошечной темноте, которая их окружала, конечно ничего было не рассмотреть толком, поэтому друзья придвинувшись вплотную, на ощупь нашли ладонь Николая. На

ладони, действительно ощущалась какая-то не то ветка, не то щепка, размером чуть больше среднего пальца и очень острая с одного конца.

– блин Колян ты где умудрился щепку то отковырнуть – удивленно спросил Витек.

– это не щепка, а обломок кости, попалась мне в той бурде, что нам швыряли.

Слов не было, видимо Коля знал о чем говорил. Борис вспомнил, что однажды выкинул такой же мосол, который попался в миске.

– я вот такой выкинул, вот что значит просто мозгами не поворачиваешься в сторону какой-то мысли.

– да я увидел как ты выкидываешь, да только поздно уже было, а говорить не стал, а то накинусь бы на меня, как вон на Витьку. Ладно, хватит болтать, все равно сколько ни говори, а событиями мы не управляем. В нашем положении сон лучший помощник, давайте спать.

Николай с Витьком стали укладываться, а вот к Борису сон ни шел. Он очередной раз подумал, как же хрупок и уязвим человек. Как тонок тот налет цивилизации, за которым он превращается в животное, испуганно жмущееся в угол клетки или безумное в яростной атаке. Мыслей о семье и о детях, судя по всему, оставшихся в другом мире не было. Видимо психика милосердно защищала от таких мыслей и берегла силы для решения основной задачи человека с самых древних времен, задачи выжить. Еще приходили мысли про бытовые удобства, про работу, вернее про то, что раньше он называл проблема, эти мысли навевали грусть и смешили одновременно. Какие на хрен проблемы! Когда тебя пытаются несколько раз в день убить, и ты существуешь как животное – вот это проблема, а уж никак не приход налоговой или разборки с домоуправляющей компанией.

Под круговерть этих мыслей Борис не заметил, как погрузился в состояние полусна, когда ты вроде спишь, но слышишь каждый звук вокруг.

Пробуждение получилось резким, видимо впечатлившись вчерашними мыслями о постоянном контроле, Борис резко вскочил и начал оглядываться вокруг. Местный аналог солнца еще только начал обозначаться над вершинами сопков, свет отражаясь от их ледниковых шапок переливался всеми оттенками красного оранжевого и желтого. Вот солнце выглянуло из-за вершины и мир в мгновение ока преобразился, ночной мрак спрятался в самые потаенные расщелины, а мир оказался буквально залит чистым и ярким светом. Потрясающая красота восхода в горах на миг отвлекла от положения людей, заставив их замереть, наблюдая за ней. Впрочем, друзья быстро вернулись к действительности, не такой романтической как восход. Утренний ветерок ощутимо продувал клетки, а одеты они были вовсе не для гор, даже пусть и в начале осени. Осень на равнине и осень в горах это две большие разницы. Дрожащий со сна Борис, протирая глаза оглядывался вокруг. А вокруг творилось некоторое оживление, ржали лошади, и монголы как-то радостно суетились. Бросив взгляд вперед все, что можно было рассмотреть это гора, в которую, судя по всему, и упиралась дорога. Прямо к горе лепились уже две рукотворные каменные башни и мост между ними. На мосту находились люди, судя по отбрасываемым бликам от оружия и доспехов это был караул того перевала, о котором говорил доктор.

– Похоже это как раз тот проход, о котором говорил доктор – сказал Витек. У всех было нервное состояние. Не удивительно, в этом мире все перемены, которые с ними случались вели только к еще более ужасному положению.

Тем временем к их повозке приближались два всадника. Один из них был какой-то мелкий начальник у монголов, что-то вроде десятника, второй был не знаком ранее друзьям. На крупном коне гнедой масти, в подобии кирасы, с ногами, облитыми кольчугой до лодыжек и с окольчуженными руками, в открытом шлеме с кольчужным воротником, с саблей и с двумя тулами недлинных копий, пристегнутыми к седлу коня с двух сторон чуть позади всадника, таким образом чтобы он мог легко дотянуться до них. Он напоминал гигантскую рыбу, из-за кольчужных колец, вдруг вздумавшую прокатиться на лошади. И рыба эта была хищной. На фоне степняка, одетого в кожу и едущего на маленькой, лохматой лошадке, воин выглядел

настоящим великаном. Войны не разговаривали друг с другом, вот они подъехали к повозке, стоящей впереди, и воин остановился, внимательно разглядывая ее узников, после этого он зачерпнул из сумки, притороченной к седлу спереди, отсчитал и показал монголу восемь коротких палочек. Монгол кивнул, и протянул своему бессловесному собеседнику мешок, тот кинул палочки в мешок, и они подъехали к повозке, в которой находились друзья по несчастью. Немая сцена повторилась, только вот палочек было три, по числу людей в повозке. По безмолвному общению и по виду, с которым незнакомец общался с монголом было видно, что он не испытывает к своему напарнику никаких теплых чувств, скорее наоборот, зарубил бы его с удовольствием. Очевидно, что встретиться они в чистом поле или на дороге, были бы непримиримыми врагами. Происходила процедура пересчета живого товара при передаче от одного хозяина к другому. То, с какой будничной простотой и автоматизмом это происходило, показывало, что процедура эта отработана не раз. Это разозлило Бориса, хотя в их положении ничего другого и не могло быть, в груди разливался огонь бессильной и оттого еще более жгучей ярости.

– ссуки, как мешки с картошкой пересчитали – процедил Витек, видимо у него так же закипела злость.

Вскоре послышался грохот колес и по направлению к хвосту каравана проехала первая повозка, уже пустая от своих узников. На этот раз управлял ей возница монгол. Борис как-то завороченно смотрел на нее. Эти вонючие громыхающие повозки были их пристанищем все эти недели. И вот впереди неизвестность, которая опять не сулит им ничего хорошего. Пока эти мысли металась у него в голове, повозки поехали одна за другой. Вскоре и их повозка начала медленно и неотвратно продвигаться к каменным башням. День выдался сухой и солнечный и вскоре от продвигающихся повозок поднялась пыль, неизбежная даже на горных дорогах, видимость резко упала, были слышны только звуки и очередь неумолимо продвигалась вперед. Это продвижение нервировало и одновременно замораживало и вот они увидели, что же происходит впереди. Перед башнями было ровное небольшое плато. Его хватало на то, чтобы две повозки спокойно могли разъехаться и несколько людей при этом могли находиться, не боясь быть раздавленными. По правую руку плато обрывалось пусть и не отвесным, но довольно крутым склоном. По левую руку и впереди поднималась гора, на ее вершине блестела снежная шапка. Башни были соединены мостом, на котором сейчас находились порядка двадцати воинов, вооруженных луками. Так же на каждой из башен между зубцами находились по два стационарных больших арбалета. Жала их болтов, больше похожих на большие копья смотрели на суету каравана у подножия башен. Казалось, ничего не происходит, вот стоит повозка с узниками и ждет чего-то, вот стоят кучкой монголы и такой же кучкой местные воины. И тут вдруг раздался приглушенный звон колокола и все пришло в движение. От кучки местных отделились три человека. Один дюжий мужик в фартуке и с молотом ловко в три удара сбил петли с скреплявшим их прутком и быстро отошел к остальным.

– внимание отребье, выходим и быстрым шагом идем в тоннель, на все у вас десять минут, этого хватит на преодоление этих ста сорока шагов даже таким доходягам. Если через десять минут нам не просигналят о том, что вы вышли, с другой стороны, мы заходим в тоннель, но это не должно вас волновать, знайте если нам придется идти в тоннель, вы доходяги уже не люди, а корм для горных шакалов. Все понятно, тогда бегом ублюдки, время пошло. Сказавший это воин находился ближе к повозкам, но так чтобы не перекрывать простреливаемые сектора. После его слов находившиеся в повозке толпясь, спотыкаясь и шатаясь исчезли в темноте зева горного прохода между башнями.

Как только это произошло к повозке подъехал монгол, перепрыгнул на место возницы, накинув удила своего конька на прутья повозки, огрел быков плеткой, повозка начала разворот и медленно покатила в хвост каравана. Несколько томительных мгновений ничего не

происходило, а затем снова раздался приглушенный звон колокола. Тут же их повозки пришли в движение.

Снова тот же мужик отработанными, сильными ударами сбил их замки. Первым из повозки выбрался Витек, за ним Николай, а уже за ними вылез Борис. Ноги не слушались подгибались, казалось, что они только учатся ходить как маленькие дети. Они хотели уже направиться в тоннель как их остановил окрик

– Стоять на месте. Пойдете со следующей повозкой вас всего трое, быстрее отгоняй эту чертову колымагу!

Из следующей повозки начали выбираться солдаты. Судя по неуверенным движениям, чувствовали все себя примерно одинаково.

– Ну эти хотя бы додумались помыться раз зеленые стали, хоть не так воняет, как от остальных. Все слышали, что я объявлял недавно? Вперед все быстро, время пошло!

Вся группа как могла быстро заковыляла в темноту прохода. Подняв голову, Борис увидел в мосте отверстия, из которых тусклым стальным цветом на них смотрели арбалетные болты стражи. От этого простого движения Борис чуть не упал, но его подхватили сбоку их постоянный собеседник Хавлик а сзади Витек.

– Боря не крути головой, сейчас все ебнемся и будем как слепые щенки возится, время идет, а этим ребятам похоже наплевать на наши жизни. Темнота сомкнулась над ними, Борис прищурился, пытаясь что-то разглядеть по сторонам. Ничего не было видно, только далеко далеко маленькое пятно света на который они шли. Со всех сторон пыхтели шаркали и приглушенно ругались, а сзади донеслось

– внимание отребье, выходим и быстрым шагом идем в тоннель.....

Борис вдруг ощутил, что почти бежит, следуя за всеми остальными. Все узники передвигались на пределе своих небольших сил, стараясь как можно быстрее покинуть мрак подземелья и выйти на свет. Как будто отрезая свою прошлую жизнь бежали они подгоняемые не столько страхом расправы, в случае если не уложатся в выданный норматив, сколько инстинктом, животным желанием выжить. Сознание затопила паническая мысль, все не успеваем, сейчас сзади полетят болты арбалетов и стрелы. Казалось, бесконечно долго они бегут по тоннелю, бесконечно медленно растет пятно света превращаясь в такой же зев, как и на противоположной стороне, только там был мрак пещеры, а тут свет дня и плевать что силы на исходе, что хрипишь как загнанная лошадь, только бы выйти.

И вот они наконец вывалились из темноты, жмурясь, растирая по лицам слезы и сопли, но тем не менее поддерживая друг друга. Такой эйфории просто от света солнца Борис никогда не ощущал, ну может быть в детстве, когда после долгого дождя его выпустили гулять. Отдышавшись и утерев слезы, выступившие от света, они смогли толком рассмотреть окружающую обстановку. Она была примерно такая же, как и на противоположной стороне, площадка поменьше чем там, обрыв гораздо круче, такие же каменные башни и мост. Отличие было только в том, что от башни справа прямо по горе проходил настил из деревянных бревен на деревянных сваях встроенных прямо в камень, таким образом что на уровне второго этажа получался широкий деревянный тротуар. На этом деревянном тротуаре располагались воины, вооруженные луками. Позы казались расслабленными, но Борис не обольщался, стрелы были наложены на тетивы. К краю настила подошел один воин, судя по отсутствию лука в руках и более богатым, но уже довольно износившимся, доспехам какой-то командир.

– эти все на месте, Кор сигнал чтоб запускали следующих – сказал он своему бойцу, тот шустро замахал белым флажком, привязанным на двухметровый шест.

– Осмотрелись? Отдышались? Хорошо не будем терять время, меня зовут капитан Прок. Я и мои солдаты должны переправить вас за стену. До нее два дневных перехода, вообще то один, но учитывая ваше состояние думаю уложимся в два. Первый переход – это спуск с горы, он длится до вечера. Вечером вас накормят. Тем, кто не доживет до вечера, дальше выжить

будет невозможно, поэтому если кто из вас отстает, получает стрелу и добавляет хлопот товарищам по скидыванию тела в пропасть. Я и мои бойцы не испытываем к вам никакого презрения или злости, вся эта лабуда с изменниками короне осталась там за хребтом. Но если кто из вас задумает глупость и попытается хотя бы обозначить нападение или неисполнение приказов, тут же умрет. Все понятно? Тогда вперед по дороге, чем раньше дойдете, тем больше времени на отдых.

Тон, которым все было сказано, был будничным и скучным, человек просто делает свою работу. Борис сразу и безоговорочно поверил в то, что их пристрелят, на дороге была уже подсохшая лужа крови, от которой шел след к краю пропасти, будто кого-то тащили и скинули туда. По-видимому, это тот самый капитан, о котором говорил доктор. На Бориса он произвел, как не дико звучит это в такой ситуации, неплохое впечатление, не позер и не садист, циничный и прагматичный служака.

Пока мысли крутились в голове, ноги шагали по горной дороге. Вся их компания тащилась, поднимая пыль вниз, слева обрыв, справа стена с тротуаром из бревен, по которому их сопровождали три бойца. В утреннем свете открывались потрясающе красивые горные виды, в другое время вызвавшие бы желание остановиться и любоваться своим величием и спокойствием, воздух был ощутимо прохладен и несмотря на движение пробирал. Согреться в тех лохмотьях, что были на них, было невозможно, оставалось только двигаться вперед. В небе пролетела большая птица похожая на грифа, потом еще одна и еще.

– чуют поживу, отродье бездны – угрюмо сказал Хавлик – кутаясь в свои обноски и дрожа всем телом – чувствую все тут поляжем, не от стрелы так от холода или жажды, какой позор.

– а чего нам так мало дали охранников – спросил Витек – может чего придумаем.

Хавлик, его партнер по разговорам, посмотрел на него как на идиота, покачал головой и сказал

– я все забываю, что вы не из нашего мира, да и в своем, судя по всему, по горам не ходили. Да эти трое лучников перещелкают нас как гусей, еще и выпить при этом успеют, а по горам есть тропы, если их не знаешь, то все считай умер.

Вскоре все разговоры утихли, мир сжался до пыльной тропы под ногами, все силы были брошены на то, чтобы ворочать непослушными ногами и не упасть, оступившись на камне. Ведь подняться сил уже не будет. Борис ощутил, что щурится от сильной боли в глазах, как горит жаром, несмотря на прохладу его лицо. Рот как будто был полон песка. Он понял, что еще немного и просто упадет от обезвоживания. Видимо все остальные чувствовали себя не лучше, Витек с провалившимися глазами, блестящими лихорадочным блеском, и Николай с заострившимися, как у покойника чертами лица брели рядом. Из их кучки вперед вышел Десс и прокаркал сопровождавшему конвою

– бойцы если вы решили убить нас, можно мы никуда не пойдём, просто застрелите нас и все, если люди не напьются, то до вечера не дотянем.

– если хочешь, конечно, я тебя застрелю, но через пару километров будет вам вода и привал, разве не слышишь шум водопада?

Все тут же подняли головы и начали вслушиваться. Действительно отчетливо слышался шум массы воды, которая разбивалась о камень. Тропа впереди делала поворот и из-за него шел звук. Их остановку прервал все тот же воин

– все топайте давайте, а то правда окочуритесь тут.

Добредя до поворота взорам измученных людей, открылось величественное зрелище. С небольшого скального карниза, под которым проходил все тот же деревянный тротуар с грохотом падала масса воды. В воздухе висела водяная взвесь. Только они изо всех оставшихся сил припустили к воде как сверху раздался приказ

– Стоять. Слушайте внимательно, к краю тропы не подходите, пейте осторожно, а то смоешь на хрен, дальше ничего не слышно, поэтому конец привала обозначу звоном била. Кто не услышит получит стрелу. Все бегите.

И они действительно побежали. Как могли, на пределе своих сил, доковылять, доползти до воды. Первым подбежав к ревущей струе один из солдат попытался подставить руки, но в этот момент нога поехала на скользких камнях, он качнулся в сторону водопада, и масса воды мгновенно утащила его вниз, только обрывок крика и все, нет человека. Эта смерть ошеломила и убавила суеты. Все осторожно зачерпывали по глотку обжигающей холодом воды и пили, пока она не убежала сквозь пальцы. Борис вместе со всеми подставлял ладони и хлебал из пригоршней воду. Никаких мыслей, никаких чувств. Напившись так, что казалось сейчас лопнет он упал на дорогу, прижавшись спиной к камню. Рядом сидел Николай, из растрескавшихся губ по отросшей бороде скатывались капли крови смешиваясь с каплями воды, пятная дерюгу, намокшую и прилипшую к выпирающим ключицам. Он улыбался. Очередной раз пришла мысль как мало надо человеку для радости – жив, есть вода и уже счастье. Бориса почему-то неудержимо клонило в сон. Он заметил, что после манипуляций доктора с их органами, сон приходит, как только можно поспать и сопротивляться ему невозможно. Видимо мозг давал команду переходить в спящий режим, как компьютеру, для сохранения тех крох энергии, которые им доставались. Казалось, вот только закрыл глаза и уже тут же кто-то трясет его за плечо. Это был Десс

– вставай пора выдвигаться – сказал он и видя, что Борис открыл глаза пошел к Николаю. И тут же Борис услышал сверху удары металла о металл. Видимо, это и был тот сигнал на окончание привала.

Как не странно самочувствие у Бориса было нормальным. Вокруг все кричали, ругались сквозь зубы, но достаточно быстро поднимались и шли дальше. Выйдя из водопада Десс, доложил конвою

– у нас все, один погиб в водопаде.

– я все видел, сейчас еще четыре часа идти и привал – утирая усы сказал конвоир.

Скорее всего у них так же был привал, только вот они еще и поели, с какой-то злостью подумал Борис. При мыслях о еде желудок свело болью. Борис почувствовал, что ему надо сходить в туалет по большому. Стеснения от невозможности уединиться при таком деле он давно уже не чувствовал, но вот ждать его тут никто не собирался, а получить стрелу и умереть на собственном говне как-то не хотелось.

– Боец, что, если оправиться надо, ждете или как – спросил он конвойного, который общался с ними.

– еще чего, ждать всяких засранцев, беги вперед и сри сколько хочешь пока не нагоним, будет он тут мне задерживать всех.

– на сколько вперед.

– в пределах видимости, хватит задавать тупые вопросы, так чтоб мы тебя видели.

Борис, раздосадованный тем, что не сообразил сделать этого раньше, решил, что терпеть нечего и припустил вперед надеясь, что управится вовремя.

И два шутника, которые недавно еще чуть не умирали от жажды и усталости тут же отреагировали.

– представляешь, проехать через всю страну и быть подстреленным в своем дерьме – сказал Витек.

– да и лопухов тут точно нет чтоб подтираться, как собака будешь задницей об дорогу, а тут камни, порезался и истек кровью. Так на могиле и напишут – этот героический воин умер от раны в жопе – рядом зубоскалил Хавлик.

Как ни странно, эти дурацкие шутки немного приободрили всех. На изрезанных пылью лицах проступили слабые улыбки.

Как только Борис присел, делая свои дела, в небе над ним появился здоровенный гриф, по-видимому, эта дорога была для падальщиков вроде супермаркета.

Бориса появление птицы и боль прилипшего к спине живота натолкнули на мысль, которую он и озвучил, как только присоединился к остальным.

– а что, если мы поймаем и сожрем грифа, он как вообще съедобный?

От этого вопроса на миг воцарилась тишина, только шорох сандалий по камням нарушал ее. Первым пришел в себя Десс, видимо командирские навыки намертво въелись в его натуру.

– вообще то никто их не готовит в кулинарии, все-таки падальщики они, но вот лисицы их едят и не травятся, сам видел. А кусок мяса для нас – это жизнь сейчас. Как только их поймать.

– да кто ни будь забегает вперед и притворяется трупом, а там или он сам поймает или мы камнями попытаемся подбить.

– подожди ка сейчас попробуем уладить это дело – Десс пошел перетирать это с конвоирами, а Витек задумчиво сказал – да творчество обычно так и включается, когда брюхо слипается, отличная идея Борька, силы нам понадобятся.

Конвоиров такая тема ошеломила, еще никто не обращался с такими оригинальными просьбами к ним. Впрочем, никаких правил она не нарушала, а вот скука от службы была, так что хоть какое-то развлечение. Вот только камнями пользоваться они разрешили не всем, а всего лишь двоим, опасались, что какой-то самоубийца, или толпа самоубийц, причинит им вред.

Приманивать грифа, изображая покойника должен был незнакомый боец, а вот камни кидать должны были Десс и Витек, как самые сильные и быстрые из их отряда.

Боец потрусил вперед и улегся на спину, раскидав руки в стороны. Тут же к нему направилось сразу две птицы, поменьше размером сразу спикировала на него. Видимо это был молодец, который торопился урвать куски, пока его не отогнал кто постарше. А вот за ней летел огромный гриф, который не спешил. Как только молодой совершив круг и убедившись, что человек не двигается опустил на грудь боец сразу схватил его одной рукой за лапу, а другой рукой за крыло. Но птица не собиралась сдаваться так просто, замолотив вторым крылом и лапой она попыталась вывернуться из рук человека, птица ударила своим мощным клювом по руке. Боец заорал от боли, но птицу не выпустил. К нему уже подбегал Десс, а Витек попытался сбить камнем второго стервятника. У Витька, конечно, ничего не получилось, старая птица была более опытной и увернулась от его камня. Десс, тем временем прижав рукой птицу к земле, ловко размозжил ей голову зажатой во второй руке камнем. И тут же раздался короткий свист и на тропу упала птица, которая сумела увернуться от камня, но вот от стрелы конвоира улететь ей было не суждено.

Все замерли не понимая, что произошло, только умирающий гриф скреб по земле одним крылом.

– это нам что ли – обратился к конвоиру Витек.

– ну не мне же конечно – сказал весело конвоир.

– спасибо солдат – пробормотал Десс, он был откровенно растерян.

– не благодарите, во-первых, идея вашего друга, и он показал на Бориса принесет нам кое-что, что окупит сотню стрел. Теперь не будем продукты переводить на вас, они тут дорогие, птиц набьем на прокорм. Тьма, вот как же никто до вас то не додумался, все вы их кормили, а вот теперь они вас – ха-ха-ха – засмеялся он своей шутке и тут же посерьезнев добавил, во вторых, ваш друг похоже заплатит за эту еду жизнью, и он показал на того бойца, который первым ловил птицу – теперь все берите свою еду и шагом, а то отклоняемся по времени, на ходу разделяйте.

– не понял почему заплатит жизнью – спросил Борис у Николая, шагавшего рядом.

– да ты посмотри, как его гриф разделал – показал Николай рукой на кровоточащие глубокие царапины на руках и груди у солдата, к тому же на щеке была пусть и не глубокая, но

рана – а антисептиков и антибиотиков тут нет, хотя вот кое-что все-таки можно предложить. С этим замечанием он подошел к Дессу и что-то начал ему говорить, до приблизившегося к ним Бориса долетел только ответ того

– ну после затеи с грифом я готов поверить, но как-то все равно, хотя тут все равно не достанешь очищающего отвара – пробормотал он – ладно хуже уже не будет, ей Болк надо обеззаразить твои раны, а Никлай говорит, что это можно сделать с помощью Тут он замялся – мочи.

– чего, мочи – переспросил боец – Десс ты мой командир, но ссать на себя я не позволю.

– да причем тут ссать то – раны обеззаразить начал объяснять Десс подчиненному

– очищают их специальным отваром.

– да ты его тут видишь, вот ванна тебя с отваром ждет за поворотом – начал кипятиться

Десс

Вероятно, их спор продолжался бы еще какое-то время, но в него влез неугомонный Хавлик

– знаешь Болк вот у нас на ферме, ну ты же знаешь я с фермы, мы обеззараживали скотину если она обдерется, где, козлиной мочой, ну выпаривали ее там до киселя и мазали, и ты знаешь проходило, а чем же ты хуже то, может и поможет.

– Болк, короче если есть хоть тень шанса спасти тебе жизнь, то надо пробовать – поставил точку Десс.

В конце концов боец согласился только поставил условие, на лицо ссать не позволю, точка. Конвоиры, увидав картину обеззараживания ран, замерли на миг утратив бдительность и даже подошли к самому краю, желая убедиться своими глазами, что происходит. Молча понаблюдав за действием самый разговорчивый из них, сказал

– вы самая чокнутая и интересная компашка тут за последнее время, сначала Седой Сид, потом вы – даже интересно чего потом придумаете.

Между тем грифов уже разделали, но вот есть так и не решались, несмотря на дикий голод боялись.

– давайте сначала мы откусим, если ничего не случится, то все поедим – предложил Николай. Было видно, что бойцу жалко отдавать еду, но страх перед неизвестным заставил его отдать бурую тушку, оказавшейся довольно маленькой, Николаю. Тот промедлил секунду и впился в нее зубами, его передернуло, но все-таки пересилив себя он откусил и прожевал кусок.

– теперь подождем – проглотив сказал Николай.

Так они и шли дальше, поглядывая на Колю где-то еще минут сорок, а потом Хавлик не выдержав сказал

– пусть я сдохну, но сдохну сытым, давай сюда эту птицу. После этого все налетели на две скромные тушки и моментально ободрали ее до костей. По консистенции она была похожа на ластик, жесткий вонючий ластик. Борис вспомнил слова Николая об оружии, когда, обгладывая кость она раскрошилась и уколола его в десну. Осмотрев острый осколок, он подумал, что обломок вполне сгодится чтоб проткнуть кого-то. Не найдя куда положить его Борис, не мудрствуя проколол осколком ветхую дерюгу и оставил его висеть там. Авось не потеряется. Эти жалкие куски вонючего и жилистого мяса придали сил и подкрепили узников, и все же, когда солнце начало опускаться, неизбежная усталость начала давить на плечи, а ноги, отвыкшие за время сидения в клетках к нагрузкам, просто онемели, как будто ниже пояса деревяшки.

Вскоре народ, шедший впереди Бориса, начал останавливаться и как-то заволновался. Протолкнувшись вперед, он так же, как и остальные немного растерялся от зрелища.

Дальше дороги просто не было, тропа, как и тротуар на сваях, просто обрывались.

– если они захотели сбросить нас в пропасть, то на хрена было вести нас так далеко – выразил общее направление мыслей Хавлик.

– боец – обратился к конвоиру Десс – мы чего-то не ...

– да у всех такая реакция – оборвал его конвоир – давайте шевелитесь быстрее, если бы хотели убить, то не топали тут с вами бы целый день, да еще и завтра.

Выбора у узников все равно не было, поэтому все поплелись вперед. Как оказалось, действительно, по видимой прямой дальнейшей дороги нет. Дорога сворачивала направо почти под прямым углом, ее ширина, которая ранее и не была большой, сейчас и вовсе превратилась в тропу, по которой можно было идти только по одному, зажатую с двух сторон отвесными скалами. Сверху ее перекрывал, все тот же деревянный тротуар. Уклон тропы пошел вниз. Борис скоро запутался в изгибах тропы и вдруг внезапно вышел с зажатой с двух сторон линии на открытое пространство. Эта перемена ошеломила его, он застыл оглядываясь. Пространство было ровным плато, размером с два – три футбольных поля, со всех сторон окруженным отвесными скалами на высоту примерно трех, четырехэтажного дома. На плато былолюдно, на первый взгляд тут было тысяча с лишним народа, в основном лежавшего такими же кучками, которыми их запускали в тоннель. Народ лежал, сидел и куда-то перемещался, казалось без всякого порядка. Но это было только на первый взгляд. Вот он увидел, что метрах в ста по правую руку есть подобие балкона, около которого происходила людская суета, вот кучка, стоявшая около него в ожидании, двинулась к другой большой группе людей.

Присмотревшись, Борис понял, что весь лагерь негласно разделен на две группы людей, которые вели себя одинаково, но между собой не смешивались. И тут сверху раздался уже привычный за день голос конвоира

– вон идите направо к карнизу, там получите паек и устраивайтесь на ночлег. Дважды говорить про возможность поесть и отдохнуть не пришлось.

На балконе стояли все те же войны с луками, только незнакомые. И один мужик, который оглядел их группу шевеля толстыми губами, очевидно считая и крикнул куда-то за спину

– четырнадцать.

После этого он ненадолго скрылся из виду, а когда вновь появился в его руках была большая кожаная котомка, которую он ловко спустил на веревке.

– быстрее берите и валите отсюда, скоро еще подойдут – сказал мужик, как-то хитро дернув веревку, так что узел развязался, и он втянул ее назад.

Два незнакомых бойца быстро подобрали котомку, а Борис повернулся к Дессу и спросил – ну нам в какой лагерь командир.

– ха, то же заметил – усмехнулся тот – очевидно вон туда и махнул рукой на левый лагерь. Для Бориса это не было так очевидно, и он начал присматриваться. В правом лагере царил суета, постоянно перемещались люди, вот вспыхнула драка, к которой подключились еще несколько человек, в другой стороне лагеря происходила разборка, пока не перешедшая в рукоприкладство. Подойдя поближе, Борис отметил, что в этой части лагеря находились криминальные обитатели городских трущоб. В другой части, куда они направлялись, очевидно, находились военные, в таком же тряпье, на одинаковых подстилках, но в их расположении чувствовался порядок и вели они себя гораздо спокойнее. Присмотрев себе место, группа начала располагаться, развязав бечевку, которая стягивала котомку, бойцы начали доставать из нее свернутые в тугие скатки плотные кожаные подстилки их было по одной на каждого, семь караваев хлеба каменной твердости и одну бутыл, сделанную из плода похожего на тыкву. Развернув скатки и подстелив их под себя все попадали на землю и начали жадно жевать хлеб.

– Хавл ты со мной, Брот за старшего, нужно доложить о прибытии – сказал Десс, и они с Хавликом, прихватив бутыл, направились к центру лагеря военных. По-видимому, этот немолодой служака плюнул на их положение и решил, что они по-прежнему в походе.

Борис не заметил, как сжевал свою половинку хлеба, несмотря на то что тот противно отдавал не то водорослями, не то травами, и его по уже укоренившейся привычке неудержимо потянуло в сон. Рядом клевал носом Николай, а вот Витек уже дрых, наплевав на все. Проваливаясь в сон, он слышал, как оставленный за старшего Брот назначает дежурных, распреде-

ляя смены бодрствования. Разбудили его голоса Десса и Хавлика. Резко вскинувшись со своего ложа, Борис обнаружил что уже очень темно поднялся холодный ветер, светили факелы и небольшие костры наверху, где располагались конвоиры, в котловане, ставшем прибежищем тысячи узников, было темно как в могиле. Разговаривающих Борис опознал по силуэтам. Сидеть в кромешной тьме и чувствовать присутствие рядом сотен людей было непривычно и довольно страшно.

– я не понимаю, я знал его с давних пор и всегда он был толковым и конкретным командиром, хотя в такие задницы попадали это кошмар, но то, что я увидел сейчас это странно, как будто душу вынули из него – слышался голос Десса.

– может отравили или ранен – неуверенно спросил Хавлик.

– да не похоже, ран нет, просто не реагирует ни на что, отвечает на прямые вопросы коротко и все, с Лессом даже не разговаривает.

– может внутренне сломался, вспомни свое состояние – неожиданно для себя вступил в разговор Борис.

– ааа, Брис не спишь – задумчиво сказала тень, голосом Десса – да очень похоже, кстати спасибо тебе, твои слова мне здорово помогли, я ведь правда решил, что ничего не поменялось и все. А вот с Сидом рядом не оказалось того, кто мог помочь ему словом. У нас в храме врачей есть такие, которые говорят лечат словом, я всегда думал, что они нужны в основном женам сенаторов и придворным. Кстати, мы не остались в долгу. Когда возвращались уже в темноте, тут крутились какие-то мутные личности, похоже из отребья, мы их шугнули, одному вон Хавл даже в морду дал. Думаю, это по твою душу приходили.

– да, сказала другая тень голосом Хавлика, вы то с края легли, вот к вам и пробирались, но ты не волнуйся, мы немного перегруппировались, вы теперь в центре, так что отдыхай дальше.

– спасибо – сказал Борис. Действительно он увидел вокруг их расположились кругом тени, а устраивались они и правда в стороне. Даже осторожного Николая накрыл сон. Да уж после таких слов отдыхать было невозможно. Темнота вокруг была и так наполнена звуками и шевелениями, а после таких известий показалась Борису полной угрозы.

– на напейся – сказал Хавлик и ткнул в руку Борису бутылку – первый раз в жизни вижу, чтоб так спали не дети.

– да я раньше спал очень чутко – ответил Борис, нащупывая горлышко бутылки.

– что же, у всех жизнь разделилась на до и после – философски сказал Хавлик, только вот будет ли после, это вопрос, чем дальше, тем более неочевидный. Ладно, давай отдыхай, капитан сказал, что завтра нас ждет переход длиннее сегодняшнего.

Борис думал, что после рассказов о ночных визитерах он не заснет, но оказалось, что отключился точно так же, как и все предыдущие разы. Растолкал его Витек.

– ну ты и дрыхнуть Боря, наверное, так и на курорте не спал – тон друга был неоправданно жизнерадостным, и Борис почувствовал раздражение и злость, он вообще не любил чтоб его будили, но тут все свои привычки надо было затолкать поглубже. От их команды и взаимопомощи зависела жизнь.

– а ты знаешь, что на нас ночью собирались напасть и если бы не возвращавшиеся Десс с Хавликом, то скорее всего мы бы уже остыли – сказал он с мелочным злорадством наблюдая как у Витька вытягивается лицо.

– блин, даже я отключился конкретно – пробормотал, так же, как и они просыпающийся, Николай – хотел вроде дежурить, но как будто вырубили. Не знаю может это последствия экспериментов доктора, но я чувствую себя неплохо.

Борис прислушался к своим ощущениям и действительно отметил, что организм готов к движению, даже, как ни парадоксально звучало это в настоящих условиях, бодрость какая-то была. Этого нельзя было сказать об остальных членах их маленькой группы. Воины выглядели

далеко не так свежо, как их троица, кто-то растирал онемевшие конечности, кто-то тер глаза и хмуро складывал свою скрутку, у которой оказалась пришита к краю бечевка, за которую ее можно было вешать на плечо как сумку.

– все, отребье уже начали запускать на выход – сказал Десс. Все повернули головы в сторону, куда он смотрел и увидели, как лагерь уголовников приходит в движение и маленькими ручейками втискивается в проход между скалами на противоположной, откуда их привели, стороне. Так же Борис отметил, что количество конвоиров на скальных балконах выросло, видимо, весь отряд их был в сборе, не растягиваясь по тройкам. Вскоре очередь пришла и им уходить по очередной горной тропе. Проходя мимо места, где был лагерь городских уголовников Борис увидел несколько неубранных трупов, крысы, запертые в клетке, делили свои места под солнцем.

Опять узкая тропа, опять нависающие с двух сторон каменные стены, опять впереди спина товарища по несчастью, а сзади шаги другого.

Через некоторое время Борис перестал перебрасываться словами со своими собратьями по несчастью и пришло то дорожное оупение, когда перестаешь воспринимать что-то кроме клочка пространства впереди. Он не заметил, как тропа расширилась, позволяя им идти кучкой, а не по одному.

Каменный мешок закончился внезапно, только что они шли сдавленные отвесными стенами, ощущая камень всеми чувствами, и вдруг, он закончился. Резкий переход и открывшаяся картина заставили замереть всех на месте.

Впереди простирался пологий спуск, перераставший в степь, покрытую сейчас желтым покровом выгоревшей на солнце травы. Степь простиралась на сколько хватало глаз, она была изрезана морщинами оврагов и пятнами редких перелесков. По обе стороны от выходящей на спуск дороги поднимались отвесные стены горы, которая переходила в другую, а другая в третью, и так далее, образуя непроходимый горный хребет, блестящий на солнце заснеженными пиками вершин. А еще впереди виднелась стена, она протянулась доколе хватало взгляда, брошенного в обе стороны. Отсюда она не казалась чем-то колоссальным, но Борис понимал всю обманчивость восприятия с расстояния и, в очередной раз, удивился масштабам строительства, и это при средневековых технологиях. Кое где, на подступах к горам, виднелись темные пятна хвойных лесов. Мир буквально дышал первобытной, мрачной, мощью и жизнью, для которой жалкая кучка людей была совершенно не заметна. В очередной, тысячный уже, раз Борис убеждался насколько жалок человек в мире без той, хрупкой скорлупы цивилизации, со своим сомнением венца эволюции.

Каменная дорога превращалась в еле заметную тройную колею по жухлой осенней траве. Только эти три жалкие ниточки и напоминали о том, что тут периодически появляются люди. Философствовать и созерцать им, конечно, не позволили долго.

– живее давайте, хватит глазеть, сохраняйте дистанцию – привел их в реальность окрик сверху.

Вся философия разом завершилась.

Оглядевшись, они увидели, что их конвоиры спускаются один за другим по толстым канатам со своих скальных балконов и быстро занимают место в строю своего подразделения. Пока один спускался, другие страховали его внизу, на земле и на верху, внимательно наблюдая за толпой заключенных.

Голова их пешего каравана уже поползла по трем тропинкам, замеченным Борисом при выходе из горного прохода. Зеки по средней тропинке, конвоиры по крайним. Группа из десятка солдат оставалась на своем горном балконе.

– они пойдут замыкающими – спросил Витек у Хавлика.

– да, мы выходили почти последними, за нами только какие-то торговцы оставались, ну те, кто выжил, видимо, нас за самых послушных держат, раз в хвост поставили – и добавил уже тише – видели бы они нас в деле, уроды обделались бы.

– ну, зато мы не с теми ребятами, что как только встали на ночь, сразу своих же мочить принялись – оптимистично заявил Витек. Борис с ним был абсолютно согласен.

– на этот порядок мы можем рассчитывать до стены – угрюмо процедил Десс – точно не могу сказать, но смысл вести нас остается только через стену, а вот дальше, что будет одним богам известно.

– да старшина, умеешь ты поддержать дух боевой – не удержался от подколки Хавлик.

– дух боевой надо поддерживать, когда все понятно, вот мы, вот они и кто кого сейчас решим – спокойно ответил Десс – а тут стена и что дальше не понятно, ты вот чем в походе питался, во что одевался и обувался, что пил, а?

– сам знаешь бобы там и все такое, а к чему ты, сам знаешь ведь, привозили....

– привозили – передразнил его Десс – а кто откуда, где брали, а тут думаешь имперский походный склад будет, а нас почти тысяча, если не найдем пропитание, люди быстро станут нелюдями и начнут жрать друг друга.

После этих, совершенно справедливых, слов повисла тягостная тишина. Они уже спустились по склону с каменистого склона и шли по земле. Прошедшая колонна не только смяла всю траву, но и подняла клубы пыли, так что видимость ограничилась несколькими десятками метров. Борис шел и ни о чем не думал, просто переставлял ноги, как корова в стаде. Скорее всего мозг просто отключил восприятие и фантазии, сохраняя жизнь, но превращая носителя в стадное животное, которое идет за остальными, а что там будет лужок с травкой или скотобойня, понимает лишь в последний момент.

Так, за передвижением ног, наступил вечер, и стена выросла настолько что можно было рассмотреть ее в деталях. Собственно говоря, стеной это не было, это была небольшая крепость со множеством построек необходимых людям, которые тут живут постоянно. Борис заметил, что качество построек, которые были изначально запланированы гораздо выше, все то, что прилепилось и пристроилось к ним напоминало постройки городской нищеты, впрочем, несмотря на несуразность и отсутствие четкого планирования постройки были в основном из толстых бревен, что давало повод думать о холодах, дождях и снеге. Впрочем, то, что климат тут не тропический, было уже понятно, местное лето уже перевалило за середину и чувствовалось неуловимое дыхание осени.

Людской поток несло к нескольким длинным баракам из все тех же бревен, прилепившимся почти вплотную к стене.

– они нас что как скотину в загон поставят – попытался возмутиться Витек.

– Витя помалкивай, видишь вояки напряжены сильно, не вопи, а то схлопочем стрелу – прошипел Николай.

Темп людского потока увеличивался, что на обессиленных и еле живых пленниках сказывалось таким образом, что, хрипя и цепляясь за таких же бедолаг, как и сам, Борис не то, что разглядеть ничего не мог, он понимал упадешь и не встанешь, затопчут свои же и останешься лежать изломанной куклой в этой пыли.

Впрочем, без происшествий не обошлось. Вот в паре десятков метров один бедолага, не выдержав этого бега оттолкнув собрата по несчастью рванул к оцеплению. За ним еще два человека. Ближайший конвоир, мгновенно вскинув лук, выпустил стрелу, пробившую голову самого резвого, вторую стрелу он выпустил буквально с четырех метров во второго. Оба беглеца рухнули как подрубленные деревья. Третий, заорав и растопырив руки бросился на солдата. Тот отточенными движениями сначала выхватил меч и плавно сместившись влево, полоснул по горлу пленному. Забулькав кровью, заключенный пробежал еще два шага и схватившись за горло упал в пыль, отчаянно хрипя и суча ногами.

- слушайте команды сукины дети – громовой голос вывел из ступора бегущих людей
- Вы туда, Вы туда, живее ублюдки!!!!
- Вы туда

Впереди стояла группа воинов на возвышении, один воин, орудуя древком копья и криками задавал направление в какой из барakov заходить очередной партии пленников, несколько человек помогали ему, так же нещадно колотя бегущих и подгоняя в указанном направлении, остальные застыли с луками наготове, страхуя своих товарищей.

Очнулись все только в сумраке длинного барака. Этот мрачный барак был наполнен хрипением стонами, страхом и вонью нескольких десятков обреченных человек.

Едва забрезжили первые лучи местного солнца пленников выгнали из барака и быстрым маршем погнали по неширокой улице, похожей на каменный мешок, по которому они шли в горах, с той лишь разницей, что эти глухие стены по обоим сторонам улицы были полностью рукотворны. Все было построено таким образом, чтобы сократить на минимум риски от нападения разъяренной толпы.

На высоте четырех метров стены завершались зубцами, за которыми мелькали все те же солдаты конвоя. Улица оканчивалась воротами, сейчас распахнутыми настежь, в них то и утекала людская река. Выбежав за ворота, пленники оказались на понтонном мосту через реку, воды которой плескались прямо в камни древней стены. Пробегая по мосту, Борис не смотрел по сторонам, гораздо важнее было смотреть под ноги и не упасть. Он прекрасно помнил нескольких бедолаг, которые сломали себе ноги на забеге до барakov. Крики бедолаг быстро оборвали хлопки тетивы луков. Да и упасть в реку и быть смытым течением так же не хотелось, верная смерть. Так они и бежали как стадо, на одном инстинкте – выжить. Оказавшись на берегу, отплываваясь от бега и от пыли они влились в огромный людской лагерь одними из последних.

- смотрите мост убирают – раздался голос Хавлика.

Все повернулись и увидели, как два солдата открепив канаты от каменных столбов, врытых в землю на берегу, запрыгивают на начавший уплывать по течению мост.

- все, теперь назад дороги нет – сказал все тот же Хавлик.

Путь в Легион. Дикие места.

Вся компания заворуженно провожала уплывающий к стене мост. До каждого начало доходить, что отныне они отрезаны для всего остального мира, от привычного образа жизни, от тех людей и мест, которые им были дороги. Просто перестали существовать. Впереди совершенно непонятно что. Их даже никто теперь никуда не гонит, только потому что они никому не нужны. Как всегда это осознание больше всего пришлось пережить воякам, то есть тем, кто жил по понятным правилам долгие годы.

Борис посмотрел на Десса, которого уже привычно воспринимал как командира, и увидел немолодого усталого мужика, у которого весь мир уплывал вместе с этим несчастным мостом. Сгорбленный, с всклокоченными волосами и бородой, щедро присыпанными пылью с пустыми глазами, в которых застыло выражение непонимания и боли. Похоже, что у него начинался очередной виток надлома.

Борис заглянул в глаза старого вояки и сказал – Десс, командир, война никогда не кончается, если сейчас перестанем двигаться точно сдохнем тут. Фраза не произвела никакого эффекта.

- сдохнем тут – только и смог повторить Десс – сдохнем тут.

– да ты что, мать твою, как новобранец расклеился, просто представь, что мы все в разведке по тылам идем – охрипшим голосом проорал Борис и рванул Десса за ворот его дерюги.

– в разведке по тылам..., в разведке – пробормотал Десс, будто пробуя на слух эти слова, кажущиеся для него заклинанием.

Борис увидел, как возвращается прежний Десс, умудренный опытом жесткий командир, а не развалина.

– внимание всем, выходим по берегу за облако пыли, набираем воды, находим обзорную высоту и занимаем ее – уверенно проговорил Десс – ты за поведение стоишь в карауле первым и чинишь мою форму, еще раз позволишь себе орать на командира, вылетишь из отряда, обращаясь уже к Борису – все понял боец?

– так точно, все понял – сказал с облегчением Борис и увидел, как все члены их маленького отряда прячут облегченные и даже радостные улыбки. Все тут же задвигались, спокойно, без суеты огляделись и начали двигаться вверх по течению. Пожелтевшая трава под ногами, приглаженная ветрами и дождями, не сильно мешала движению. Пейзаж впереди никак не отличался от того, который окружал их, справа река и стена, слева пыль столбом и заболоченный берег реки впереди.

Борис был рад, несмотря на кажущееся наказание, что ситуация выправилась насколько это вообще сейчас возможно. Изможденные, голодные, в лохмотьях и пыли все же они остались отрядом, боевым отрядом, а не стадом животных. Хавлик с одним бойцом выдвинулись вперед, затем шла основная группа из восьми бойцов, в их числе были и трое выживших землян, и замыкали группу еще двое бойцов.

– Командир, отличный подход к реке – донеслось, примерно через час пути, от впереди идущего бойца.

– хорошо, сворачиваем – скомандовал Десс.

– за нами идет группа – доложил подошедший боец тылового охранения – похоже, это те купцы, которых переправили за нами, последними.

– принято, наблюдаем спокойно, как свернем стойте на берегу, если начнут движение к нам, дашь знать.

Получив четкий приказ, боец поспешил на свое место, а основная группа увидела в зарослях, какой то, местной осоки и камыша прореху, на которую он указывал. При речные заросли расходились, образуя проход к самой воде. Только сейчас Борис обратил внимание, что цвет воды в реке темный, такой же как у прибрежного мелкого песка. Судя по следам крупных копыт, пользовались этим подходом скорее не люди, а какие то, представители крупной степной фауны.

– ну что Ваг, получится нам тут прокормится или нет – за несколько шутливым тоном командира было скрыто напряжение, и действительно вопрос этот выходил на первый план выживания, водой они были обеспечены, и прямых угроз жизни пока не было. Витор куда ты прешь, не видишь следы Ваг читает!

Это адресовалось уже Витьку, который спешил видимо искупаться и смыть пыль. Витек, и это было крайне на него не похоже, тут же сделал два шага назад, позволяя следопыту отряда делать свою работу.

Ваг, во внешности которого было что-то от степняка, придирчиво и неторопливо изучил следы на песке, некоторые даже измерил, покачивая при этом удивленно головой. Затем подошел к воде и начал разглядывать видимые только ему знаки. Его никто не торопил, все ждали его вердикта, хотя всем безумно хотелось напиться и смыть с себя вонь барака. Первым, не выдержал все тот же Витек.

– ну чего Ваг, можно уже попить то.

Ваг мгновение назад зачерпнувший горсть воды и задумчиво катавший ее по небу, словно ценитель хорошего коньяка усмехнулся и сказал – терпение остался последний тест. После этого он выудил из своей хламиды обломок кости и проколов кожу на тыльной стороне ладони уронил пару капель крови в воду, после чего вышел из воды и опять замер, вглядываясь в темные воды реки.

– чего у вас обряд такой что ли – спросил Витек у Хавлика.

– да какой обряд, просто проверяет есть ли хищные рыбы в реке или нет, вот помню пошли как то, в теплые края умирять один лесной народец, а все с равнин, там у нас этой гадости нет. Так вот все на радостях к реке побежали мыться там и все такое, и что ты думаешь из двухсот человек рыбы, за один раз сожрали восемь человек. Вроде не большая цифра, но ты хочешь так попасть? Нет? Вот и потерпи.

– блин, чего-то я не подумал – сказал Витек – так тогда, если тут водопой, то и волки какие-нибудь или там львы могут напасть.

– кто такие львы – заинтересованно спросил Ваг, не отрываясь от созерцания.

– да такие большие кошки, живут в стаях и нападают на водопоях.

– ааа, это хроооки, нет их тут нет, они гораздо южнее обитают, а волки нападают, когда стадо с водопоя возвращается, кстати можно заходить в воду.

Сначала все, не спеша, наполнили сосуды с водой, а уже потом спокойно начали мыться. Первыми залезли Десс с Хавликом и еще пара бойцов, при этом командир жестко сказал, обращаясь к землянам – а вы на охране пока.

Ландшафт был равнинный, хорошо просматриваемый и вскоре Борис увидел, как появились бойцы их тыла, а за ними показалась еще одна группа людей, она шла без всякого дозора, одной кучей. Видимо это и были купцы, про которых говорил разведчик.

Десс, как опытный командир, рассчитал время таким образом, что, когда группа, шедшая за ними, приблизилась, на берегу их встречало большинство опытных и боеспособных, на сколько вообще это возможно, членов их маленького отряда.

Вперед вышел пожилой, но еще достаточно крепкий мужчина, сквозь грязь и пыль переходов и барачных дворов, в облике его проступал прежний достаток, ухоженные руки, не знавшие грубой работы, прямая осанка и честный, честный вид, такой, который бывает только у самых прожженных торговцев. Одежда, некогда бывшая довольно дорогой, сейчас пребывала в пыли и грязи. Глаза, цепкие и профессионально отмечающие малейшие оттенки эмоций собеседника, мимолетно оглядев всех, безошибочно определили главного, и «торговец» как окрестил его для себя Борис, прокашлявшись начал вести переговоры.

– приветствуем Вас войны, меня зовут Ииса, со мной моя семья, по крайней мере то, что от нее оставили...

– короче, торговец – невежливо перебил его Десс – почему идете за нами и чего от нас надо.

Справа от торговца стоял щуплый молодой человек, в еще более когда то, нарядных одеждах, оба были очень похожи друг на друга, но возраст заставлял думать, что это отец и сын. Он тут же возмутился – ты что себе позволяешь солдафон, перед тобой один из богатейших... И тут же был остановлен самим Иисой

– заткнись сынок, ты совсем мозги просидел в своих заседаниях, и уже повернувшись к Дессу

– за вами идем, потому что выжить в той свалке отбросов на берегу у нас нет шанса, от вас ничего не надо, просто думаю, что войны выживут лучше, чем уголовники, с Вами я немного знаком, да и идти куда-то надо, ну назад нас точно не ждет никто.

Борис очередной раз поразился, какие удивительные эффекты может производить виртуозное умение общаться. Напряжение, готовое бросить в драку после реплики сына, улетучилось, и командир поинтересовался

– откуда ты нас знаешь?

– не всех вас, но вот тебя и его, он указал на Хавлика, я запомнил, когда мы ездили за откупом на юг, после речной войны.

После этих слов на лице Десса отразилась целая гамма эмоций, завершившаяся удивлением и недоверием.

– да ладно, первый купец империи, доверенное лицо самого императора, кристалл чести и надежности, тот самый Ииса.

– да, да, да, так называли меня люди, которые хотят займы, но непонятно, когда отдадут – торговец усмехнулся – сейчас просто старик в пыльных обносках – так вы не против, что мы пойдем с вами?

– да нет, не против, но как ты и в таком положении? Борис очередной раз отметив мастерство торговца, замаскировавшего главный вопрос между юмором, внутренне расслабился, драки прямо сейчас вроде бы не будет.

– быть близко к императору, вот и ответ, мое имущество видимо стало слишком заметным и привлекательным для кого то, из многочисленной императорской семьи. Уж если ссылают прославленных генералов и отличных воинов, что тут ждать.

– понятно, на лицо Десса вернулась хмурая озабоченность – кто еще с тобой кроме глупого сына? И уже обращаясь к той части отряда, которая не успела помыться – можете залезать в реку. Глупый сын, как его метко окрестил командир, от этих слов пошел пятнами и уже раскрыл было рот, но умолк под взглядом отца.

– глупый или умный это не приговор, все зависит от ситуации, вот строил карьеру чиновника, поэтому и нахватался от них, где ты видел вежливого чиновника – ухмыляясь сказал Ииса – глупым обычно считали Клума, это, кстати, так же мой сын и показал на невысокого крепкого молодого человека. То, как он двигался, мощные руки и набитые костяшки кулаков, говорили о том, что к торговле этот парень имеет отдаленное отношение.

– вот скажите зачем тратить свое время на всякие глупости типа тренировок тела охоты и прочих убийственных занятий, когда ты сын торговца – продолжил Ииса – но вот сейчас я бы назвал себя глупым. Полезный или не полезный – это более подходящие определения. Но продолжим, это Клум, это Голиассий, это.... Дальше Борис уже не слышал так как залез в прохладную воду и начал с остервенением мыться, пытаясь смыть всю вонь страха барачников и пыль каменной кишки. Когда более, менее пришел в себя услышал рядом голос Витька

– ничего себе мужик – восемнадцать сыновей и шесть дочерей.

– да, ответил ему Николай, правда осталось в живых всего четыре сына, а с дочерьми непонятно что.

– боюсь, что все понятно – хмуро отозвался Борис – вспомнить этих извращенцев во дворце, хорошо если попадут невольницами к хорошему хозяину, все-таки воспитание и образование не на дороге валяется, вспомните судьбы дворянок после революции.

– не совсем понимаю, что такое дворянки и революция – раздался голос Иисы, они как раз с Клумом и остальными домочадцами купца, скинув одежды заходили в реку – но надеюсь, что Светлые услышат твои слова и не дадут им пропасть, по крайней мере избалованными и изнеженными они у меня не были, если мои оставшиеся в живых партнеры сдержат слово и выкупят дочерей, приемлемое положение в обществе мои девочки себе заработают. Клум без одежды выглядел впечатляюще, тугие мышцы без намека на жир, и полно шрамов. Борис увидел, как Хавлик, при взгляде на сына купца, уважительно цокнул языком.

– не считите за излишнее любопытство – продолжил купец, не забывая мыться – но я никак не разберусь какого Вы сословия, на военных вроде не похожи, зато напоминаете мне некоторых членов правящей семьи, но при всем безумии Солнцеподобного, это уже слишком.

Борис, видя, что Витек уже раскрывает рот для какого-то прикольного, по его мнению, поворота, спешно сказал – в определенном роде мы с Вами одного сословия, уважаемый Ииса, мы торговцы.

– торговцы – недоверчиво сказал Ииса – чьи, спросил он. Борис замешкался и тут уж Витек не растерялся.

– да этот ваш обкуранный урод, с помощью безумного ученого приволок нас в ваш мир, подставил под бунт как двойников, а как все закончилось сюда сослал сука, чтоб ему косяк своей жопой курить вечно, а что так выбиваемся из всех сословий.

Окончание фразы потонуло в смешках, видимо все живо представили картину.

– ну вот ты то как раз и не сильно выбиваешься – сквозь смешки проговорил купец – северные купцы, как раз почти все такие как ты и юмор у них такой же, специфический.

– какой специфический – уточнил Витек – он был о своем чувстве юмора очень высокого мнения.

– а вот такой что слова у них с делом не сильно расходятся, если бы имели такую возможность, то попытались бы реально заставить императора курнуть травы с юга через заднее отверстие. Тут уже все присутствующие злорадно заржали, даже сын купца, который пытался построить политическую карьеру. Очередной раз юмор оказался отличным лекарством и средством сплочения, даже в такой ситуации.

– да, само появление Безумца и его дела удивительны и необычны, хотя сам он, скорее ученый, а вот интриган Дарси, тот вполне мог так поступить.

После помывки и знакомства все, несмотря на, незавидное положение и туманные перспективы, кажется, почувствовали себя лучше. По крайней мере, они перестали быть в роли загнанного скота, которого пинками гонят на убой и выбор или остановиться и умереть тут же или бежать в заданном направлении. Сейчас их будущее было, по-прежнему, непонятным и, в общем то ничего хорошего ждать не приходилось, но они были свободны в выборе своих действий. Чего не было, так это дороги назад, в мир, где все они, когда то, кем-то были, выполняли свои роли и в чем-то были заложниками этих ролей. Глядя на колышущееся море желтеющей травы, обтекающее редкие перелески и краснеющий диск светила, заменяющее в этом мире солнце, Борис вдруг поймал себя на мысли что чувствует давно уже потерянное чувство той щемящей и немного пугающей свободы, когда ты можешь выбирать куда идти, с кем, что делать, кем быть. Накатило, в первый раз с момента их появления в этом мире, беспокойство за семью, за детей. Усилив воли, оборвав эти мысли, он сосредоточился на одной простой, но самой сложной, что делать дальше. Он чувствовал, что, если будет останавливаться в мыслях о прошлом, то плотину мыслей просто прорвет и мозг не сможет осмыслить то, что с ними случилось, ведь вся привычная картина мира рухнула как картонный домик. Борис встряхнулся и подошел к группе Десса, Хавлика и купца, которые стояли и как раз обсуждали эту, очевидную и такую трудную мысль, что дальше. Как раз Десс подводил некий итог, до чего они договорились ранее.

– да, согласен нужно выдвигаться вперед вот на тот гребень – и командир их маленького отряда указал рукой на самую высокую точку, видимую с их позиции – по крайней мере это не так далеко, если с этой точки ничего в местности не изменится, тогда вернемся и пойдем вверх по реке.

– почему не вниз командир – спросил Хавлик – люди вроде бы по рекам вниз селятся больше.

– потому что леса вверх по реке больше – ответил за Десса, подошедший незаметно Ваг – или ты хочешь к тем людям с голыми руками выйти, надо хоть копыа какие сделать.

Хавлик умолк, смущенно морщась от мысли, что не додумался до такого очевидного вывода. Борис обратил внимание на то, что почти весь их отряд включая и купцов стоит рядом и прислушивается к их разговору, кроме сына купца Клума. Тот очень внимательно изучал остатки следов животных, те, которые не затоптали люди и даже залез в тростник и чего-то, там внимательно изучал. Борис начал наблюдать за ним, и когда Клум вылез из тростника, вид у него был очень хмурый.

– выдвигаемся – сказал Десс – Ваг и Хавлик впереди, Ииса со своими замыкающие, Ииса ты слышал.

Ииса был занят тем, что внимательно слушал Клума и лицо его так же становилось все пасмурнее, поэтому он и пропустил первое указание командира и на его окрик сказал – Десс, командир, думаю что тебе нужно послушать что скажет мой сын, уж в зверях и их повадках он точно понимает, Клум скажи командиру что ты говорил мне.

– скоро наступит темнота, следы косуль и хиков крупнее чем на юге, там охотничья лежка волков, подшерсток щенячий, но размер волоса как у взрослого волка – невозмутимо начал говорить Клум, показывая кусок какой-то шерсти – сейчас как раз стая учит щенков охоте, если застанут нас в степи, съедят всех, надо остаться тут и переждать эту ночь. После его слов повисло тягостное молчание и даже Десс, набравший в грудь воздух, чтоб рявкнуть на новобранцев, как не раз он это делал, с шумом выдохнул и спросил

– Ваг, что скажешь?

Ваг, который уже рассматривал клок волос и чуть ли не пробовал его на вкус, задумчиво ответил – да похоже парень прав, это действительно волк, щенок, но очень крупный, если это щенок, то матерый волк гигант и уже обращаясь к Дессу виновато заметил – прости командир лежку не увидел, устал, наверное.

– так, понятно, остаемся до утра тогда – и уже конкретно Вагу – да все ясно, все еле на ногах стоят.

– это еще не все – раздался опять невозмутимый голос младшего сына купца – они все равно на нас нападут, нужно готовиться.

– хорошо – сказал Десс – вижу, ты разбираешься в этом – говори, что делать, все же, у нас в основном служаки, а не охотники.

Борис поставил про себя еще один плюсики Дессу, как командиру, умение грамотно использовать таланты и отдавать инициативу, оставаясь при этом лидером, говорило о большом опыте управления, а это всегда вселяет надежду в находящихся рядом людей.

– основное наше преимущество это река – продолжил Клум – если пересидим в реке, то к утру большинство зверей утолят голод и не будут столь опасны. Еще нам нужно сделать каждому по снопу из тростника и оружие.

– чего-то я не понял – сказал Хавлик – что за праздник урожая, какие снопы.

– волк, если это тот волк, которого я знаю – нападает резко, рывком режет жилы или крупные вены и отскакивает, ждет, пока добыча ослабеет, потом уже вгрызается.

Все время пока Клум объяснял, он скручивал ранее собранные верхушки тростника в толстый жгут.

– вот таких жгутов нужно штук десять, чтобы на один укус была надежда защититься – вообще, чем больше тростника мы соберем, тем больше шансов выжить, только когда будете собирать, нельзя сильно резаться, чтобы запахом крови не раздражать зверей.

– это точно – сказал Ваг – учуют кровь, сильнее будут нападать.

– вперед все собираем тростник и сваливаем в кучу на берегу – приказ Десса заставил всех очнуться от разговора и начать озираться, куда пойти за тростником.

Дальше потянулся изматывающий труд, тростник никак не хотел ломаться и или выдирался с комьями грязи на длинных корнях или мочалился на волокна в руках, но не желал срываться. Последовав примеру Хавлика, который пыхтел и проклинал крестьянский труд, все оторвали от своих рубищ полосы ткани и обмотали ими руки. Тростник носили к группе, которая сортировала его и связывала в жгуты. Клум, объяснив воякам, что нужно делать с тростником, занимался чем-то непонятным, сняв свое одеяние и оставшись в одной набедренной повязке он разорвал его на ленты, после чего скрутив их в жгуты, зашел в воду по грудь и что-то доставал оттуда. Дальше Борис просто не стал наблюдать за ним, все внимание и остатки сил занял проклятый тростник. Казалось, они работают совсем недолго, только тростник становится все тяжелее и труднее рвался.

– все, на хрен, пусть меня сожрут, но больше у меня сил нет – прохрипел Витек, падая рядом с охапкой тростника, которую он только что принес. Закинув свою охапку в общую кучу, он без сил опустился рядом с товарищем, с удивлением увидев, что день, который начался, казалось, совсем недавно, уже клонится к своему завершению. Пока подходил оставшийся народ и складывал свои немудреные трофеи, Клум, закончив что-то мастерить сидя на мокром песке, поднялся и продемонстрировал чем он был так занят. В руках он держал небольшой, туго набитый мешочек, с привязанным к нему жгутом из скрученных лент, на которые он видимо и потратил свое одеяние. Клум резко взмахнул, этим самодельным кистенем, недовольно скривился и пошел к Дессу и Вагу, которые так же, как и он сидели и мастерили такие же кистени.

– нет тебе еще нужно протянуть нитки по краям – обратился он к Дессу – иначе развалится до того, какпустишь его в ход.

– да нитки гнилье –проворчал Десс

– извини командир – сказал, ухмыляясь и затягивая свою нить Ваг – стальной нитки с восточного берега не доставили, и они с Дессом захихикали, даже невозмутимый Клум улыбнулся.

– я сделал три штуки – сказал Клум, протягивая два кистеня Дессу – раздай своим самым быстрым бойцам, а я пока доделаю твой.

Через некоторое время приготовления были закончены, снопов навязали почти на каждого, остатки тростника утрамбовали в отдельную кожаную подстилку, перевязав этот тюк все теми же тканевыми жгутами. Тем временем погода начала портиться, со стороны гор наплывали грозовые тучи, сгущая вечерний сумрак, поднялся ветер, который колыхал море степной травы и покрывал рябью реку, швыряя в лица людей мелкой взвесью воды. Природа, казалось, чувствует напряжение людей. Даже войны, которые прошли не одну битву, были напряжены, одно дело биться в строю, другое дело полуголыми встречать в качестве противника волков в степи, что говорить про купцов и тройку друзей. Светило дневное пустив, прощальный луч, закатилось за горизонт, и на мир опустилась темнота, разбавляемая желтоватым светом светила ночного и редких звезд, который заслоняли тучи, делая мрак непроницаемо чернильным. Вдруг, воздух прорезал далекий волчий вой, миг и степь ответила многоголосым воем. Он охлаждал кровь, в животе появлялась пустота и отнимались ноги, казалось, вой был повсюду. Не тоска звучала в нем, охота и жажда крови жертвы, которую рвут, пока она еще живет последние мгновения. Вой будил те древние страхи, которые скрыты за налетом цивилизации, дающей иллюзию защищенности, он заставлял кучку людей жаться друг к другу и буквально вынимал душу.

Борис не помнил, как он оказался на ногах, плечом к плечу с Витьком и Николаем. Остальной народ, так же, как и они распределился по кучкам. Купцы сгрудились около Иисы, вояки стояли в строю во главе с Дессом, и лишь Клум, деловито копал яму в песке.

– Клум, твою манипулу – прорычал Десс – что делаем дальше.

– оу, прости, я командовать не привык – Клум поднялся от ямы, в которую он запихнул сухие стебли тростника – как только я скажу, заходим в воду по пояс, это те, кто имеет оружие, остальные заходят примерно по грудь, дальше есть течение и ждем. Если волк в вас вцепился попытайтесь уйти на глубину, там есть хоть какой-то шанс, что он от вас отстанет, лучше быть унесенным течением, чем разорванным.

– а чего ждем – уточнил Хавлик.

– утра, и того, что волкам надоест ждать нас – невозмутимо сказал Клум – те, кто пойдет на глубину, держите перед собой вот этот тюк.

– нужно договориться если кто уплывет... – начал говорить Десс, но Клум перебил его – все пора быстрее все в воду. Все быстро побежали к воде и с нервной суетой распределились по местам.

Борис оказался во второй линии, рядом с домочадцами главного купца и раненым воином, имя которого он никак не запомнил. То ли от холодной воды, то ли от волнения он никак не мог унять дрожь, дыхание сделалось судорожным, ему казалось, что воздуха не хватает. Тьма сгустилась настолько, что он видел лишь силуэты людей, стоящих в первой линии, а очертания берега лишь угадывались по колышущемуся тростнику. Некоторое время ничего не происходило, даже многоголосье волчьего воя стихло. Вдруг в стороне берега стали возникать светящиеся точки, они были зеленого и желтого цветов, передвигались и пропадали на миг, чтобы возникнуть в другом месте. Еще через мгновение, сквозь шелест ветра, стали слышны звуки, приглушенное рычание, поскуливание и повизгивание. Весь берег наполнился стремительными силуэтами зверей. На миг разошедшиеся облака открыли дрожащим от холода и от страха людям берег, где совсем недавно находились они наполнен волками, те постоянно передвигались, издавая массу звуков, но в этом хаосе был свой порядок, ближе к воде бежали особи с черно рыжей шерстью, они были размером чуть больше взрослой овчарки, а вот дальше были особи седого окраса, и они были размером с хорошего алабая. Молодые волки приблизились к воде, нетерпеливо рыская по берегу, но в саму воду заходить не спешили.

– отходим назад – послышался голос Клума – их слишком много. И тут же он, Ваг, Хавлик и еще один из воинов стали отходить к остальным, дойдя почти до второй линии людей.

Звери рычали, подходя все ближе к воде, делая шаг назад и два вперед, скалились и смотрели на вожделенную добычу, но не решаясь броситься в воду. Вот один из молодых волков скакнув чуть дальше остальных попытался впиться в горло Клума, рывок, разъяренное рычание зверя, разрывающего тростниковый мат, сменяется визгом боли от удара кистеня по крестцу зверя. Мгновение и уже следующий волк бросился на сына купца, вырвав мат из его руки и рывком головы отбросив хлипкую защиту попытался схватить человека, целясь в живот, Клум уже не успевал сделать удар, но тут и волк упустил дно под ногами а в следующий момент удар кистеня Хавлика разможил зверю голову, правда и само оружие разлетелось от сильного удара на части, из кожаного мешка во все стороны разлетелись камни, которыми он был набит, да и сам мешок оторвался. Клум попытался ударить еще одного зверя, но тот увернулся и в два прыжка выбрался из воды. Раздалось мощное утробное рычание, перекрывшее весь звериный гвалт, и волна зверей отхлынула от воды. Беснование стаи утихло и к кромке воды подошел огромный седой волк, он смотрел на скупившихся по грудь в воде людей долгим немигающим взглядом зеленых глаз. Борису показалось что смотрит он именно на него, от этого не по-звериному выразительного взгляда, волосы вставали дыбом и что-то дикое поднималось из глубин подсознания. Вдруг волк запрокинул косматую голову и завыл, и в следующий момент не спеша побежал в степь. Мгновение и о зверях напоминали только многочисленные следы на черном песке и один труп волка, прибитый слабым течением к зарослям тростника.

Борис не помнил сколько прошло времени с того момента, когда волки растворились в ночи, но через некоторое время он вновь почувствовал холод воды и только раскрыл рот для вопроса, как Хавлик его опередил.

– как думаешь – спросил он Клума – они ушли.

– не знаю – ответил тот – мне не приходилось с такими сталкиваться. В его голосе уже не было той ледяной уверенности.

– думаю нам нужно оставаться в воде до утра, только выйти чуть, чтобы не окоченеть.

Борис не заметил, как пролетело время до рассвета, все вышли из воды, но так и держались кучкой, вслушиваясь в звуки и таращась в мрак ночи до рези в глазах, готовые в любой момент рвануться обратно. Если бы не адреналин, плескавшийся в крови, то люди бы задубели, температура ночного воздуха и воды были совсем не теплыми. Но вот лучи светила разогнали степные сумерки, видимость стала гораздо лучше, по крайней мере на столько, чтобы в каждой кочке перестать подозревать затаившегося хищника. Напряжение начало отпускать, Бориса колотила сильная дрожь, он не мог ни на чем сосредоточиться, вдруг навалился жуткий холод,

такой что зубы выбивали чечетку. Он судорожно мямл пук травы, который как предполагалось, будет защитой от нападения волка, от этой мысли вдруг стало так смешно, что он против своей воли глупо захихикал. Остальные выглядели не лучше, Витек так же подхихикивал, Николай смотрел в одну точку на горизонте и сжимал зубы, до такой степени, что желваки, ходившие под кожей, грозили ее порвать. Относительно спокойными остались только войны да все тот же Клум, все-таки опыт войны и борьбы сильно отодвигает границу волнений.

– Клум, что делаем дальше – задал волнующий всех вопрос, Десс.

– я схожу осмотрюсь – ответил Клум.

– Ваг иди с ним – распорядился Десс.

Два охотника вышли из воды и осторожно направились в степь. В свете дня местность хорошо просматривалась, поднимаясь от реки и образуя через пару тройку километров гребень, заросший все той же желтой травой с торчащими кое где из земли валунами серых камней, все видели, как неторопливо, постоянно останавливаясь и замирая, удалялись два человека. Выглядели они как две песчинки в огромном океане, такие же беззащитные на фоне дикой природы, без оружия в лохмотьях, но тем не менее идущие, чтобы дать надежду остальным людям. На какое-то время Борис, задумавшись, потерял их из вида, но вот команда Десса вернула его к реальности.

– выходим, вот Ваг нам сигналил – хриплым голосом проговорил командир – похоже, Светлые сжалились над нами, и звери действительно ушли.

Через бесконечно долгое время, как показалось Борису, когда отряд измученных и голодных людей дошел до вершины гребня, глазам их предстала картина все той же степной долины, которая волнами переходила в такие же гребни, как тот на котором они стояли, изрезанной оврагами и балками с редкими перелесками чахлах деревьев. Вниз по течению реки, откуда они пришли, даже с такого расстояния было видно несколько больших красно бурых пятен, резко контрастировавших цветом с желтой травой. Бориса поразила жуткая догадка, пятна даже с приличного расстояния выглядели большими в размерах, и в подтверждение догадок прозвучал все тот же спокойный голос Клума.

– звери этой ночью, как видим, очень удачно поохотились, думаю, что сейчас они не будут нас преследовать.

От этих слов мороз пробирал по коже. Борис привыкший думать, что опасности могут быть, но вот так, рассматривать себя как еду, конечно, был не готов. Он увидел, как Витек неприязненно покосившись на Клума уже хотел, что-то сказать, но зло плюнул и отвернулся.

– да, хотел бы умереть гордо, с оружием в руках, а не как баран, которого просто загрызли – проворчал Хавлик.

– впереди, примерно в дне перехода, вижу дым – сказал Ваг, указывая рукой направление. Борис сколько не всматривался так ничего и не увидел, хотя Клум, согласно кивнул, подтверждая.

– может это быть пожаром – спросил Десс.

– нет командир – уверенно сказал Ваг – это скорее всего люди.

– что скажешь Десс – идем к людям – задумчиво спросил Хавлик.

– ты прекрасно знаешь Хавл – проворчал Десс – что некоторые люди гораздо хуже тех же волков, и выходить к ним без всякой разведки и в таком состоянии как сейчас точно не надо, идем как говорили раньше, вверх по реке, тем более что до леса не так уж и далеко. Десс указал на лес, который начинался вверх по течению и стоял черно – зеленой громадой, мрачной и дикой. Если бы спросили Бориса, то он бы не раздумывая пошел к людям, хотя не признать правоту слов командира не мог. Он был настолько изможден и устал, что согласен на все, лишь бы уйти подальше от возможности попасть в желудок зверям, к тому же без инструментов и навыков ему было все равно степь или лес. Впрочем, его никто не спрашивал.

– Клум, идешь вперед с Хавликом – начал отдавать команды Десс – Ваг и Пир, замыкаете, все идем в темпе, до темноты нам нужно еще гору дел переделать, кто отстал добирайтесь сами по нашим следам, если жить хотим. Борис уже сомневался в своем желании жить, настолько он был измотан, посмотрев на запавшие в череп глаза Витька, и на резкие морщины с грязными разводами на лице Николая, тяжело вздохнул и поплелся за Дессом и вояками, которые начали двигаться сразу, как только приказ командира прозвучал. Снова под ногами желтая трава, цепляющая за ноги, слева заросли тростника, справа простор степных волн, а впереди спины товарищей по несчастью. Отряд, в котором были войны, и домочадцы торговца растянулся, если для воинов лишения были в порядке вещей, то для человека, который был в своей жизни приказчиком, испытания и нагрузки были запредельными. Поэтому, группа торговцев все более и более отставала от первой группы вояк и от группы, в которой находились Борис с Колей и Витьком, главный купец Ииса, несмотря на преклонный возраст умудрявшийся держать приемлемый темп и все тот же раненый воин, стоявший с ними рядом в реке. Было видно, что раны на ноге и руке доставляют ему страдания, но несмотря на это воин шел, сцепив зубы. Проклятый лес все не приближался, хотя, казалось, они идут к нему уже целую вечность. Оглянувшись, Борис не увидел группы, сопровождавшей купца, оказывается, они прошли очередной холм, который давно скрыл отстающих, а увидел Вага и война, которого звали Пир, причем они почти догнали их. На немой вопрос главного купца Пир спокойно ответил – командир ясно дал приказ про отставших, дойдут по нашим следам, мы не можем двигаться медленно всем отрядом из-за двух человек.

– понятно, я вот только не привык бросать своих людей, подожду их тут, и пойдем за вами – сказал купец и с кряхтением стал опускаться на землю.

Борис посмотрел на Вага, тот выглядел чем-то озадаченным и с тревогой смотрел по сторонам.

– чего-то не спокойно мне – начал говорить он – как-то уж больно легко мы отделались

В этот же самый миг из-за холма, где шли отстающие послышались крики, визг, рычание и все тот же вой, от которого нервы мгновенно натянулись как струны. Первым очнулся, как ни странно, Ииса, он вскочил и тяжело побежал туда, где слышался страшный шум. Его поведение сбilo с толка воинов. Все, бесконечно долгое мгновение смотрели на этого немолодого мужественного человека, который бежал, чтобы помочь своим. В то же мгновение гребень холма перевалил человек, который споткнувшись, кувырком покатился по траве вниз, а за ним выметнулись несколько волков, двое из которых набросились на человека, инерция падения перевернула одного из них, и он отпустил свою жертву, а вот второй продолжил терзать беднягу. Человек сумел даже вновь подняться на ноги, жутко крича при этом, но тут первый волк вцепился в горло и повалил жертву, нечеловеческий крик захлебнулся. Из жуткого оцепенения Бориса вывел крик Вага.

– все быстро в реку – проревел тот, но сам побежал к купцу и схватив его за руку дернул в сторону стены тростника.

Первым эту команду исполнил раненый боец, он почти не хромая побежал к реке, но в миг, когда до первых кустов осталось два шага, оттуда в прыжке вылетел волк. Зверь целился человеку в низ живота, но ухватил руку, которую воин успел подставить. Второй рукой человек схватил зверя за шкуру возле шеи, Борис наблюдал этот клубок, не зная, что делать. Подбежавший Ваг секунду примеривался, а после этого резко ударил в подбрюшье зверя, он хотел сделать это еще раз, но тот извернувшись с визгом отскочил и мгновенно скрылся в стене тростника. В этот же момент вой раздался уже оттуда, со стороны реки. Становилось понятно, что в зарослях тростника скрываются еще волки, людей обложили по всем правилам.

– Кирс – с вопросом обратился Ваг к раненому войну, тот хмуро покачал головой – прощай брат.

И обернувшись к остальным заорал – бежим к балке, и вывел Бориса из оцепенения могучим пинком. Дальше Борис помнил очень смутно, он бежал так, как никогда не бегал. Как напуганное животное, не понимая куда и какой план, просто хрипя пытался не упустить из виду спину Вага. По счастливой случайности он не переломал ноги, не упал и не отстал. Просто на следующем шаге нога провалилась в пустоту, и он кубарем покатился по траве, заорав от испуга. Ударившись головой о камень, вросший в землю Борис, отключился и пришел в себя, когда его резко вздернули на ноги. Сделавшим это оказался Витек. Оглядевшись, Борис увидел Николая, Десса, Хавлика, Вага, они и еще Витек, поднявший Бориса на ноги вот все, кто остался от их отряда. Находились они в овраге с каменистыми склонами, один из которых был более пологим, видимо, по нему они и спустились. Позади их маленького отряда была стена из камней, покрытых мхом и редкими проплешинами земли, за которые цеплялась трава и тонкие крученые деревца. И волки. Звери стояли наверху и смотрели на кучку людей внизу оврага. На пологой стороне лежал один волк, под его головой расплывалась, стекая черными глянцевыми каплями по траве, кровь. Остальные звери, не отрываясь, буравили своими глазами людей, в их глазах читалось торжество и голод. Но они не спешили нападать, зная, что никуда загнанная и беззащитная добыча от них не денется.

– Вот и все парни, отбегались – тихо проговорил Витек.

– Заткнись и подбери себе камень – хрипло проговорил Десс. Было видно, что он еще не отошел от этого сумасшедшего бега и каждое слово дается ему с большим трудом. Тем не менее говорил он уверенно, как и подобает настоящему командиру, пусть даже и в ситуации, кажущейся безвыходной. Борис и Витек зашарили взглядами по земле, и действительно под ногами нашлось несколько камней, которые они подхватили и встали плечом к плечу с товарищами по несчастью.

– Ваг, как они будут нападать – спросил Десс. Ваг сидел на корточках, привалившись к каменной стене, и смотрел в одну точку, его лицо было искажено гримасой мучения, хотя видимых сильных ран на нем не было. Ссадины, ушибы и кровоподтеки были абсолютно на всех.

– Ваг, боец, убудок быстро ответил – рывкнул на него Десс, видя, что тот не реагирует. Окрик командира привел в чувство Вага и он устало проговорил – скорее всего, просто подождают и когда мы будем обессиленными окончательно сожрут всех. Шальная мысль, проскочившая у Бориса о том, что быть более обессиленным чем сейчас, уже, наверное, нельзя утонула в волне паники. Грязный, в изорванных обносах, избитый и изможденный он стоял и смотрел в глаза зверю, который хочет его съесть. Паника и безвыходность ситуации, что-то надломили в нем. На смену панике пришла лютая злоба и, как ни странно, веселье, вдруг ему захотелось не ждать, а прямо сейчас бросится на этих чертовых зверей и хоть сколько-то их убить, прежде чем они сожрут его. Злоба была такая лютая, что он стал буквально задыхаться, подхватив еще один камень, Борис выскочил вперед на несколько шагов, размахнулся и со всех сил швырнул камень в ближайшего зверя.

– Иди сюда, ссука, давай – орал Борис – сожрать меня захотел, давай тварь!!!

Первый камень попал в бок ближайшему волку, тот взвизгнув отскочил на безопасное расстояние, но никуда не ушел, как, впрочем, и остальные, только вскочили на лапы и зарычали. Через некоторое время это агрессивное беснование отпустило, так же резко, как и пришло. Из Бориса разом как будто выдернули все кости, в этом состоянии медузы он развернулся и упал на траву рядом с Вагом.

– о, вот как новобранца в первом бою проломало – спокойно заметил Хавлик, и уже обращаясь к Дессу спросил – помнишь, как меня, когда первый бой с коневодами был.

– конечно помню, выбежал из строя и кривлялся там до тех пор, пока стрелой не чиркнуло – усмехнулся Десс – ладно Борис, Ваг и Николай отдыхают, мы караулим, потом меняемся.

Три раза успели поменяться сменами караула, пока незаметно стало смеркаться. Края оврага были еще ярко освещены, свет играл на желтой траве, а внизу уже стали стгущаться тени, когда звери потеряли терпение и решились атаковать. Сначала исчезли по бокам оврага, чтобы тут же появиться на пологом его склоне. Люди вскочили и приготовились умереть достойно. Отвлеченным умом Борис отметил, что волков около десятка и с ними нет таких огромных экземпляров как тот седой вожак стаи, что загнала их в реку. Но в том состоянии, в котором были люди, и этого должно было хватить с лихвой. Медленно, припадая на передние лапы и скалясь, звери приближались к людям.

– по моему сигналу, все кидаем по первому камню в трех тварей в центре – раздался голос Вага.

Борис стоял крайним и опять, черная злоба поднималась у него из глубин то ли подсознания, то ли еще откуда, страха не было, лишь желание бить, убивать. Вот волки замерли на мгновение перед одним им видимой чертой, и в это мгновение раздался крик Вага – Бей!!!

Этот крик как будто спустил пружину и у волков, и у людей. Стая с рычанием бросилась вперед, а люди с силой швырнули камни в волков. Борис машинально швырнул первый камень не в центр стаи, а в того волка, который был напротив него. Попад в лапу и сбив тем самым первый прыжок волка, это дало ему еще секунду и один удар, который он нанес зверю между глазом и ухом, а вот второго удара не получилось, даже раненый волк был намного быстрее человека. Извернувшись, зверь перехватил руку с камнем. Борис заорал от обжигающей боли и выронил камень. Волк рванул руку вбок, и они повалились на землю. Под руку Борису попался еще один камень, судорожно схватив его он нанес еще один удар, попав по морде ближе к носу. Вдруг почувствовав, как зверь отпустил его руку, он, вцепившись в волка стал наносить удар за ударом, не чувствуя боли и не замечая куда бьет, бил и орал, превращая в месиво голову зверя, до тех пор, пока рука вдруг отказалась подчиняться приказам мозга. Тупо уставившись, залепленными на половину кровью и грязью глазами на то, во что превратился волк, он во внезапно наступившей тишине услышал,

– ну все, кажись и дикий успокоился, знал бы не тратил стрелы, все равно шкура испорчена.

Борис поднял голову, чтобы разглядеть источник этих слов. Им оказался незнакомый, ухмыляющийся тип, одетый в просторные штаны, рубаху и меховую жилетку, еще несколько похожих людей стояли на верху оврага и спускались по пологой стороне к месту битвы. Борис перевел взгляд на поле недавнего сражения с волками, люди и звери лежали вповалку, друг на друге, вот Ваг и зверь лежат в луже крови, вот Хавлик прислонившись к камню, хрипит и пытается разжать челюсти на своей голени, рядом с ним неловко и как-то кособоко привалился Десс. Все это он видел фрагментарно, как если бы ему показывали фотографии, одну за другой. Ощувив что-то липкое в руке, Борис перевел взгляд на себя, рука выглядела ужасно, явно переломана кость, лоскуты кожи обнажали страшную рану на предплечье, черная, в сумерках, кровь капала на землю. Нога, выглядела не лучше, так же вся залитая кровью. Боли не было, все воспринималось отстраненно, как будто раны не на нем. Борис попытался встать, но понял, что не может этого сделать, тело просто не слушалось его. Мысль о том, что он не видит своих товарищей, зацепила другую мысль, о том, что он, возможно, остался в этом мире один, и дальше повлекла за собой страх, перешедший в панику. Захрипев и заклекотав горлом, Борис ломано и рывком сумел подняться, и тут же земля наклонилась на столько, что его бросило снова на камни, а затем пришла темнота.

Резкая, обжигающая боль в следующее мгновение вывела его из забытья. Борис лежал на животе. Руки и ноги были примотаны к чему то, да еще цепкие сильные руки держали за плечи, кто-то навалился на них. Боль терзала вытянутую вперед руку, вонь горелого мяса была

в нос. Борис хотел заорать, но получилось только мычать, так как во рту, между зубами была привязана деревяшка. Не в силах вынести боли сознание милосердно отключилось вновь.

—

Звериный рык снова рывком вернул сознание. Борис осознал себя лежащим на досках, укрытым шкурами, рядом с ним сидел бородатый, незнакомый мужик и осматривал его руку, впрочем, от рывка Бориса он прекратил свое занятие и ухмыльнувшись сказал – тихо, тихо, больше никто не хочет сожрать такого дикаря. Тебе везунчик надо сейчас просто лежать и пить, и подсунил Борису под губы небольшую миску, приподняв его голову так, чтобы Борис мог пить. Пахло от миски противно, но сопротивляться сил просто не было. Первый глоток горячего бульона, а именно на него варево было больше всего похоже, прокатился огнем по пищеводу и взорвался спазмом в желудке. Борис скривился от боли, и незнакомец сразу же прекратил его поить.

– все, везунчик, достаточно, а то кишки завернуться, за несколько дней небось слиплись уже – сказал бородач, слезая с телеги, а именно на ней расположили Бориса. Пришедшая сразу куча вопросов, так и осталась без ответа, язык присох и ничего кроме хрипа Борис издать просто не смог, а его сиделка не стал дожидаться и ушел с миской за пределы видимости. Пытаясь проследить за ним, Борис повернул голову и увидел, что на телеге он не один, рядом с ним лежал Клум, и выглядел тот очень скверно. Бледный до синевы, с заострившимися чертами лица, из-под накрывающих его шкур было видно плечо, перемотанное тряпицами с проступившей через них кровью. Понять жив ли его напарник по палате, или по телеге, если сказать точно, Борис смог только по очень слабому движению груди, обозначающему дыхание. На этом силы у Бориса закончились, буквально уронив голову на меховой валик, заменявший ему подушку, он отключился, но на этот раз это был лишь сон. Сон был странный, увидел Борис деревенскую избу и мужчину, уже не молодого, спокойно закладывающего со стола в потертый мешок с лямками, нехитрую, завернутую в тряпицы, провизию. Рядом с ним, на лавке замерла некрасивая от слез и опухших глаз, женщина в платке и девушка, вцепившаяся в ее руку. С печки виднелись физиономии еще двух детей лет пяти и семи на вид. Затянув горловину сидора, мужчина посмотрел на женщину и сказал – ничего Александра, Бог даст не пропаду, на все Его воля. Женщина уткнулась в платок и беззвучно зарыдала, а девушка начала говорить

– Вы тятя, не на Бога надейтесь, вот комсомольцы говорили..., но мужчина с жалостью, как то, посмотрев на девушку перебил ее.

– Ты Антонина маленькая еще, а маленьким мозги завернуть легче, где те твои комсомольцы, неужто такие как я понадобились бы, если бы они держали ту нечисть, что прет на нас. А все потому, что маленькие да глупые надеялись на себя да на Сталина. А я знаю на кого надеяться, я в Бога верю, и ты верь Тоня, только это нас спасет. Следующий кадр сна выдал картинку жуткой бомбежки, среди которой петляя по развороченной взрывами земле ехала полуторка с цистерной. За ее рулем сидел все тот же мужчина, теперь уже в гимнастерке и в пилотке. Борис увидел его так, как если бы они сидели за одним столом друг на против друга. Мужчина был спокоен и, вдруг, как будто увидел Бориса и, через секунду, морщины вокруг его глаз собрались в спокойную и радостную улыбку. Прадед Бориса, Александр или как его звали в колхозе, куда после войны он вернулся, Сан Саныч, улыбался ему. Борис не понимал, как это может быть, попытался что-то крикнуть своему предку, но вместо этого с судорожным вздохом проснулся.

– опять дурные сны – осведомился все тот же бородач, который поил Бориса бульоном в прошлый раз.

– нет – хрипло сказал Борис – мне предок мой снился на войне.

– звал тебя с собой – насторожился бородач – предлагал куда пойти.

– нет, только улыбался мне – сказал Борис, уставившись в серое, со свинцовыми тучами небо.

– ну тогда хорошо, поддержка предков, да еще и воинов дело нужное – расслабился бородач – давай пей сам, ты уже можешь это делать, а у меня дел полно с вами еще. Приподняв Бориса, подsunул ему под спину жесткий мешок, таким образом, что больной оказался в положении полусидя бородач поставил миску с бульоном на доски, возле руки Бориса.

– плечо и руку левую не беспокой сильно, даже если зудеть будет – сказал сиделка и взяв ведро, из которого наливал свое варево собрался идти дальше.

– как тебя зовут то хоть – спросил Борис.

– Кормхильд, кривой бок, в некоторых землях зовут Ремхильд – ответил мужик и, видя интерес Бориса, который привык к простоте здешних имен, истолковал видно по-своему – если трудно выговорить зови просто Кривой и усмехнувшись, добавил – тут не в ходу такие длинные имена.

– спасибо тебе Кромхильд – сказал Борис, у которого, как всегда, родилось множество вопросов.

– не благодари, твоя жизнь нужна нам всем – донеслось до него.

Кромхильд действительно при ходьбе кривился немного на левый бок, впрочем, это не мешало ему уверенно передвигаться, даже неся ведро в руках. Осмотревшись, Борис увидел, что на четырех лежаках, на небольшом расстоянии друг от друга находились, такие же, как и он сам больные. Своего соседа Клума, он уже видел, сейчас тот, как и раньше находился то ли в беспамятстве, то ли спал, но выглядел так же, как и раньше, то есть очень скверно. Справа от них находилась телега, которую занимали Николай, который так же, как и Клум, спал и, как не странно купец Ииса. Про себя Борис подумал, что немолодому мужчине, к тому же не войну, уцелеть во всем этом приключении было невероятным везением. За ними находилась телега, к которой сейчас подошел Кромхильд, который видимо был тут за врача и сиделку в одном лице, на ней так же, как и Борис сидел Витек, его соседа не было видно, так что кто там разобрать не представлялось возможным. Витек увидев, что Борис смотрит в их сторону, даже помахал ему рукой и прохрипел – Привет, жертвам контактного зоопарка. Чувство юмора у Витьки всегда было просто потрясающим, в смысле, некоторых от него действительно трясло. Махнув, так же в ответ, Борис хотел громко поздороваться с товарищем по несчастью, но из его горла вырвался тихий сип. С другой стороны от Бориса находилась телега, которую занимал сейчас один Десс, второе место около него сейчас пустовало. Прямо перед рядом из четырех телег стояло строение, больше всего напоминавшее хижины жителей крайнего севера, не то чум, не то яранга, Борис, как и все люди его времени знал обо всем, но уж очень по чуть-чуть. Конусообразная конструкция из жердей и кож, сшитых между собой крупными бечевками из той же кожи, венчала круглое основание высотой примерно в метр, вся же конструкция была около двух метров в самой высокой части. С противоположной стороны от телег с ранеными, за шатром, стоял такой же ряд из четырех телег, только те были нагружены тюками все такой же кожи. Лагерь стоял около той злополучной балки, в которой произошла схватка со зверями. Где-то в стороне перекликались люди, но Борис не разобрал слов. К крайней телеге, на которой было меньше всего мешков, подошел человек, одетый в кожаные штаны и в меховой жилет, мехом наружу, который нес на плече очередной мешок. Скинув его на телегу, он заметил, что Борис смотрит на него. Хмуро кивнул, обозначая приветствие и, развернувшись, ушел. Хмурые тучи, заволакивали весь небосвод, солнце просвечивало через них блеклым диском, еле угадываясь. Борис закрыл глаза и злые мысли стали, как осиный рой заполнять голову, опять выжили, а зачем, что дальше, скорее всего так или иначе смерть, не от зверей, так еще от чего-то. Вокруг дикари какие то, зачем их спасли, что дальше. Волна мыслей накрыла Бориса и вдруг через нее, он услышал смех, который раздавался со стороны телеги Витьки

– Охо-хо, что так прямо и сказал ей – смеялся их доктор Кромхильд – а она чего?

– а чего она – отвечал ему Витек – стоит и молчит – Кхе-кхе-кхе.

–Охха-ха-ха.

– вот с кого надо брать пример – под нос себе пробурчал Борис – все по хрену, молодец Витек. Легкость, с какой его товарищ сходилась с людьми, просто поражала Бориса, если сделать усилие, то и он так же мог, но Витек делал это с удовольствием, а не с усилием, к тому же его бесшабашная простота и лихость обескураживали самого серьезного собеседника. Откинув голову на валик из шкур, Борис не заметил, как провалился в сон, на этот раз без сновидений. Проснувшись в следующий раз, Борис обнаружил над телегой, где они с Клумом лежали полог из, все тех же шкур, сквозь прорехи входа проникал тусклый свет.

– вот это я дрыхнуть – проскрипел Борис сам себе – чего он в этот бульон, снотворное, что ли подмешивает. Даже при учете травм и изможденного состояния, без снотворного столько спать было странно. Ворча и кряхтя, он слез с телеги. Постоял, оглядывая себя и прислушиваясь к своим ощущениям. Штаны и куртка из какой-то жуткой мешковины, босые ноги с загрубевшими черными ступнями и когтями, ну не ногтями же называть такое безобразие. Пошевелил кистью порванной зверем руки, мышцы отозвались легкой тянущей болью, казалось, еще немного и лопнут, знакомое ощущение, травмы у него и раньше случались всякие. Нога при движении отозвалась болью в колене и в голени, да так, что Борис зашипел от боли. Вроде бы никаких повязок не было, а болит хуже руки, да плевать, подумал он, тут не знаешь, будешь ли жив в следующий момент. Залетавший в щели полога ветерок был довольно прохладным, посмотрев на Клума, который лежал уже на другом боку, но видимо, перевернулся не сам, а сделал это Кромхильд, Борис взял большой кусок вытертой шкуры, накинул на плечи и, отодвинув кожаный завес, вылез из полога. Все та же картина лагеря, с главным шатром, телегами, сейчас закрытыми, так же, как и та, с которой вылез Борис. Судя по всему, было раннее утро, хотя небо было затянуто низкими тучами, из которых крапал маленький дождик, из тех, которые идут неделями, когда все вокруг набухает водой. Степной пейзаж еще более потускнел и выглядел олицетворением осенней депрессии. В проеме между телегами был виден пологий спуск в злополучную балку, около него было построено несколько рогулек, на которых были распалены волчьи шкуры под навесом. Около них работали несколько человек. Все заросшие бородами, длинноволосые одетые все в те же шкуры они выглядели настоящими дикарями. Каждый был занят своим делом. Кто-то из них, снимал шкуру, натирал ее, непонятной дрянью, бурого цвета, и плотно скручивал. Кто то, разбирал рогульки, укладывая их в определенном порядке. Борис поскреб зачесавшийся подбородок и обнаружил, что, в общем то, ничем он от этих дикарей не отличается, нечесаная борода, слипшиеся отросшие патлы. Холод от земли напомнил, еще и когти. Шуршание полога, заменяющего дверь в главное шатре, вывела Бориса из задумчивости.

– о, еще один оклемался – сказал выбравшийся из палатки Хавлик – командир, может не так уж и все плохо, один Клум только лежащий остался. Борис глянул на компанию, выбравшуюся из шатра. – может и так – Десс хмурился и кивнув Борису, сказал – ну выбор то у нас как всегда небольшой. За ними стоял уже знакомый Борису, Кромхильд а за ним высокий костистый тип с суровым выражением на совершенно бандитской роже. Не перебитый даже, а вдавленный нос, отсеченная мочка уха и скверно заросший шрам от того же уха, опускавшийся в черную бороду. Худой, но с широкими плечами и длинными мосластыми руками, заканчивающимися, мощными лопатами ладоней.

– Сава, дай еще два дня, хотя бы – он не приходил в сознание, растрясем же его, кровью истечет – горячо обратился Десс к этому мужику. Видимо, разговор шел про Клума, решил для себя Борис, и продолжался уже давно, судя по тому, как этот самый Сава, закатил глаза и помотал головой.

– Десс, да ведь дело очень простое, останемся, попадем в метель, попадем в метель, сыграем с богами в шурх на наши жизни. Но самое главное, припасы придется бросить, а это

отнимет жизни не только у нас, но еще и у наших братьев, ты своих не бросаешь, уважаю, но и я не готов рисковать ради вот этих доходяг – и он кивнул на Бориса – еще не понятно кем он будет в бою с северянами. Выступаем, как все соберем – отрезал Сава, сплюнув смачно себе под ноги – мы оставим вам три копья, волокушу с пологом и мешок сушняка. Пойдете по нашим следам, если пойдет снег, в гарнизоне будут жечь костер с дымом, если метель, тогда считайте, что в шурх вы проиграли.

– да ладно, чего мы метелей не видели – раздался самоуверенный голос Витька – спокойно, по снежку, дойдем, чего ты Десс его тут упрасиваешь. Борис не заметил, как Витек выбрался из своей телеги и с вызовом смотрел на Саву. Борис со стороны оценил, что выглядел его друг как заправский бомжара с вокзала, в рванье, грязный, с торчащей бородой. Слова были очень дерзкими, если учитывать, что именно отряд Савы спас их жизни, Борис ожидал, что этот свирепый мужик сейчас полезет в конфликт, но увидел, как Сава и Кромхильд с совершенно круглыми глазами непонимающе смотрят друг на друга.

– спокойно дойдем – как будто пробуя на слух эти слова повторил Сава. Он, кажется, совсем не обратил внимание, на вызывающие слова Витька.

– спокойно, по снежку, дойдем – повторял Кромхильд.

Дальше произошло то, чего Борис не ожидал, два суровых мужика заржали как кони.

– Охха-ха-ха – в метель спокойно дойдем – ржал Сава, схватившись за живот, и щерился так, что было видно все зубы, все оставшиеся к этому моменту зубы.

– Агхе-кхе-кхе – спокойно, по снежку – Кромхильд стоял, упираясь в колени и, даже, закашлялся от смеха.

Десс хмурился и молчал а Хавлик недоуменно крутил головой. Холод от земли вновь напомнил о себе и Борис, пожившись, подумал, что слова Витька опять выше, чем его способности.

– как, говоришь, его зовут, Виктоор – спросил Сава у Кромхильда – по виду наш, но такое сказано.

– да, парень наш, по духу наш, остальное поймет, если выживет – помолчав мгновение, добавил Кромхильд – знаешь Сава, а давай ка добавим точку на кости в их игре, я, пожалуй, останусь с ними.

– ты серьезно – разом потеряв веселье, спросил Сава

– я чувствую, что боги веселятся, глядя на них и с ними будет любопытно, ты ведь знаешь мое второе имя

– ха, тогда им прибавится не одна точка а две – и, мрачно посмотрев на Кромхильда, добавил – правда вот у тебя две убавится.

– ничего – прищурившись, сказал Кромхильд – не в первый раз.

– как знаешь, ты же у нас свободный – зло сказал Сава – тогда не придется тратить время на объяснения, где лучше заночевать и как идти. Все завязали – заорал он своим – скиньте мешок сушняка на волокушу и три копья. Борис, ноги которого к этому моменту совсем задубели, увидел, что все остальные члены отряда Савы уже собрали все шкуры и рогульки и уже вовсю приступили к демонтажу главного шатра, работая сосредоточенно и быстро.

– ты, чего слишком здоровый стал – сказал, подошедший к Борису Десс – чего ты стоишь босой.

Борис растерялся, но не успел ничего сказать, раздался голос Кромхильда – обувь на телеге под шкурами.

Борису показалось, что он успел дойти до телеги, вытащить из-под шкур в ногах, смытые и заляпанные кровью кожаные шлепанцы, ну по крайней мере на них изначальная конструкция этого убожества и была похожа, вылезти наружу, как два бойца из отряда Савы начали скатывать полог над их телегой. Борис за спиной услышал обрывок их разговора.

– прям так и сказал, по снежку дойдем, прикинь – говорил один блондинистый тип.

– да хен ли с него взять, если зимы не видел, небось, по колено снега сугробом считает – хмуро отвечал другой, постарше, с застывшим угрюмым выражением на лице – да не вырывай ты завязки то, пригодится еще покров то.

– эх, Сувр, скучный ты, как был ты крестьянином, так и остался.

– да это вам бы, северным дикарям, все веселится

– конечно, к богам нужно приходить веселым, а про дикарей не говори, кто тебе баню то показал.

Борис дальше не стал слушать их взаимные подначки, которые происходят постоянно в любом мужском коллективе за работой. Он побрел к поредевшей группе своих товарищей по несчастью, которые кучковались возле Кромхильда, который что то, объяснял Дессу и Хавлику.

– вот смотри у этих жердин один конец плоский, это для снега, вот это отверстие для ремней – неторопливо объяснял он Хавлику, который помогал ему собирать нехитрую конструкцию, больше всего похожую на носилки. Две длинные жердины устанавливались в выемки двух коротких поперечин, похожих на короткие части ствола дерева, выдолбленных внутри и с заостренной на конус одной стороной. Дополнительным каркасом служили древки копий и сверху кусок шкуры со свалевшимся пегим волосом. К ним подошел тот веселый блондин, которого называли Стувром и передал Кромхильду сложенный в несколько раз полог. Борису показалось, что делает он это с уважением младшего к старшему.

– Кромхильд, почему – помявшись немного, задал он робко вопрос.

– хочу проверить замысел богов – спокойно ответил Кромхильд – а ты не балаболъ, а давай дело делай, выживу, расскажу зимой, пошли перекладывать Клума. Пока они кучковались тут, за объяснениями, отряд Савы упаковался на шесть телег и впрягшись в ременные, широкие ремни, которые охватывали плечи и грудь покатили телеги в степь, по известному им маршруту. За ними бодро, почти бегом, отправились два бойца, после того как, Клума аккуратно переложили на носилки, положив под голову мешок сушняка и накрыв все тем же пологом. Кромхильд возился с ременной упряжью, которая, как и в телегах должна была снять нагрузку с рук и распределить ее на ноги и спину носильщиков. Остальные стояли вокруг носилок хмуро глядя на удаляющуюся по размокшей от влаги, желтой степи отряд бойцов, спасших их от гибели, но оставивший опять один на один с природой. Десс, Хавлик, Ииса, Витек с Колей – вот и все что осталось от того большого стада людей, переходивших через перевал, подумал Борис. Его насторожило веселье бывалых людей от слов Витька про зиму, и он тут же получил подтверждение своему беспокойству.

– Николай и Хавлик, берите носилки – сказал Кромхильд – единственный шанс выжить, это скорость, до большого Дома два дня хода здоровым людям, которые передвигаются как северяне, значит нам четыре или даже пять. Десс, по виду хоть и был не очень доволен, что Кромхильд командует, но препираться не стал, все же он был опытным командиром и знал когда нужно отдать командование более опытному человеку.

– пока погода нам позволяет лучше идти так – продолжал Кромхильд – мы с Виктоором и Борисом выдвигаемся вперед и отдыхаем пока остальные нас догоняют, потом несем, а остальные нас догоняют.

– мудрено – сказал Витек – а если волки опять. При слове о волках Борис поежился, с ужасом вспоминая недавнее прошлое. Кромхильд на это лишь пожал плечами и отмахнулся, как бы давая понять, что волки – это не самая большая опасность сейчас.

– все верно – сказал Десс, поставив точку в разговорах – так самая медленная часть нашего отряда будет постоянно двигаться. Николай с Хавликом подняли носилки, Кромхильд подправил на спине ремни и отряд двинулся.

Путь в Легион. Один на один с Зимой.

Впереди, на сколько было видно, простиралась все та же степь с блекло рыжей травой и мрачными камнями, торчащими из нее. Рельеф вроде бы незаметно, но все же стал более выраженным. Камни незаметно превращались в глыбы, подъемы и спуски стали круче. Такое ощущение, что ткань земли истончалась и сквозь нее все более и более проглядывали черные и серые кости земли. Борис окончательно запутался в направлении движения. Если бы у него спросили откуда они пришли, он бы не смог ничего ответить, все что он видел это спину Кромхильда, несмотря на то что их проводник называл себя кривым, двигался он с неплохой скоростью, но самое главное темп, который он задал всей группе был ровно таким, чтобы нести носилки с Клумом и не умереть при этом. Если выдвинулись они утром, то сейчас предположительно близился вечер. Предположительно, потому что, на серые тучи, напозлали черные тучи, и без того мрачный пейзаж, становился совсем уж депрессивным. В воздухе постоянно висела завеса из мельчайших капель, размывая видимость и заполняя собой все вокруг. За это время Борис с Витьком три раза сменили Хавлика и Николая в роли носильщиков, не останавливаясь ни на минуту, и носилки с каждым мгновением становились все тяжелее и тяжелее. Во время отдыха от ноши, быстро, на ходу закинули по паре горстей того самого сушняка, мешок которого им оставили их спасители, на деле оказавшийся чем-то вроде пеммикана, то есть протертым мясом с ягодами и листьями. От этой отупляющей ходьбы весь мир сузился до спины их провожатого, который, казалось, все прибавляет и прибавляет скорость. Выпрягаясь, в четвертый раз, из ременной упряжи, спина жалобно шелкала, а ноги просто онемели от холода и напряжения. Оглянувшись, Борис увидел, что Десс с Иисой только подходят к ним, тогда как Николай и Хавлик уже приладили ремни и, повинаясь нетерпеливому жесту Кромхильда, двинулись вперед. Борис отвернулся и тупо поплелся за Витьком, без слов и эмоций, как зомби. Сил не осталось и на что, кроме передвижения, он подумал, что напади сейчас на них волки, то сопротивления бы не встретили, ну от Бориса уж точно. Так и продолжалось до тех пор, пока Николай, оступившись на мокром камне, не упал, чуть не перевернув носилки с Клумом. Если бы не Хавлик, вцепившийся в край носилок, то больной просто бы выпал из них, а так край носилок только придавил Николая и все.

– чего застыли, выковыривайте давайте его, а то еще этого придется тащить – окрикнул Кромхильд. Борис поймал себя на мысли, что они с Витьком стоят и тупо смотрят на копошащегося Николая. Кое как выдернув его из ремней и ставшими неподъемными носилок, Борис просто упал рядом. Еле вытянув Николая из-под носилок, вся компания, включая Хавлика дружно повалилась на землю. Борис почувствовал, как захрустели позвонки, принося временное облегчение. Он перевернулся на спину и уставился в низкое небо, наливающееся чернотой туч. Кромхильд скептически оглядел их компанию, кинул взгляд на подходящих Десса и Иису, и распорядился – встаем на ночь.

– давайте оттащите его вон к тому камню – показал он на глыбу серого цвета, выпирающую из земли на три роста человека – Никлай пусть остается с Иисой, остальные со мной, надо собрать костер, чем быстрее мы это сделаем, тем больше у нас времени на отдых будет.

Кряхтя, вся компания поднялась, оттащив носилки с Клумом к камню, причем Николай страдальчески морщился и держался за поясницу, поэтому пришлось Витьку сменить его. Затем, обойдя каменный выступ, они обнаружили заросли колючего кустарника, который уже сбросил листья, и принялись ломать его ветки, с них капала влага, заставляя руки скользить и царапая их. Тем временем Кромхильд, достав нож быстро нарезал огромную охапку веток. Борис никак не мог справиться с мокрой веткой и видя, как их проводник, называвший себя калеккой, ловко орудует своим ножом, злился на эти долбаные ветки, на проводника и на весь мир вокруг, понимая, что калекка это он. С рычанием оторвав измочаленную ветку, он, не удержавшись на ногах опрокинулся и упал. Вскочив, он швырнул злополучную ветку в их с Витьком жалкую, по сравнению с кучей веток у Кромхильда, кучку и зло ощерившись прошипел – ссука, ссука, да что же б..ать за жизнь такая а. Никто не обратил на это внимание, Витек

только голову повернул и все. Борис, не найдя выход злости, непонятно откуда поднявшейся в нем, полез опять ломать, ни в чем не повинные ветки. Он не заметил, что Кромхильд очень внимательно следил за ним, даже остановив свою работу, а потом удивленно вскинул брови и хмыкнул, как будто удивляясь, пришедшей в голову мысли. Уже неся охапку веток обратно, Борис сам удивился той злости, которая временами поднималась в нем, видимо от предельного напряжения и постоянного выматывающего стресса, ну не ветка же виновата. Уже в темноте они переложили Клума на обрывок шкуры, и из носилок соорудили нехитрое подобие палатки, открытой с одной стороны и упиравшейся в камень другой. Вход Кромхильд завалил охапкой колючих веток, сделав так, что половина кучи была под навесом, а половина нет. Казалось, что на пропитанном влагой воздухе огонь добыть не получится, но их проводник очередной раз удивил и довольно быстро справился с этой задачей. Уже в слабом мерцании крошечного костерка, дым от которого неохотно выходил сквозь единственный выход их палатки Борис увидел, что Кромхильд бережно убирает в крошечный кожаный мешок, остатки сухого мха и туда же кладет несколько тонко наструганных сухих щепок от веток. Все остальные сидели и тупо таращились в огонь, Борис посмотрел на уткнувшегося в сгиб локтя Николая, закрыл глаза и ... В следующее мгновение услышал хриплый голос Кромхильда, почувствовав, что кто-то тыкает его в бок.

– просыпайтесь, боги посылают нам новое испытание – спокойно говорил Кромхильд.

Борис разлепил глаза и дикая боль, пронзившая правую голень, враз отбила сон. Застонав, он схватился за пальцы ноги и пытался не дать сильной судороге разорвать икру. Через минуту боль отпустила, а палатка тем временем наполнялась стонами и возней уставших людей, которых впереди опять ждал изнуряющий путь, да еще и непонятные слова Кромхильда всколыхнули тревогу. Уж кто кто, а их проводник не склонен был преувеличивать, скорее наоборот. Встать удалось только с третьего раза, первые пару раз, одеревеневшие ноги просто отказывались слушаться. Сжав зубы от ломоты по всему телу, Борис вылез из их ночного убежища и тут же, как будто попал в молоко, даже глаза протер от неожиданности. Кромхильд стоял, взявшись руками за копье, воткнутое тупым концом в землю, и с мрачным видом смотрел вдаль. Вокруг расстился туман. Он был таким плотным и вязким, что, казалось в нем невозможно дышать. Вздохнув, Борис попытался оглядеться, но белая пелена тумана позволяла сделать это шагов на десять, не больше.

–

Теперь мы не можем ждать вас и растягивать наш отряд – сказал северянин Дессу и купцу, которые, кряхтя и морщась, буквально выползали из палатки – вам придется собрать все силы.

–

Это понятно – ответил Десс, а Ииса только головой покивал. В его глазах было спокойствие. Борис, видя всю эту сцену, в который раз удивился твердости духа этого немолодого человека вполне мирной профессии.

Сборы были нервными и скомканными, казалось, что жерди не ложатся в пазы, полотно никак не укладывается, а ноги совсем не хотят гнуться. Но мрачная напряженность Кромхильда передалась всем и их маленький отряд вновь отправился в путь.

Борис совершенно запутался в маршруте движения, и без того потерянное направление, в тумане казалось совсем непонятным. Спина Кромхильда теперь находилась в пределах видимости, стоило ему начать чуть быстрее двигаться, и она пропадала в объятиях молочной пелены. Из этой же пелены выныривали спуски и подъемы, покрытые жухлой травой и, кое где, голыми ветвями и камнями. Забравшись на очередной подъем, Борис, тащивший носилки с Витьком и от их разницы в росте, еле справлявшийся с подъемом, просто уперся животом в их край, поняв, что Витек остановился. Подняв голову, он увидел, что благодаря возвышенности, на которую они забрались, туман выпустил их не на долго из своего плена, клубы молочного цвета заволакивали спуск метров на пятьдесят ниже.

– Что хорошего увидел – хрипло спросил Витек

– Туман скоро должен пройти, и мы идем в правильном направлении, все остальное, тихо всем – вдруг напрягшись прошипел Кромхильд и напряженно стал вглядываться в туман внизу.

Видя, как неуловимо изменяется их проводник, от путника в война, перехватывая копьё Витек с Борисом опустили носилки и напряженно стали вглядываться в переливы тумана внизу, но ничего не происходило. Борис хотел уже задать вопрос, но вдруг услышал топот и в следующее мгновение из тумана вынырнул олень, ну по крайней мере существо вполне напоминала земного оленя, не сильно крупного, с небольшими рожками и раненого. Борис увидел кровь на желто коричневом боку оленя. Животное, увидев людей на вершине, принялось было, нервными скачками, забирать правее, и в этот миг из тумана вынырнули четыре стремительные тени. Волки, а именно они и были этими тенями, загоняли подранка по паре с каждой стороны. Изменение направления бега оленя подарило правой паре секунду, и они не преминули этим воспользоваться, один в прыжке сумел ухватиться за заднюю ногу, сбив бег и проехавшись по каменистой земле вместе со своей жертвой. В следующий миг второй вцепился в горло жертве. Погибающий олень издал протяжный крик, а вторая двойка хищников уже подросла и стала с рычанием терзать еще живую добычу. Один из волков поднял окровавленную пасть и посмотрел на кучку людей на вершине холма. Расставив лапы, вздыбив на холке шерсть волк низко зарычал, мгновением позже к нему присоединились остальные. Борис почувствовал, что в кровь выплеснули кипящей воды, нервы натянулись, а руки стали сжиматься, как будто в поисках оружия. В то же время головой, как-то отстраненно, он понимал, что при нападении, в этот раз, скорее всего сил отбиться у него не будет. Волки, не спешили нападать, их было слишком мало, да и добычу они уже добыли.

– берите носилки и спускаемся откуда пришли – пяťсь, и не спуская взгляда с хищников сказал Кромхильд – обойдем их, это не стая, они не будут сегодня нас преследовать.

– Аагрр ухх – утробно донеслось из тумана, заставив присесть людей, а волков развернуться в сторону звука. Теперь тональность рычания зверей изменилась, Борису в нем, чудился испуг и удивление.

– Аагрр ух – звук повторился громче и из тумана неслышно вышел еще один волк. Впрочем, Борису только на первый взгляд показалось волком, то, что стояло сейчас напротив четверки оскаленных зверей. Размер этого зверя был чуть больше, чем самый крупный волк, увиденный им в этом мире, вдвое. Передние лапы были больше, чем задние, мощные грудь и шея заканчивались вытянутой головой с небольшими ушами и гипертрофированными верхними клыками. Вытянув вперед шею и напружинив лапы, зверь издал громовой рык, который отражался во всем нутре, заставляя цепенеть от страха и отказывать ногам.

– Аагрухх!!!! В следующее мгновение лапы распрямляясь в мощном прыжке, вырвавшим клочья травы с землей, рванулись за убегающей четверкой волков. Один из зверей, не успев убежать, на сколько молниеносным был прыжок этого монстра. Распластавшегося в бегстве волка, монстр просто ухватил жуткой пастью за спину, с жутким хрустом сжав кошмарные челюсти, под визг умирающего хищника два раза мотнул головой и выкинул в туман как мокрую тряпку. Затем, даже не посмотрев вслед умчавшимся волкам, повернул свою голову к людям и уставился на них немигающим взглядом. Борису показалось, что смотрит это чудовище на них целую вечность, но вот клыкастый монстр, неторопливо развернувшись и легко подхватив добычу волков, растворился в тумане.

– Кром, что это за чудовище такое, ты же вроде сказал, что тут у вас волки и медведи только – хриплым голосом спросил Витек – и почему он нас не тронул. Борис посмотрел на Кромхильда и увидел, что тот удивлен не меньше его.

– мы называем его Агрух – потрясенно сказал северянин – а вот на второй вопрос ответа не знаю.

До Бориса начал доходить смысл сказанного, когда Николай тихо сказал, стоя позади него – ну что же по крайней мере мы знаем, что проживем максимум три года, потому что «взять образцы», тут он явно изобразил голос безумного доктора, у такого чудища просто невозможно. Повисшее молчание прервал хриплый голос Десса, который вместе с купцом, как оказалось только нагнал их и пропустил всю драму природы, которая стремительно пролетела перед людьми

– ну что Кромхильд, выдвигаемся?

– да, пошли, Хавлик, Никлай берите носилки – сказал северянин, сбросив оцепенение и начиная спуск с холма.

Следующий отрезок времени Борис не заметил, два раза сменившись у носилок с товарищами по несчастью, просто упал, когда услышал команду от Кромхильда о ночлеге. Кое как переползая под устроенный навес, просто закрыл глаза и проснулся от того, что кто-то трясет его за руку.

– Боря вставай давай – сказал Николай, как оказалось это он немилосердно тряс Бориса, пытаясь добудится – Кромхильд уже уходит.

Разлепив глаза, Борис сразу же зажмурился от ярких солнечных лучей, ослепивших его. Поднявшись и разминая предательски нывшую поясницу, Борис, удивленно огляделся, сразу увидев уходящих вперед Кромхильда, Витька с Хавликом, несущих носилки, оказалось, что пока он валялся в отключке, все уже успели не только встать, но и полностью собравшись выдвинуться в путь. Туман, покрывавший все в округе, исчез, растаяв под лучами яркого света, желтые холмы с проплешинами черно – серых камней искрились под ярким светом дневного светила, которое, впрочем, совершенно не грело. Все это Борис отмечал уже на ходу, протирая глаза и ежась, стараясь немного согреться после забытья сном. Догнав основную группу и подстроившись под их ход, машинально переставляя ноги, Борис вначале рассматривал окружающий пейзаж, но потом устав от его однообразия и от монотонности движения, которое делилось на два вида тяжело с носилками и чуть легче без них, погрузился в размышления. Что с ними произошло? Как такое возможно? Что дальше? Эти и другие глобальные вопросы, очень быстро вытеснили мысли одна мрачнее другой, очевидно, что он и его товарищи по несчастью наименее приспособленные к местной действительности люди и выполнить задание безумного доктора они не смогут, тогда зачем вообще стараться, идти куда то, переставляя замерзающие ноги, может ну его на хрен, все равно даже не помрешь а сдохнешь в этой бесконечной и мрачной степи. Борис вяз в этих мыслях, как в болоте, медленно и неотвратно и только злость заставляла его браться за носилки и переставлять ноги, злость на себя, на мир, на эту чертову, бесконечную степь. К вечеру второго дня хода они опять вымотались так, что буквально попадали на землю, пока их проводник, кажущийся двужильным, ставил полог и организовывал костерок. Закинув по горсти все того же сушняка и запив несколькими глотками воды, люди заползли в палатку и Десс спросил у поправляющего огонь Кромхильда

– у нас вода закончилась, а тут горы начинаются, на пути будет источник или ручей.

– нет, ни ручья, ни источника тут нет – ответил северянин, сосредоточенно разрезая шкуру, которая служила подстилкой Клуму – но воды скоро будет очень много. И видя недоуменный взгляд Десса, пояснил, завтра к вечеру или в ночь пойдет снег.

– отлично, надоело уже бегать – проскрипел Десс, откидываясь на спину – быстрее бы. Под это, полное оптимизма изречение Борис и заснул. На следующее утро первым ощущением был холод. Именно его Борис почувствовал, когда открыл глаза. Кстати, проснуться он смог, в этот раз, самостоятельно, от какого то, внутреннего чувства тревоги. Поднимаясь на локте и пытаясь оглядеться, Борис увидел их проводника, старательно отрезавшего от полога тонкие кожаные ленты.

– зачем ты это делаешь – спросил он, видя, как с каждым словом из рта вырываются тонкие клубы пара.

– последний шанс – коротко объяснил Кромхильд, и повысив голос сказал – просыпайтесь, этот день для нас будет решающим.

Пространство полога наполнилось звуками просыпающихся людей. Борис выбравшись из их ночного пристанища первым замер от увиденного. Степь покрывал серебристый иней. Небо уже не было таким безоблачным как вчера и когда, в разрывах туч, проглядывал свет, степь вспыхивала серебром, от края до края. Дыхание превращалось в пар и холодный ветерок проникал под жалкое рубище, служившее людям одеждой. Борис сложил руки на груди, пытаясь совладать с зябкой дрожью только проснувшегося человека.

– Брис, Никлай – позвал их Кромхильд, перестав складывать нарезанные ленты и принимаясь за полог – одевайте это, иначе ноги совсем отвалятся. Кое как разобравшись с устройством не то сандалий меховых, не то обмоток с подошвой, завязав их вокруг щиколоток свободными кусками шкуры Борис подумал, что такая обувь долго не продержится и, тут же получил подтверждение своего мнения от Витьки.

– да уж, этих обмоток хватит на день, максимум – сказал Витек ухмыляясь.

– через день – жестко ответил Кромхильд – мы будем понимать нужна ли обувь нам всем или уже ничего не нужно, в этом мире, все пошло. Ухмылка Витьки сползла с его лица, и все начали уже привычно собираться, благо вещей у их отряда было очень мало. Снова дорога, снова в истертые ладони впиваются ручки носилок, снова плечи сгибаются от усталости. В этот раз Кромхильд с ходу задал такой темп движения, который был на пределе их, и без того измотанных, организмов. При этом ландшафт плавно, но неумолимо начал подниматься к маячившим около линии горизонта небольшим горам. Сменившись по три раза с парой, Витька и Хавлика, Борис совершенно перестал понимать сколько они уже идут, да и смотреть перестал куда-либо по сторонам, уткнувшись взглядом в землю. Очередной раз беря носилки, ставшие неподъемными, хотя Клум был далеко не великанского сложения, у Николая, ручка носилок просто выскользнула, он попытался подставить колено, под падающие носилки, завалившись в итоге вместе с ними на стылую землю. Кромхильд, видя все это, поморщился и указав направление на ближайший заметный валун, отправил туда Витьку и Хавлика. Затем, подойдя к сидящим на земле Борису и Николаю, скомандовал отдых до того, как к ним подойдут оставшие Десс с купцом. Борис завалился на спину, уставившись в небо, которое все более и более затягивалось серо синими тучами. Небу было совершенно наплевать на жалких букашек, что копошились на земле, в надежде спасти свои нелепые жизни. Борис закрыл глаза и на какой-то миг отключился от всего. В чувство его привел короткий пинок в бедро и голос их неумолимого проводника.

– Десс бери по одной ручке носилок с Никлаем, обмотайте ручку вот этим ремнем, закинув петлю на запястье – и северянин показал самодельный аналог гимнастических лямок, которые применялись для контроля хвата, чтоб не сорваться с турника – и идите таким ходом, как будто это ваш последний день, возможно, это так и есть. Десс, как задохнешься, оставляя носилки и иди один. Ииса, ты самый медленный, поэтому старайся не сильно отстать от них. Весь этот короткий инструктаж проводника Борис слушал уже берясь за носилки и начиная движение по следу в заиндеветой траве, оставленному их товарищами, ушедшими вперед. На этот раз Кромхильд выступил не проводником, а жестоким мучителем, идя сзади постоянно подгоняя.

– да, раздери вас мертвые, быстрее, вот до того камня еще немного, вы что хотите сдохнуть в шаге от дома – хрипел в ушах голос Кромхильда, и они шли, тратя последние силы. Вот носилки остановились на миг, снова дернулись вперед, и Борис краем глаза увидел Десса, который уперся руками в колени и с хрипами втягивал в себя воздух. Снова движение, снова мгновение остановки и вот сам Борис, уже согнувшись в приступе кашля, судорожно пытается втолкнуть, хоть частичку стлого воздуха, жесткая рука северянина поднимает его и придает ускорение вслед за уходящими товарищами.

– быстрее, вот уже почти пришли к цели – уже кричал Кромхильд, пытаясь заставить всех двигаться быстрее. В какой-то момент пришло осознание, да пропади оно все пропадом, без разницы что дальше будет, все не могу больше. Борис остановился вздохнул и стал смотреть как Николай плетется за носилками, которые несли Витек и Хавлик. Появилось желание сесть на землю и закрыть глаза. А еще Борис увидел, что они достигли довольно большого холма и еле заметная тропа петляет между валунов, уходя вверх. Только приметив удобный камень чтобы посидеть, Борис получил мощнейший пинок под зад, который заставил его пробежать несколько шагов, пытаясь удержать равновесие и упасть на четвереньки. Тут же сбоку прошептели по траве сапоги Кромхильда, который с презрением бросил через плечо

– никчемная дохлятина, только сушняк зря на тебя перевели, на хрен я тебя выхаживал.

Злость обожгла сознание, смывая все на своем пути. Борис вдруг двойственно стал ощущать себя, с одной стороны он был уставшим, сломленным человеком, который хотел лишь одного, чтобы все быстрее закончилось, с другой он пытался догнать убегающего от него вверх по склону, северянина. Он хотел убить его, задушить, загрызть, это желание пульсировало в нем, заставляя рвать жилы и постепенно догонять его обидчика, который уже бежал и тут его хромота проявлялась гораздо сильнее, чем при обычном передвижении. Ощущая непонятную свирепую радость от того, что настигает обидчика, Борис, видя, что Кромхильд скрылся за поворотом тропы, огибающей каменный выступ, ускорился выбегая за северянином, последнее, что он увидел, как Кромхильд замахивается копьем.

Очнувшись, Борис обнаружил перед собой каменную стену с пятнами серо желтого лишайника. Начиная приходить в себя, он хотел встать, но у него ничего не получилось, ничего не болело, руки ноги ощущались, но просто не хотели слушаться. Испугавшись этого состояния, Борис перевернулся на спину, перед его глазами появился такой же каменный потолок все с теми же лишайниками, скосив глаза вниз он увидел, что их маленькая компания приютилась в небольшой пещере. Сам Борис лежал рядом с Клумом, за ними горел небольшой костерок не просто на камнях, а в сложенном из камней подобии очага, позволявшем людям без опасений сгореть от стреляющих искр спать рядом с огнем, получая тепло от камней. Да и горело что-то посерьезнее тех веток, которые они собирали на прошлых ночевках. Пытаясь приподняться на локтях, что удалось ему с третьей попытки, Борис увидел, что с другой стороны очага лежат Витек и Николай, про последнего Борис даже сначала подумал, что тот умер, на столько заострившимся, изможденным и какого-то синюшного цвета, было лицо Николая. Заторможено, разглядывая на своего друга, он наконец увидел легкое движение груди, Николай был жив, хоть и выглядел как натуральный покойник. Переведя взгляд на свои ноги, которые были на своем месте, за ними увидел широкий вход в пещеру и ссутулившуюся спину Хавлика. Сквозь разорванную на спине ветхую ткань были видны острые позвонки и свежие ссадины, отросшие волосы грязными сосульками падали на поникшие плечи этого веселого, и молодого в общем то, воина, превращая его в изможденного оборванца.

– Пииить – проскрипел севшим голосом Борис, чувство жажды появившись с момента, когда он очнулся стало нестерпимым.

– ох ты, брат, очнулся – Хавлик развернулся от входа подошел и ухватив Бориса попытался его поднять. Это удалось только с третьей попытки, тело Бориса совершенно не хотело слушаться его.

– да что с тобой такое Борис – недоуменно спросил Хавлик – сначала Кромхильд принес тебя без сознания, ты тут метался, рычал, сейчас как будто кости из тебя все вынули. Борис вспомнил свою непонятную ярость, ну подумаешь обозвал его северянин и обозвал, имел полное право, но, чтобы гнаться за ним и хотеть убить, такое с ним в первый раз, хотя, нет, не в первый, он вспомнил как сцепился с Витьком в повозке. Эти мысли отвлекли его от чувства жажды, и когда он уже хотел спросить зачем Хавлик тащит его к выходу, слова замерли у него на языке. На улице шел снег. На хмурые холмы опускалась пелена из крупных, белых

хлопьев. Ветра, в отличие от предшествующих дней, не было и снежинки опускались плавно и, как-то торжественно, покрывая желтые холмы белым покрывалом. Борис кульком свалился на камень около входа в пещеру и заворуженно стал рассматривать это красивое зрелище, хотя для горстки людей, находящихся в каменном мешке, снежный покров скорее означал саван. Как теперь быть, есть ли надежда или зря они бежали, сразу закрутились мысли. Хавлик тем временем ткнул в руку Борису снежком, собранным перед выходом из пещеры прямо с земли.

– на, только весь не запихивай в рот, другой воды тут нет. Борис слабо кивнул, поблагодарив друга, и принялся отгрызать от грязноватого снежка по кусочку, на зубах хрустела земля, язык вскоре онемел, но ему было плевать на эти мелочи. Сгрызя снежок, Борис сполз с камня и уже сам наскреб себе добавки, еще одну порцию грязного снега с травинками. Сидя все на том же камне и жуя второй снежок спросил у Хавлика вопросы, которые наконец смогли оформиться в его заторможенном сознании.

– а как я пришел в пещеру и сколько провалялся.

– ну не пришел, а Кромхильд тебя притащил, сказал, что ты упал, а провалялся ты вечер и ночь всю.

– упал, ага – сказал Борис, трогая приличную шишку на лбу – а где сам Кромхильд.

– да вот и хрен то, что ни его, ни Десса с купцом до сих пор нет, хотя уже рассвело – сказал Хавлик, тревожно вглядываясь в тропу, которая извивалась между камней и исчезала под падающим снегом. Они замолчали. Хавлик, очевидно, переживал за своего командира, который не мог поддерживать темп более молодых людей и остался где-то в ночи. А Борис как-то стыдливо вспомнил ту ярость, с которой бежал за Кромхильдом, который выхаживал его и дотащил на себе к пристанищу. Слабость и тошнота, внезапно накатившие, заставили согнуться, он чуть не свалился с камня.

– Хавлик, я пойду прилягу, чего-то мне совсем хреново, ладно – сказал Борис

– угу, давай, все равно сейчас ничего не сделаешь, северянин четко сказал ждать его до полудня.

До своего места Борис буквально дополз, он ничего уже не мог соображать, упав на кожаную подстилку, он отключился, но в этот раз это был только сон.

Проснулся Борис рывком, с тревожным чувством, что спал невероятно много. Сев на своей тонкой подстилке он увидел, что вокруг костра собрались все члены их потрепанного отряда. Напротив, сидели Десс и Ииса, причем последний, страдальчески растирал распухшую щиколотку. Хавлик, Витек и Николай молча, с отрешенным видом смотрели на огонь, Клум все так же лежал и не подавал признаков жизни. И лишь Кромхильд сидел особняком перед входом, задумчиво глядел на темнеющее небо и закидывал в рот по щепотке все того же сушняка, который был им пищей все последние дни. Борис, видя, что северянин один решил прояснить несколько моментов, со скрипом поднялся и подошел к проводнику, тот увидев, приближающегося Бориса, лишь коротко кивнул и продолжил рассматривать облака.

– ээм, Кромхильд, что это было там на тропе. Северянин, поглядев на него и спрятав еле проглядывающую улыбку в бороду уточнил.

– а что там было? Что конкретно тебе интересно узнать?

– ну что за ярость у меня взялась после твоего пинка, да еще такая что я бегом за тобой побежал?

– ух, ты – Кромхильд отвлекся от наблюдения за небом и, перестав улыбаться, внимательно посмотрел на Бориса – я-то думал про пинок как раз и спросишь.

– да нет, пинок то как раз и понятно – сказал Борис, присаживаясь рядом – для злости как раз и дал, но у меня тут, ну в этом мире уже несколько раз такая злость просыпается, непонятно откуда.

– у меня есть некоторые мысли на этот счет – задумчиво сказал северянин – ты часто уходил из мира, в последнее время – спросил он.

– в смысле, из мира – спросил Борис – да я в последнее время только это и делаю, из своего мира в ваш.

– хмм, да еще и это, но вообще я имел в виду, били тебя до отключки часто.

– я уж и сосчитать не смогу, а на что это влияет.

– влияет, влияет, но давай не сейчас – Кромхильд коротко взглянув на небо встал и хлопнул Бориса по плечу – сейчас нужно итог подвести. Сказав это, северянин, прихрамывая больше обычного, направился к остальным людям. Возле костра, тем временем, царило какое-то оживление, Борис поплелся вслед за Кромхильдом и усаживаясь увидел, что купец Ииса держит за руку Клума и две дорожки от слез прочертили свой путь от глаз, теряясь в седой бороде. Неужели умер, отрешенно подумал Борис, но оказалось, наоборот, еле живой Клум, которого они тащили все эти нескончаемые часы и наверняка каждому приходила мысль о бесполезности этого, или о том, что можно повисить шансы на свое спасение, оставив раненого, пришел в себя. Сейчас, глядя на то, как отец и сын, без слов просто смотрят друг на друга, держась за руки, Борис отчетливо понял, что делали они это не зря.

– ну что же, похоже, боги послали нам свое расположение – усмехнувшись, начал говорить Кромхильд. Борис заметил, что, говоря о богах у северянина нет совершенно никакого раболепия и уничижения в голосе, скорее уж какой-то тонкий сарказм прослеживается.

– мы дошли до укрытия, пережили встречу с Агрухом, да еще и Клум очнулся – продолжал Кромхильд – но самое главное даже не это. И видя недоуменные взгляды продолжил

– самое главное, что небо очистилось и мы можем продолжить путь, даже отдохнув при этом несколько часов, такой подарок нельзя упускать, поэтому, как только небо начнет сереть, мы выходим. Вся радость мгновенно улетучилась у Бориса из головы, как выходим, опять тащить носилки, да еще и ночью, похоже этот северянин сошел с ума. По-видимому, так думал не только он, но и большинство их отряда.

– как мы в горах то, да еще и ночью пойдем – пробормотал Витек, обращаясь даже не к северянину, а скорее к себе самому.

– Клум на носилках, Ииса ногу подвернул, да и я не бегун совсем, мы остаемся тут – спросил Десс.

– нет, бежать нам не к чему, но и пропускать такой подарок нельзя, снега немного, а нам нужно перебраться на ту сторону холма, это не горы, это наша тропа, по которой мы ходим и на той стороне есть укрытие уже более основательное. Там мы сможем подать сигнал, который увидят в Доме, да и припасы есть, на крайний случай продержимся там еще месяц, пока снег пройдет. Ииса у тебя есть выбор, скорее всего остаться без ноги, или погибнуть тут, что скажешь – обратился Кромхильд к купцу.

– да куда она мне, нога то – спокойно сказал купец – все равно уже не бегают так как раньше, идем конечно.

Борис, в очередной раз поразился силой воли этого немолодого уже человека.

– хах, достойный ответ – ухмыльнулся Кромхильд – ну что же, давайте спать, осталось не так уж много времени до выхода. Борис улегся на свое место, но сон не шел, так какое-то забытие, вроде спишь, но все вокруг слышишь. Только, казалось, он начал засыпать нормально, как услышал голос Кромхильда, обращающегося к купцу

– держи ногу прямее, вот так, я ее как мог перетянул, наступать на нее ты будешь как на костыль, но боль заглушим, а уж дальше, как боги решат.

Приподнявшись на локте и протирая глаза, Борис увидел, что Кромхильд туго мотает Иисе лодыжку. Тот хмурился от боли, но стоически терпел. Все остальные, так же начали, ворочаясь просыпаться. Подойдя к выходу, Борис, по примеру Хавлика умылся горстью снега, холод сразу отогнал сонную хмарь и привел его в чувство.

– ты видишь отличия от той темени, которая была, когда спать ложились – спросил подошедший Витек – я вот чего-то не вижу.

– да хрен его знает – ответил Борис – думаю нашему Сусанину виднее, хотел бы нас угробить, выбрал бы способ полегче. Витек только покивал и пошел назад к очагу.

– Клума не несем, попробуем потянуть по снегу, так есть шанс меняться почаще и доползти до настоящей стоянки – деловито инструктировал всех Кромхильд, устанавливая небольшие полозья на одни ручки у носилок – Хавлик поддерживай Десса, Никлай поддерживай Иису, Брис Витоор беритесь за ручки и за мной.

С этими немудреными наставлениями их маленький отряд вышел в темень ночи. Ременная упряжь теперь была приделана к двум ручкам, и Борис с Витьком немного подогнав ее, каждый по своему росту топали за северянином, по ему одному видимой дороге, которая плавно, но непреклонно повышалась. После отдыха носилки показались чуть легче, но это не продолжилось долго, вскоре Борис опять мог только тяжело дышать и смотреть в одну точку, на спине мерно шагающего северянина. Они не заметили, как тьма сменилась тусклым светом, который еле проникал сквозь серые облака, которые, казалось, плывут с ними рядом. Борис ощущал нервное напряжение, когда их поход начинался, то он почти готов уже был сдаться, но там на тропе после пинка и презрения в словах северянина, что-то изменилось в нем, он сам не мог толком это понять и сформулировать, хотя покопаться в себе был склонен всегда. Как будто с него стерли человека и осталось животное, которое хочет выжить вопреки всем законам логики и разума. Мельком посмотрев на Витьку, Борис увидел, что и у того решительная и злая рожа, несмотря на худобу и грязь, на ней не было сомнений. Так они и шли, сменялись уже три раза, отдыхая, если это можно было назвать отдыхом, когда поддерживали Десса и Иису. И, если первый еще как, то крепился и шел, то купец начал отставать и выдыхаться окончательно. Увидев это Десс, когда в очередной раз к нему в поддержку пришел Хавлик, просто отослал его к Иисе, для этого ему даже пришлось нарычать на своего ученика и подчиненного. Тем временем с неба пошел легкий снег. Когда доковыляли до самой верхней точки в пути, Борис с Витьком, выступавшие в роли основной тягловой силы, просто повалились рядом с носилками.

– как восстановите дыхание, вставайте и идите вон на ту каменную крышу – сказал им Кромхильд и указал, направление. Сквозь снежную пелену внизу между камней и впрямь виднелась выступающая каменная плита и впрямь напоминающая не то крышу, вырастающую из тела холма, не то балкон. Черная каменная плита была неплохим ориентиром даже сквозь снегопад, который усиливался с каждым часом. Скользить вниз было ненамного легче, чем подниматься, теперь Борис с Витьком увязая в снегу сантиметров на двадцать, оскальзываясь, пытались не упустить носилки с Клумом, который опять впал в беспамятство, в неуправляемый полет по снегу. Борис, сконцентрированный на том, чтобы не разбиться самому и не упустить носилки – санки не заметил, как они достигли места, которое им указал Кромхильд. Действительно внушительная каменная плита, черного камня, вырастала из холма, создавая большой навес, опираясь одним краем на такую же каменную опору, а второй край врастал в землю. Люди же приспособили это естественное укрытие и доработали его до уровня жилища. Под каменным навесом, виднелась дверь из разрубленных пополам, небольших бревен. Стена фасада была сложена из камней и между которыми был протыкан мох. Сбоку, в краю, который врезался в землю, прилепилось подобие печной трубы, все из тех же камней, только промазаны они были уже серой глиной. Борис с Витьком даже, не сговариваясь, остановились глядя на дверь, не закрытую, а приваленную небольшим камнем, и не решаясь зайти.

– надо заходить, чего топчемся то – устало сказал Витек и прошел к двери. Несмотря на уклон, около входа была небольшая ровная площадка, явно рукотворная. Витек ногой откатил камень, и с трудом открыл дверь. Та оказалась довольно тяжелой, да еще и ременные петли из толстой кожи, совсем не держали вес двери, а лишь не давали ей упасть при открывании, хотя и были обильно смазаны, какой-то черной дрянью. Отряхнув, налетевший на Клума снег и кое как затащив носилки с ним в проход, они оказались в темной пещере. Впрочем, подобие небольшого камина и большая поленица дров, а также, четыре лежачих скамейки все из

тех же небольших бревен, пристроенных таким образом, чтобы тепло от печки обогревало их, показались им чем-то нереальным. Друзья, не сговариваясь сели на одну из скамеек и замолчали, тупо уставившись перед собой. Борис не знал какие мысли были у его товарища, но у него самого как будто что то, надломилось внутри. Впервые после того злополучного ужина на земле, кажущегося сейчас, чем то, совсем призрачным их никто никуда не гнал, никто не угрожал, не орал. Тишина, которая царила в этой убогой землянке, пещере придавливала и оглушала не хуже любого крика. Очнулся Борис от этого транса от боли в спине и ощущения сырости в ногах, его жалкие обмотки, конечно же начерпали снега и совсем раскиселились.

– давай ка откроем дверь то – со скрипом вставая, сказал Борис – а то не видать ничего, надо хоть огонь попытаться разжечь.

– угу – отстраненно пробормотал Витек и пошел к двери. От слабого света стало чуть светлее, и Борис начал осматривать печь в поисках огнива, которое он уже научился узнавать. Действительно, на одном из выступов неровной кладки нашлись два камушка приметных, а между поленьями нашелся пучок сухого мха. На всех привалах розжигом занимался северянин, у которого это получалось очень ловко. Редкие искры все никак не могли разжечь даже крошечного язычка пламени, и Борис опять вдруг почувствовал черную волну злости, поднимавшуюся из нутра. Спокойно, сказал он сам себе, что-то со мной не так явно.

– Вить, давай ты попробуй, я рукожопый какой-то.

– угу – опять коротко ответил Витек – подошел и начал стучать кресалом.

Борис же решил осмотреться в землянке. За поленницей была стена из земли, явно утрамбованной, чтобы не осыпаться, а вот на другой стене к каменному зубцу, выступавшему как нарочно для этой цели была привязана веревка, которая проходила сквозь кольцо, вбитое в камень потолка, на другом конце веревки были привязаны кожаные мешки. Судя по всему, в них был такой же сушняк, ну или другая провизия. Без лестницы достать до зубца, удерживающего веревку, было невозможно, только если бы Борис залез на Витька.

– так понятно – пробормотал под нос себе Борис и двинулся к выходу, так как смотреть, в общем то, больше было не на что. Кинув взгляд на Витька, который монотонно, и безрезультатно все стучал камнями, он прошел ко входу. Снег усилился на столько, что рассмотреть что-либо за пределами сотни метров было невозможно. Как раз на пределе видимости показалась тройка людей, спускающихся со склона. Николай и Хавлик тащили Десса и, если бы не склон, который задавал движение вниз, навряд ли бы они передвигались вообще. Скорее это было управляемое падение. Борис подумал, что неплохо было бы помочь как-то друзьям, но, чтобы опять выйти в этот проклятый снег, не было ни моральных, ни физических сил. Так он и тараторил, пока Николай с Хавликом не подтащили Десса на ровную площадку.

– Боря помогай давай – прохрипел Николай и этот хрип вывел Бориса из ступора. Втроем они кое как затащили Десса в землянку и уложили на одну из лавок. Хавлик деловито прощупал пульс и удовлетворенно кивнув, заметил бестолковые попытки Витька, который как зомби все стучал камнями друг об друга. Отобрав кресало, Хавлик ловко в три удара высек достаточно искр, чтобы на пучке мха запылал крошечный огонек. С укоризной посмотрев на Витька и Бориса, которые даже не додумались положить щепок, он, бережно неся разгорающийся мох, дошел до поленницы, взял несколько мелких щепок и сложил небольшой костерок в печи. Видя, что дым не выходит в трубу, Хавлик чертыхнулся под нос и полез в печь, с металлическим лязгом вынул оттуда небольшой котелок, и сразу дым потянулся в трубу, а огонь запылал гораздо веселее. Все, опять молча уставившись на разгорающийся огонь, сели по лавкам. Апатия накатывала все сильнее, придавливала к лавке и, казалось, все кости разом вынули.

– у вас тут чего лес, что ли под боком – донеслось от входа хриплое карканье Кромхильда – тепло они наружу выпускают.

Все, кроме Клума и Десса, который так и не пришел в себя, встрепенулись и раскрыли слипающиеся глаза.

– давайте парни помогите затащить Иису – устало проговорил северянин, обращаясь к Борису и Витьку – он там неудачно упал и сейчас без сознания, но вроде жив.

Борис обратил внимание на то, что на плечах Кромхильда были не снежинки, а кучи снега, и выходя за дверь понял почему. За то время, пока они пытались наладить быт в пещере, наступили серые сумерки и снег настолько усилился, что буквально в двух шагах уже ничего было не видно, а снежный покров уже смог достигнуть, на вид сантиметров тридцать. Борис на секунду застыл, пораженный этим серым безмолвием и пеленой белого снега, в очередной раз ощутив себя мелкой букашкой, но потом встряхнувшись помог Витьку затащить купца внутрь. У того была внушительная шишка на голове, ближе к затылку и он уже начинал приходить в себя, открыл глаза и стонал. В пещере тускло горел очаг, в подвешенном на крюке котелке опала горка снега, а неутомимый Кромхильд, с помощью Хавлика ставив мешки уже копался в них и, даже радостно усмехался.

– кладите его вон на тот лежак – распорядился он – пока толком не пришел в себя размотайте ему ногу, да не загораживай ты свет то, дылда. Витек, кому эти слова были адресованы, даже не ответил, в своей обычной манере, а просто кивнув, отошел к своему лежаку.

Борис же, как и велели, начал разматывать кожаный ремень на лодыжке у купца. Нога выглядела скверно, опухла и посинела. Подошедший Кромхильд оттеснил его и начал осторожно ощупывать ногу в ступне.

– Пришел в себя купец – спросил он, и дождавшись слабого кивка, продолжил – я сейчас буду надавливать, ты говори, где больно, а где нет, понял.

– а ты чего столбом стоишь – обратился он к Борису. Если честно, то этот простой вопрос поставил Бориса в затруднение, он уже настолько был вымотан, раздавлен всеми неприятностями, что чувствовал себя скотиной, которая идет только после удара хлыстом. Подойдя к своему лежаку, он облокотился спиной на стену и просто вырубился. Опять сон, который видел Борис был слишком реалистичен. Люди, в простой одежде из серого холста, сажали саженцы. Делали они это на берегу большого пруда, берега которого плавно переходили в буйство рогоза и камыша. Мужчины были сосредоточены, женщины радостно переговаривались, стоя небольшими группами, а малышня и вовсе, носилась с криками и визгами между ними. Солнце играло на желтеющей листве лип и кленов, которые росли в округе. В чистом воздухе разливалась радость и такая благодать, которую можно ощутить лишь когда ты маленький и совершенно беззаботный. В группе из трех мужчин, один ровно держал саженец, второй, самый старший из них, зачерпнув деревянное ведро воды, с улыбкой наблюдал за юнцом, который забрасывая лопаты земли в ямку, очевидно торопился.

– Антипка, да не торопись ты, чай танцы то все одно только вечером случаться, тебе ж не третий кафтан прихорашивать – смеясь сказал он.

– дядька Ляксандр, так ведь стрельские то до танцев придут исчо.

– ах вот оно что, ну тогда беги, воин, вон отдай Тимофею лопату то. Юнец сделал, что велели и быстро растворился.

– куда это младший сероглазов то побег – спросила подошедшая к ним женщина – барин выходной дал, а он бежит как ошпаренный, опять чай драку какую затевают со стрельскими. Женщина строго посмотрела вслед юнцу и поправила жилетку из овчины на большом животе, который выдавал, что скоро она станет матерью.

– да пушчай бежит, парни то они должны драться – сказал мужчина, улыбаясь – а ты иди уже, не студишь. Посмотрев, с любовью вслед уходящей жене, он взял ведро и аккуратно вылил его под саженец.

– да, Ляксандр, правильно отпустил его – нарушил тишину его товарищ по труду – кабы не драки, уделали б мы с тобой того англичанина здоровенного в окопах то, до сих пор ребро ноет к непогоде.

– да уж, слава Богу, вернулись целыми Тимша, землю то пахать все лучше, чем кровью харкать от газа то немецкого.

– как назовешь ребеночка то – перевел диалог на более приятные темы Тимофей

– ежли доча будет, не знаю еще, а если сын, так же Александром.

– ну Ляксандр Ляксандрыч, хорошо звучит, сказал Тимофей, улыбаясь и отряхивая руки. Мужчины, улыбаясь пошли вслед за вереницей людей,двигающихся к залитому солнцем пригорку, на котором стояли дома. Ощущение счастья и безмятежности стало таким ярким, что, всхлипнув Борис проснулся и задыхаясь, как будто не дышал весь сон, ощутил, что в бороду стекают две соленые дорожки из глаз. В пещере было темно, очаг едва теплился, во тьме слышалось прерывистое дыхание людей. Борис с трудом разогнул совершенно затекшую ногу и усталился в потолок приходя в себя. Пытаясь понять, что же так его тронуло в этом сне, что он плакал, он незаметно опять уснул, на этот раз уже без сновидений.

Первое время в их убежище, Борис смутно запомнил. Сваренная похлебка, котел которой варили по мере того, как прежний опустошался. Жесткий лежак, казавшийся лучше всех матрасов и постелей, которые он видел в жизни, темнота, прерывавшаяся бликами от очага и забыть, вязкое, которое не отпускает из своих объятий. Кромхильд, из глубины земляной пещеры притащил скрутку шкур, которые хоть и пованивали тленом, но под ними было тепло, да и кругляши лежака они немного смягчали. Он же показал всем дырку в земляном полу, которая была отхожим местом, обложенную камнями и оборудованную заглушкой из глины и травы, для того чтобы не сильно воняло. Причиной очередного пробуждения Бориса была как раз потребность посетить туалет, по серьезному поводу, громкое бурчание и ощущение кирпича в кишках, об этом говорили недвусмысленно. Встав с лежака, он обнаружил, что все кроме купца с сыном и Десса бодрствуют, сидя возле очага, не было так же и Витька. Кирпич в кишках рвался наружу, а Борис, уже направившийся к дырке, был остановлен Кромхильдом.

– так, если срать хочешь, то давай на улицу, пока еще возможно, нечего тут вонь лишнюю разводить.

Борис кивнул и прошел на выход, открыть дверь убежища оказалось не так-то легко. Снег не пускал и пришлось немного напрячься. Прищурившись от света, Борис закрыл дверь и вдохнул морозный воздух. На сколько хватало взгляда везде был снег, он шел густой занавесью с седого неба, он хрустел под ногами, сугроб начинался в двух шагах от двери и достигал середины бедер, по бокам же, наплывы снега, который сдувало с крыши их убежища и вовсе достигали высоты его роста. По сугробу с левой стороны были видны следы, которые очень быстро снег заметал, как будто карабкался человек. Подумав, что гадить перед дверью будет не очень, Борис начал карабкаться по следам. Картина, которую он там увидел заставила его неловко замереть. Грязный Витек, который выглядел как персонажи картин Босха вытирал руки и тихонько хихикал. Отросшие волосы, слипшиеся в сальные колтуны, грязные разводы на острых скулах и белоснежные, сделанные хорошими стоматологами, зубы. При этом сидел он в утопанной лунке из снега, а штаны были накинута на плечи.

– о, здорово Боря – хихикая, сказал Витек – давай присоединяйся, только ха-ха, не вляпайся, а то уже тут почти все отметились.

Борис в замешательстве огляделся, пролез немного выше и так же, утопав лунку, приступил к делу. Витек же, видя настороженный его взгляд, прокомментировал свое веселье.

– да вот вспомнил, как ругал секретаршу новенькую, за то, что она плохую туалетную бумагу закупила, ха-ха-ха, а теперь вот снежком очко подтер и хорошо, бодрит, бля... ха-ха-ха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.